

Валентин Сидоров

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВАЛЕНТИН СИДОРОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕНТИН **С**ИДОРОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

ВАЛЕНТИН **С**ИДОРОВ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
БАЛЛАДЫ И ПОЭМЫ
МЕДИТАЦИИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

ББК 84Р7
С 34

Оформление художника
С. КУЗЯКОВА

С $\frac{4702010202-148}{028(01)-90}$ 73-90

ISBN 5-280-01082-0 (Т. 1)
ISBN 5-280-01083-9

© Предисловие. Состав. Оформление. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

ОТ АВТОРА

Год моего рождения — 1932-й. Это означает, что я принадлежу к поколению, чье сознание было опалено Великой Отечественной войной. Нас учили не столько книги, сколько испытания, выпавшие на нашу долю: а было всякое — и голод, и бомбежки, и сыпной тиф, и многое другое.

Мои воспоминания возвращают меня в Воронеж, где я родился, и Воронежскую область, которую исколесил вдоль и поперек. Но не только воспоминания. Моя жизнь сложилась так, что дважды или трижды в год я приезжаю в Семилуки — предместье Воронежа — под крышу родительского дома. Собственно, большинство моих стихов написано именно здесь, или в роще бывшей усадьбы Башкирцева, хранящей память об Алексее Кольцове, или на холме, высоко вознесенном над Доном. Недавние археологические раскопки обнаружили на холме следы древнерусской крепости. Надеюсь, что это и есть тот самый исчезнувший в дымке времен Воронеж XII века, о котором упоминает Никоновская летопись.

Мое первое стихотворение в центральной прессе было опубликовано в январе 1953 года в журнале «Смена», когда я учился на философском факультете МГУ (окончил университет в 1954 году). Философское образование решил пополнить филологическим и в том же 1954 году поступил в аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького.

С той поры моя судьба оказалась тесно связанной с нашим литературным лицеем. Через десять лет после окончания аспирантуры я вернулся в институт, но в другом качестве — руководителя поэтического семинара. Должен сказать, что чрезвычайно ценю общение с молодыми авторами, ибо учеба, как известно, процесс двусторонний. «Уча — учусь» — этот афоризм в полной мере приложим к опыту моей работы со студентами.

А что касается аспирантуры, то кандидатский минимум я сдал в должные сроки, а вот с диссертацией несколько припозднился: защитил ее двадцать лет спустя после аспирантуры. К тому времени амплитуда моих интересов сделала резкий скачок, и вместо Маяковского, как планировалось когда-то, я защищал диссертацию по литературному наследию Николая Константиновича Рериха.

Знакомство с Рерихом и его трудами было переломным рубежом моей жизни. Дело не только в том, что я с головой окунулся в работу по изучению творчества Рериха и мне довелось готовить к изданию книги стихов и прозы Николая Константиновича (кстати, эта работа обрела еще более интенсивный характер после создания комиссии по литературному наследию Н. К. Рериха, председателем которой я был назначен). Дело в том, что Рерих стал для меня своего рода Вергилием, ведущим по трудным и подчас непредсказуемо опасным кругам современности.

Благодаря Рериху я получил возможность прикоснуться к светящейся сути духовной культуры Индии, а значит, и к нашим истокам, ибо гипотеза Рериха о единых корнях народов России и Индии, как известно, получает ныне научное подтверждение. В тяжелом смоге городов я ощутил, как опередил свое время великий русский художник и мыслитель, предостерегая от увлечения индустриальным гигантизмом и настаивая на неотложной необходимости сохранения памятников истории и культуры в их первоизданном виде и нерушимой целостности окружающего ландшафта. Думаю, ныне нет нужды доказывать, что рериховский лозунг «Мир через Культуру», под знаком которого шло движение за подписание Пакта Рериха о защите культурных ценностей, не является пассивным пацифизмом (в чем неоднократно обвиняли художника), а активным утверждением принципов добра и красоты в душе человеческой.

Наше время с особой силой высвечивает тот факт, что нравственный максимализм Рериха покоится на космических основаниях: ведь если верно утверждение о космической значимости внутреннего мира человека, то значит, любое движение его души как бы отзывается эхом во всех уголках Вселенной. Достаточно вспомнить все это, чтоб стало понятным, почему рериховская Живая Этика — которую нам предстоит еще осваивать и осваивать — представляется мне ариадниной нитью, выводящей нас из ла-

биринта современных противоречий и конфронтаций. Вот почему свое отношение к Рериху я мог бы, пожалуй, уложить в одну короткую фразу:

Рерих — это будущее.

Между первой моей поэтической книгой «Город после дождя» (1959) и последней «Устремление» (1986) лег промежуток длиною более чем четверть века. Итоговое издание — тем более Избранное — не может быть, на мой взгляд, лишь простой компиляцией текстов из прежних книг. Уже сама композиция двухтомника, которой обязательно предшествует определенный, подчас жесткий отбор вещей, с неизбежностью будет свидетельствовать об осмыслении и переосмыслении прошедшего с высоты сегодняшнего опыта и возраста.

Издание такого рода можно строить по-разному. Можно положить в основу тематический принцип, можно — жанровый, а можно — как делаю в данном случае я — жанрово-хронологический. Первый том отведен поэзии, второй — прозе. Конечно, необходимость каких-то разделов — их у меня в первом томе три — обусловлена четкими жанровыми различиями, но внутри каждого раздела я располагаю стихи в строго временной последовательности. В том же хронологическом порядке следуют четыре повести во втором томе. Тем самым, как мне представляется, более рельефно прорисовываются общие закономерности духовно-творческого поиска автора.

Мне, например, становится попятным, сколь не случайным в середине 60-х — начале 70-х годов было мое обращение не только к традиционным темам (малая родина, сюжеты русской истории), но и к традиционным поэтическим жанрам, в том числе и таким, которые в то время считались старомодными: октавы, сонет, венок сонетов. Это был, очевидно, своего рода протест против разрушения поэтической формы, против аритмии и дисгармонии, царящей во многих поэтических книгах и на эстрадных подмостках. Возвращение к спасительной духовности отечественной классики обрело тогда свое выражение в парадоксальном лозунге (но такой ли уж он парадоксальный?): «Вперед, к Пушкину!»

Разумеется, этот лозунг не означал — во всяком случае для меня — возвращения к букве прошлого, механического копирования прежних приемов. Жанр, оставаясь неизблемым в своих внешних реалиях, тем не менее обяза-

тельно претерпевает изменения внутреннего плана. Одно дело, предположим, поэма в пушкинские времена, когда проза еще как следует не отпочковалась от поэзии, и потому интрига и внешний сюжет играли в поэме такую же роль, как и в прозаической вещи. Другое дело — наши времена, когда, на мой взгляд, немыслимо — после психологических романов Достоевского и монументальных произведений Толстого — решать поэтическими средствами задачи, которые составляют прерогативу прозы.

Вот почему внешний событийный сюжет, присутствующий в моих исторических балладах, несет минимальную нагрузку. А в философских поэмах он подчас вообще исчезает. Разумеется, это исчезновение лишь кажущееся: абсолютно бессюжетных стихов, по моему мнению, в природе не существует. Просто сюжет уходит, так сказать, вглубь, становится внутренним и потому менее уловимым, не поддающимся прямолинейному логическому определению.

Размеры моих поэм дают основания некоторым критикам считать их «мини-поэмами». Не стану оспаривать, ибо исхожу из убеждения, что наше стремительно движущееся и меняющееся время нуждается не столько в пространных описаниях, сколько в телеграфной лаконичности любой информации (в том числе и поэтической).

Надо сказать, что наступил момент, когда мне показалось, что привычная стихотворная форма с трудом выдерживает напор мыслей, возникающих на пересечении русских и индийских духовных меридианов. Еще мгновение — и их огонь сожжет старую оболочку. В общем, я ощутил настоятельную необходимость принципиально нового метода изложения концентрирующегося до уровня чрезвычайной плотности материала. Этот метод я и обрел в стихах-медитациях. Главной их отличительной особенностью является то, что они носят четко выраженный характер внутреннего собеседования. Здесь человек обращается к самому себе как бы со стороны.

Могу признаться, что над строками медитаций я не работаю в обычном смысле слова. Дело в том, что они рождаются стихийно, спонтанно, во время своеобразного ауто-тренинга, который я стараюсь проводить более или менее регулярно в целях упорядочения и гармонизации внутренних импульсов. Единственное, что я потом делаю: просеиваю сквозь сито отбора эти короткие — подчас двустрочные и даже однострочные — стихи и выстраиваю их в определенные циклы. Тогда они, смею надеяться, превра-

паются в темы для самостоятельного размышления. Собственно говоря, это приглашение к сотворчеству, адресованное читателю.

В жанре стихотворных медитаций мне приходится выступать пионером, ибо привычный и традиционный для индийской поэзии жанр этот для нас совершенно новый. Единственный прецедент, на который можно опираться, — книга стихов Николая Рериха «Цветы Мории», представляющая собой диалоги Учителя и ученика. В сущности тот же самый прием (Учитель — ученик) лег в основу моих стихов-медитаций. Должен лишь заметить, что понятие Учителя с большой буквы для меня существует в широчайшем, охватывающем все сферы внутренней и внешней жизни, плане. Поэтому программной для меня, если хотите, является вот эта мысль:

Участь у всех, Учитель вырастает.

С прозой мои отношения наладились далеко не сразу. Первой основательной пробой пера стала, пожалуй, книга «На вершинах» (1974—1977). Это была попытка введения в духовную биографию Николая Рериха. Поэтому конец его жизнеописания не означал для меня конца книги. Я продолжил ее, дабы, опираясь на стихи художника, проникнуть в неизведанные глубины таинственной «Державы Рериха». Почему на стихи? Да потому, что в стихах, по собственному признанию Рериха, и находится ключ к сокровенному пониманию его пути.

Некоторые мои вещи — статьи, очерки — появились в результате путешествий. Американские впечатления составили основу огоньковской книжки «По маршруту Рериха» (1979).

Но, конечно, главной книгой своей жизни (во всяком случае на сегодняшний день) я считаю повесть «Семь дней в Гималаях», первая публикация которой состоялась в 1982 году в журнале «Москва». Я считаю ее главной не только потому, что она подвела итог моих многолетних размышлений и внутренней работы, но и потому, что она как бы сконцентрировала в себе одухотворенную мысль многих поколений человечества. Боюсь, что некоторые читатели восприняли как чисто литературный прием заявление об условности моего авторского имени. А на самом же деле это и было тем руководящим принципом, который позволил втянуть в орбиту повести малоизвестные тексты древности и современности.

В этой книге мне удалось наконец-то осуществить свою давнишнюю мечту о совмещении прозаического и поэтического начал. Здесь примером для меня послужили классические книги Востока, в прозаическую ткань которых, как известно, то и дело вплетаются стихи, становясь гармоничным и даже незаменимым элементом повествования.

Повесть вызвала достаточно интенсивную читательскую реакцию, не всегда однозначную. Автору пришлось пройти через испытание шумихой, кривотолками, клеветой. Атмосфера дискуссий и споров вокруг повести побудила его взяться за перо, дабы прояснить что-то и для себя, и для других. В результате линия «Семи дней в Гималаях» получила продолжение в последующих вещах — «Рукопожатие на расстоянии» (журнал «Москва», 1986), «Мост над потоком» (Журнал «Москва», 1988). Так — несколько неожиданно для автора — образовалась своеобразная трилогия, которой, на его взгляд, лучше всего подходит название «Мост над потоком». Название это не случайно, оно выражает идею, сформулированную в рериховской Агни-Йоге:

«Нужно принять текущее время как мост над греющим потоком».

Москва
Март 1989 г.

Валентин Сидоров

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ

Мы вместе с нею учились —
Кажется,
 в третьем классе.
Время украло у памяти
Лицо ее,
 голос.

Поэтому
Прошу мне поверить на слово:
Она была совершенство.
Более —

 воплощенье
Всех земных совершенств.
Помню,
 когда нечаянно,
А может быть, специально
Смотрела она в мою сторону,
Я не мог усидеть на месте.
Я прыгал с парты на парту
Удивительно и виртуозно,
Щёлкал ребят по затылкам
Звонко, как будто орехи,
Выкидывал разные трюки —
И всё на ее глазах.
Но она (о, натура женщины!)
Делала вид скучающий,
Как будто бы знаки вниманья
Ни капельки ей не льстили.
Рассеянным стал я до ужаса.
Я, первый отличник в школе,
На уроке чистописания
Кляксы сажал в тетрадь.
Сомнениям и колебаниям
Больше не было места.

Я полюбил безусловно.
Недаром этой весною
Мне десять стукнуло лет.

О, как я любил, товарищи!
Шекспир описать не в силах.
Что там Ромео с Джульеттой.
Должно быть, только Том Соьер
Так Бекки свою любил.
Ради нее готов был
На все,
на любые подвиги:
Открывать неоткрытые земли,
Лететь на Марс и Венеру,
Решать за нее задачи.
(В арифметике, как и все девчопки,
Она была не сильна.)

Любовь порождает ненависть.
В классе у нас был мальчишка.
Рыжий такой, противный,
И его-то,
как будто нарочно,
Посадили за парту с нею.
Этого было достаточно,
Чтоб стал он противнее вдвое.
Придравшись к какому-то поводу,
Я вызвал его на дуэль.
Когда стемнело,
у школы
Мы дрались отчаянно.
Насмерть.

Но равными были силы,
И битва вничью окончилась.
Я нос ему сильно расквасил,
А он ответным ударом
Фонарь мне поставил лиловый,
Который я с гордостью тайной
Носил сравнительно долго.

Потом наступила развязка.
Она уезжала с семьей
В далекий-далекий город,
И мы расставались навечно.
Настало тяжелое время.

Я не верю
В любовь без ревности.
Ревность стала
Насущной потребностью.
Я не верю в небо без тучи.
Я не верю
В равнину без кручи.
Не бывает
Без шторма море.
Неразрывны
Радость и горе.
Только тихая
Да голубая
Мне любовь ненавистна любая.
Пусть меня она лучше минует.
Я люблю —
Это значит
Ревную.
Я ревную тебя
К расстояниям.
Я ревную тебя
К расставаниям.
Я ревную тебя
К знакомым.
Я ревную тебя
К незнакомым.
Нет на свете
Страшнее казни,
Чем всегдашняя казнь боязни.
Я тобою казнюсь неизменно.
Я не верю
И верю в измену.
Где б ты ни была,
Всюду, любимая,
За тобою мой голос:
«Люби меня».

1956

* * *

Ты —
 быстрая смена
 дождя и солнца.
Но только все у тебя иначе:
Дождь у тебя
 почему-то смеется,
Солнце, напротив,
 плачет.
А мне в непогоду
 одно остается:
Глаза целовать твои —
 мокрые солнца.

1957

* * *

Город подслеповато щурится.
Он — большой
И рассеянный.
И вы не обижайтесь,
Если по своей близорукости
Он не увидит вашего горя.

1957

ВОСПОМИНАНИЕ

Я рос в деревянной деревне,
В доме, где пахли стружки,
Где ночью скрипели ставни
От легкого ветерка.
Нас поезда обходили
За двадцать пять километров.
Непроходимой глушью
Казалась нам наша жизнь.
Какие мы строили планы!
Наивно-бесстрашные планы.
С невероятным доверьем
Мы относились к мечте.
Мы стариками считали
Тех, кому стукнуло двадцать.
Мы малышами звали
Десятилетних ребят.
За старой бревенчатой хатой
Тайком самосадам дымили
И уверяли друг друга,
Что убежим из детства,
Как только подсохнут дороги.
Сто раз дожди размывали
Степную вязкую землю,
Сто раз под весенним солнцем
Потом подсыхала земля.
Я стал безнадежно взрослым,
И нынче мне кажется странным,
Что было такое время,
Когда по просохшим дорогам
Мечтал я уйти из детства.
А нынче мне не хватает
Хаты, где так же, как в детстве,
Ставни скрипят от ветра
И весело пахнут стружки...

1957

ОЖИДАНИЕ

Я стою
 (так стоят под луной)
Под светящимися часами.
Я нарочно к ним повернулся спиной,
Чтобы цифры в глазах не плясали.

А часы не спешат со звоном,
А часы замедляют ход.
Если б можно,
 как диск телефона,
Крутануть эти цифры вперед!

Будет час,
 называемый «пик»,
Наводнение бидонов,
 батонов,
Человеческий мечется крик
У вагонов
 и вдоль вагонов.

Кое-как на скамейке устроясь,
Мы привыкнем
 к людской толкотне.
Побежит, отдуваясь,
 поезд
По проложенной кем-то лыжке.

...Электрички уходят,
 звепя,
Я гляжу на часы,
 а часы — на меня.

1958

1958

* * *

Чудес не бывает.
Чудес не бывает.
Только в детстве живут
ожиданием чуда.
В новогоднюю ночь
стерегут дед-мороза
Только в детстве.
Почему ж ты живешь
в ожидании чуда?
День за днем ты живешь
в ожидании чуда?
Не теряешь надежд
до скончания века
Ты, юнец,
ты, старик,
ты, калека?
Ведь давно уже сказано,
Ведь наукой доказано:
Чудес не бывает.
Чудес не бывает.
И для вида
вы все соглашаетесь с этим.
Только люди, как дети,
Не верят
и все-таки верят,
Что однажды
к ним кто-то в дверь постучится,
Войдет в комнатуху,
за стол усядется
И скажет негромко:
«Я — чудо».
Старятся люди
в ожидании чуда.
Умирают люди
в ожидании чуда.
Значит, люди не правы.
А может быть, правы?

1958

* * *

Горькой пылью пылили войска.
На восток уходили войска.
Уходили и мы на восток
По дорогам,
уставшим от ног.

Крест, распластанный на крыле.
Самолеты рвались к земле.
И сжималась в комок земля,
Оглушенная огненным воем.
И казалось:
 земля — своя,
А небо —
 чужое.

Без конца и края была,
Без конца и края плыла
С почерневшими ртами колодцев,
До травинки вся обнаженная
Степь,
 ослепленная солнцем,
Бомбами обожженная.

В подземелье
 наш мир зарывался,
Затемнением
 от нас закрывался.
Мир для нас открывался
 не сказкой,
А штыком
 и солдатскою скаткой.

1959

ЛЕБЕДА

Пускает корни лебеда.
Пускай растет. Она права.
А мне и нынче лебеда
Не просто так — трава.

Не стороной война прошла,
Не обошла нуждой.
И лебеда для нас была
И хлебом и едой.
В тяжелой ступе лебеду
Мы сокрушали,
 как беду.

Я помню,
 как месили хлеб
В заржавленном ведре
На лебеде
 да на воде,
На ключевой воде.
Бока мякинные мягки.
Пирог из печки плыл.
В нем только горсточка муки,
Чтоб запах хлеба был.
Пирог — на стол.
 Есть хочешь?
 Ешь!
Отстала корка.
 Мякоть режь.

Мы ели хлеб
 за кусом
 кус.

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Шла распутица, лезла,
Затопляла мостки.
Шли бои под Москвою
И у самой Москвы.

Поясные поклоны
Били старухи.
Поползли тараканами
Черные слухи.

— Коль не брешут люди,
Значит, не брешу.
Слушайте, товарки.—
Шепотком: —

Шу-шу,
Черным по белому...
Листовку нашли...
Мол, сотру Шаталовку
С лица земли.

Пропащее дело.
В жисть не устоим.
А листовка сброшена
Гитлером самим.

— Господи, помилуй! —
Охи да ахи.
— Надевайте, бабоньки,
Смертные рубахи.

Задыхается ветер,
Свирепеет над яром,
А в логу —

Вниз лицом —
Коченеют мадьяры.

Осторожные сани
Торопятся мимо.
В снег уткнулись носами
Тупорылые мины...

Мы долбили лопатами
Мерзлые,
Твердые комья.
Мы солдат хоронили
На площади возле райкома.

Обелиск деревянный,
Незатейливый почерк —
Безымянным ребятам
Последняя почесть.

Высыхает до дна
Почерневшее море.
Только это не горе.
Это — полгоря.

Нету моря на свете,
Что бабьей слезы солопее.
Нету горя на свете,
Что бабьего горя сильнее.

Нету слез у солдаток —
Их ветра иссушили.
Пели песню солдаты,
Что сами сложили:

«Вот окончилась война.
Я осталась одна.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба и мужик».

1959

НА РЕКЕ ПОТУДАНЬ

1

Летит свирепый пересвист.
Лихая песня стелется.
А ну, подруги,
 расступись!
Посторонись,
 соперница!

Голосок мой хриповат
Для неверных ребят.
Запою на все село
Ухажерам назло.
Люди смеются:
— Пусть не задаются!

«Ой, залетка дорогой,
Что так долго выбирал:
Красоту, или характер,
Или сорок одеял?»

«У миленка моего
Рубаха трикотажная.
Глаза его базарные
Бросаются на каждую».

Завертелась волчком:
«Дайте плясовую!
Как ударю каблучком —
Звезды врассыпную!

Говорят, я весела,
Весела на два села,
А из третьего села
Себе залетку завела».

Перед парнями хвастая,
Поют девчата дружные,
Скуластые,
 зубастые,
Как черти,
 отчаюжные.

2

От звезды горючей
Заря занимается.
Над туманной заводью
Песня разливается.
Песня разливается —
Сердце разрывается.

«Вот какая я была:
Лед ломала и плыла.
А теперь какая стала:
Любовь меня довела».

А подружка вперебой
Под гармошки перебор:
«Меня милый провожал
До куста малинова.
От куста малинова
Я шла одна, без милого».

Сирень сегодня отцвела,
На кофту осыпается.
Проходит песня вдоль села —
И эхо просыпается.
Полмира обняли слова.
Открылось
 сокровенное.
Не дрогнет чуткая листва,
И слушает
 вселенная.

«Ой, товарка милая!
Горело небо синее.
Оно горело, таяло,
Любовь гореть заставила!»

1959

Теплым дождем набухает небо,
Жестко топорщатся зеленыя.
Влажным валежником,
 талым снегом
Пахнет дымящаяся земля.
Мне этой землей
 ходить-колесить
И долгие годы здравствовать.
С попутной машиною
 грязи месить,
С людьми попутными
 странствовать.
А если года в тишину запереть,
Скукой и склокой наполнить,
Мне сказок не рассказывать,
 песен не петь,
Племенн-роду
 не помнить.
Непогодь
 тучи тяжелые стелет.
Проходят над пажитью
 ливни косые.
Беленые хаты.
 Полынные степи.
Здесь для меня начиналась Россия.

30

ПОЛЫНЬ

Тебя и татары топтали конями,
И слезы горючие жгли.
Не ты ли впитала своими корнями
Всю горечь российской земли?

Грозою и градом тебя не убило,
С землей не сровняли ветра.
И солнце палило тебя — не спалило,
Полынь — голубая трава.

Врастала ты яростно в жесткую землю,
Ты корни с корнями сплела.
Степная полынь, приворотное зелье,
Не ты ли емшаном была?

Проснуться, как в детстве, от птичьего гуда,
Услышать жужжанье шмеля, —
И пахнут полынью и руки, и губы,
И пахнет полынью земля.

1960

ПОЛДЕНЬ

Жара на лугу пасется,
Не шелохнутся шмели.
Ветки под тяжестью солнца
Нагнулись до самой земли.

По черной, как деготь, дороге
Ветер бредет налегке.
Лето босые ноги
Моеет в прохладной реке.

1960

* * *

В цветке я заблудился, как в лесу.
Он показался мне огромной чашей,
Что заросла непроходимой чашей,
Смыкает лес над головой листву.

Конца и края нет ему и нет.
Здесь тишина — как в глубине колодца.
В его просторах затерялся след.
В его просторах заплутало солнце.

И лепестки закрыли небеса:
Ложатся вниз багряные закаты.
Ползет пчела медведицей мохнатой.
В ложбину глухо падает роса...

1960

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь поджег дремучие леса.
Плывет в глазах багряное веселье.
Сполохом рыжим вспыхнула листва,
И пламя осыпается па землю.

Колдует нынче тишина в лесу,
В высоких травах умирают звуки.
И только ветер шевелит листву,
И листья,
 падая,
 нам обжигают руки.

1960

* * *

Поэзия — на грани волшебства.
Столетия воплощаются в мгновенье.
Бессмертьем дышат мудрые слова,
Дарующие миру откровенье.

Рождают дождь не толпы облаков,
Его земные наполняют реки.
Поэзия! Ты покоишь веков
Угадываешь бога в человеке.

1960

* * *

Поля совсем по-зимнему одеты,
Прилип мороз к холодному окну.
Но все равно не умирает лето,
Оно уходит молча в глубину.

Сюда вовек ветра не забегали,
Здесь прорастают буйно зелены,
И тяжело под грузными снегами
Ворочается жаркая земля.

Здесь зреют травы, набухает почва,
И никому нет дела до зимы.
И лето здесь обосновалось прочно
И колобродит средь кромешной тьмы.

Пускай поля по-зимнему одеты,
Сугробами задавлены дворы,
Но под землей хозяйничает лето.
Оно лежит под снегом до поры.

1960

* * *

Весне еще зябко.
Ей мороз не в привычку.
Весна еще ходит
В теплых рукавичках.

Она еще нетвердо
Стоит на погах.
Она еще вязпет
В рыхлых снегах.

Но ею протоптан
Глубокий след.
Под ее погами
Дымится снег.

И как ручьи
Звепят лучи.

И каждая сосулька
Искрится и смеется,
И каждая сосулька
Сегодня ловит солнце.

И где весна и где зима —
Границ меж ними нету.
Во все глаза глядит земля
На половодье света.

1961

* * *

Косматый облак надо мной кочует,
И ввысь уходят светлые стволы.
Припав к земле,
я каждой клеткой чую
Неровное дыхание травы.

Мне этот мир заранее обещан.
Я этим миром с детства увлечен.
Пусть надо мной веселый лист трепещет,
Насквозь пробитый солнечным лучом!

1961

ДОЖДЬ

Густые тучи медленно поплыли,
Тяжелой тенью колыхнувши рожь.
Как весело и остро пахнет пылью
Со всех сторон надвигнувшийся дождь.

И поначалу пасмурно и немо,
Но миг один — и вдруг переплелись
И молнией надломленное небо,
И первой каплей потрясенный лист.

Подобно дубу не слабеет стебель,
Не ломится, хоть клонится к земле.
А гром всю бесчинствует на небе
И эхом отзывается в зерне.

1961

НЕ СПИТ ЗЕМЛЯ

Когда закатом отпылает запад
И сыростью потянет от воды,
Пронзительней и яростнее запах
Цветов и горьковатой лебеды.

В тумане зыбком задремали тени.
Густая ночь над пажитью царит.
И каждый шорох — словно откровенье
Высоких трав, развесистых раки.

Дыханье листьев, колыханье ветел,
Мерцаньем тихим полнится земля.
И от прохлады вздрагивает ветер,
Тяжелыми крылами шевеля.

И допоздна в потемках бродит лето,
Бормочет что-то, яблоком хрустит.
Не спит земля.

В предчувствии рассвета
На языке на птичьем говорит.

1961

В дряпном пальто,
 простуженном насквозь,
Я шел не торопясь
 Тверским бульваром.
Озябший сквер слегка дымился паром,
Летел снежок над тротуаром вкось.

Ревел тягач,
 на тормоза осев.
И кто-то семенил за мною следом.
И остро-остро пахло свежим снегом,
И этот запах властвовал над всем.

Я молод был,
 до возмущенья молод.
И что мне холод?
 Я плевал на холод!
Я сам своей завидовал судьбе.
О, дни мытарств,
 и неустройств,
 и страпствий!
Мне был обещан мир.
 И я, признаться,
Был в нем уверен,
 как в самом себе.

Я жадно жаждал славы и любви.
И одного не понимал я, право,
Что были планы дерзкие мои
Сильней и чище,
 чем любая слава.

Снежком веселым озорно скрипя,
Не ведал я, как удлинятся сроки.
Я был исполнен помыслов высоких.
Я был началом самого себя.

1961

* * *

Я сегодня праздную тебя.
Я сегодня верую в тебя.
Ненавижу будничную серость,
Паутину пенадежных фраз.
Славлю прямо́ту твою, и смелость,
И разгул твоих татарских глаз.
Мне к тебе прислушиваться любо.
Напряженно тишина гудит.
Я вхожу в твои глаза и губы,
Чтобы никогда не уходить.
Отметаю сплетни и паветы!
Мучаясь,

тревожась

и любя,

Я хочу —

ОТНЫНЕ И НАВЕКИ —

Праздновать и праздновать тебя!

1961

* * *

О, наши стычки, наши ссоры,
Тотчас раздутые молвой!..
А где-то есть на свете сосны
И воздух, пахнувший смолой.

Шумит река на перекатах,
Кочует солнце по степи.
И где-то тихая прохлада
В густой хоронится тени.

И где-то есть на свете море,
Что бьет с размаху в берега..
А мы все спорим,
 спорим,
 спорим,
Друг в друге чувствуем врага.

Неосторожны и упрямы,
Все ищем резкие слова.
И оба мы с тобой не правы.
А правы пебо и трава.

1961

* * *

Мы расстаемся,
 расстаемся,
Друг другу не глядим в глаза.
Мы остаемся,
 остаемся,
Нам вместе трудно.
 Врозь — нельзя.

И что труднее,
 что труднее?
Никто не скажет вам,
 никто.
Ты всех роднее,
 всех роднее.
И ты не то.
 Совсем не то.

Мы в равнодушие играем,
Но в расставанья горький миг
Мы не чужих людей теряем —
Теряем мы себя самих.

1961

* * *

Еще не слабость и не старость,
А маета и суета.
И в каждой черточке —
усталость.
И пелегко, видать, досталась
Тебе сегодня красота.

И ты горда и своенравна,
И ты любимую слывешь,
Но горько видеть мне и странно,
Как ты мешаешь с правдой
ложь.

В твоих глазах плывут закаты.
Не в силах выдержать их взгляд,
Себя считаю виноватым,
Хотя ни в чем не виноват.

1961

ЦЕРКОВЬ

О, как могла ты сохраниться!
Алтарь, притворы, купола.
Ты здесь была анахронизмом,
Ты здесь немыслимой была.
Откуда вдруг такая цепкость?
Рудник,
 карьер
 и тут же церковь.
Где экскаваторы и МАЗы,
Где ходуном земля ходила...
Потом мне бригадир рассказывал:
Село на этом месте было.
Домишки с крашеными ставнями.
Амбары.
 Клуб.
 Толпа ракият.
И всё снесли.
 Ее оставили.
Пускай стоит —
 и вот стоит.
Стоит приземистая,
 рыжая,
С полуразрушенной крышею.
За корпусом фабричным прячется,
Травую чахлою поросшая,
Очами страшными
 пезрячими
Опа, казалось, ищет прошлое.
О, ей бы — теплый дух просфоры
И колокольный звон малиновый.
О, ей бы — шумные притворы,
Толпу с мольбами и молитвами.
А вместо этого — забвение.

Дождям отдали на съедение.
И что тебе сегодня видится?
Во что тебе сегодня верится?
Средь грохота подъемных кранов,
Средь электрического света
Тебе,
 возникшей из тумана,
Как будто из другого века.

1961

* * *

Мы открываем с каждым днем Россию.
Я просекой иду не торопясь.
Я вижу: пробуждаются росинки,
В них солнце повторяется, дробясь.

Россию — знаю — постигать рискованно,
Лишь полагаясь на премудрость книг.
В ее глазах есть что-то от раскольников,
Я затерялся, заблудился в них.

Ей чистота озерная поручена.
Ей прямота лукавить не велит.
Молчанием случайного попутчика
Она порой так много говорит.

1962

АНТОНОВКА

1

Над родпиковой заводью
Толпятся тополя.
Теряют пыпче запахи
Осенние поля.

Колдует ветер вкрадчиво
Над паутиной тоненькой.
Морозцем легким схвачена
Скуластая антоновка.

Но теплые какие
Сегодня облака!
И солнце бьет в тугие,
Как бубны, бока.

2

Мне почему-то грустно,
Когда припомню вдруг
Таинственный и грузный
Бабушкин супдук.

Я был чуть-чуть повыше
Причудливой резьбы.
А крышка — словно крыша
Добротной избы.

Супдук глядел музеем.
Хранил в нем нафталин

Стеклярус,
бумазею,
Коробочку:
«Ландрин».

И в ворохе рубашек
Лежало мое
Антоновкой пропахшее
Прохладное белье.

Я зарывался в грудь
Хрустящего белья,
И пахло летом, будто
Зима и не была.

3

В глазах рябит от яркого:
Вишневое,
сиреневое.
Ах, золотое яблоко
На блюдечке серебряном!

А что-то педосказапо,
А что-то педоскажется.
По самобраной скатерти
Яблоко покатится.

Забывтое, незванное
Вдруг воскрешает память.
А яблоко позванивает
И медлит, медлит падать.

Куда, зачем ты катишься?
Стол ходит ходуном.
Лови —
не то спохватишься,
Покаешься потом!

1962

А ДОН МЕЛЕЕТ

А Дон мелеет, Дон мельчает.
Его одолевает брод,
И с горечью я замечаю,
Что он не тот, давно не тот.

В нем будто что-то надломилось,
И он взаправду тихим стал.
И отдан он теперь на милость
Песку и грязным островам.

Но каково ему на пенсии,
Ему, который не забыл,
Что он когда-то грозной песнею
И дюжим работягой был.

Дубы столетние осели,
Примяли грузную траву.
Здесь бомбардир Петр Алексеев
Глядел в подзорную трубу.

Зело просторно и богато.
Леса и степь со всех сторон.
А тихий Дон качал фрегаты,
И бредил морем тихий Дон.

Снимались крымские заставы,
И ядра плюхались им вслед.
Ах, горьковатый запах славы!
Ах, крики «вйват» в честь побед!

И тянет воздухом горелым.
И кажется: из-за бугров
Вот-вот появятся галеры,
Что будут с моря брать Азов.

1962

РАДУГА

Радуга кочует по земле.

Что ж такого,

если где-то радуга.

Ничего.

А мне, представьте, радостно —
Радуга кочует по земле.

1962

* * *

Дорога и небо, дорога и небо.
О, как надо мной осыпается небо
Листою и ливнем
и снова листою.
И шастает ветер.
Но сквозь непогоду
Я вижу дорогу,
крутую как радуга.
И вновь надо мной —
тишина и прозрачность.
На синих верхушках недвижных деревьев
Покоится солнце.
И мне непонятно:
То ль сосны гудят
иль гудит бесконечность?
Дорога и небо, дорога и небо.
Ах, если б всегда:
дорога и небо!

1962

* * *

Как медленно к тебе я возвращаюсь.
Я как больной, который постепенно
Вновь обретает воздух и свободу.
Я осторожно по земле ступаю.
Я каждого движения страшусь.
Мне даже мысль и та невыносима:
Вдруг на минуту потерять тебя!

1962

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Почтовый ящик,
 что висит над дверью,
Большой философ.
 Он примет мир
Спокойно и бесстрастно.
 Словно Будда,
Он равнодушен
 и к добру, и к злу.
И хорошо ему,
 что он — железный,
Что он не ждал,
 да и не будет ждать.

1962

ПРИМЕТЫ

Нету вестей от любимой.
Писем нет от любимой.
Но в сон мой стучится рябина,
В сон мой стучится рябина.
И я вспоминаю примету
(Надежная есть примета):
Алые снятся кисти —
Будут хорошие вести.
Будут хорошие письма.
Я верить хочу в приметы.

1962

* * *

Чем ближе мы,
 тем дальше друг от друга.
В домашнем заколдованном кругу
Ты бьешься.
 Ты мои хоронишь письма.
Ты отвечаешь невпопад,
 не сразу.

Нам все мешает:
 дальность расстоянья,
И наша рассудительность и мудрость,
И то, что нам уже по тридцать лет.

Горька и суетлива наша близость.
И не со мной
 твои глаза и губы.
И после каждой встречи
 я — один.

1962

* * *

Затухает любовь, затихает,
Словно город ночью порой.
С непривычки покой не пугает.
Значит, ждали мы этот покой.

Я тебя постоянством не мучу,
Мы с тобой никого не вижим.
Ты опять возвращаешься к мужу,
Я к стихам возвращаюсь своим.

Ни малейшей надежде не верится.
Нам на редкость с тобой не везло.
Для того, чтобы больше не встретиться,
Мы, по-моему, сделали все.

1962

О, паша внутренняя слепота!
Она — незрячесть
 иль она незрелость?
А может быть,
 утраченная смелость?
А может быть, она
 педоброта?

Привыкли мы:
 мол, кто не видит — слеп.
А как же мы?
 А что же делать с нами?
Мы обладаем зоркими глазами.
Мы ясно различаем тьму и свет.

И все-таки нас кружит темнота.
И все-таки мы суете подвластны.
Мы сдуру восклицаем: «Красота!»
А это лишь насмешка над прекрасным.

Какую ж падо чистоту иметь,
Какое ж зренье в человеке зреет,
Чтоб он себя сумел преодолеть,
Чужую боль почувствовал своею.

А мы малы,
 мы так еще малы!
И мы боимся своего прозренья,
Ведь это — шаг в другое измеренье,
В необъяснимо-сложные миры,

Где, может быть, предстанет красота
В своем обличье.

 Истинном обличье.
О, наша внутренняя слепота!
Страшнее ты незрячести обычной.

1962

* * *

Расстреляйте мой страх!
Расстреляйте мой страх,
Что метется в моих
Виноватых зрачках;

Что во мне,
 в глубине
Многолик и велик,
Тот, который
Молчать мне смиренно велит!

Нет, я не убивал,
Нет, не я предавал.
Нет, не я на прицеле
Человека держал.

Но в одном не смолчу.
Но в одном не солгу.
Я от страха себя
Отлучить не могу.

Если люди в слезах,
А плапета в крестах —
Это он виноват,
Мой хронический страх.

Я живу в ожиданье
Справедливого дня:
Поведут на расстрел
Не других —
 а меня.

Я споткнусь о порог,
Захлебнусь от тоски,
Буду ползать у ног,
Целовать сапоги.

Но с презрением и смехом
Оттолкнете ногой...

Многократное эхо
Шар расколет земной.

И падломится небо
В помутневших зрачках...
Расстреляйте мой страх!
Расстреляйте мой страх!

1962

* * *

Мне не к чему себя оправдывать,
И я давно уже признал,
Что знал я слишком много праздников
И слишком мало будней знал.

Я не осадой брал,
а приступом,
Себя до боли сжав в кулак.
А сколько строчек не написано!
А сколько сделано не так!

Меня ничто не изменило.
И размышляю я порой:
Ну кто:
Обломов
иль Манилов —
Мой сокровеннейший герой?

Иль оба эти побратима
Приобщены к моей родне.
О, как они неистребимо
Живут, блаженствуя,
во мне!

1962

* * *

Но связь времен не восстановит Ной.
Ковчег тонул, не обрета причала.
Открытое мы открываем вновь и вновь,
И что-то повторяется сначала.

Стихиями колеблемая твердь.
Метался зверь, убежище покинув.
И пращур наш, почуя глад и смерть,
Перегрызал зубами пуповину.

Но в нем дрожал и брезжил дальний свет.
И знаменье пророчили заветы.
И пусть следы неведомых планет
Во время оно замели кометы —

Глаза, глаза исчезнувших годов
Воскресли в пас, эпохи отодвинув.
В библейском реве атомных грибов
Мы смутно прозреваем Атлантиду.

1963

* * *

К родному возвращаюсь очагу.
Страхнувши пыль дороги на пороге,
Я забываю мелкие тревоги,
Которые нас держат на чеку.

И хорошо на миг забыть о том,
Что надо делать и чего не падо.
И радостно, что есть на свете дом,
Где бескорыстно и всегда нам рады.

Домашней снедью потчуют меня:
Антоповкой моченой,
огурцами.

Бывает так:
в «конфликтах» мы с отцами,
Но как нам не хватает их огня!

А дом приземист,
и его окно
Глядит печально в пасмурную осень.
Его спести должны давным-давно,
Но почему-то до сих пор не сносят.

Я прибиваюсь к берегу.
Чиню
Расшатанные нервы,
идеалы,
Листаю допотопные журналы,
Играю в карты,
ем сто раз на дню.

Я сам в себе люблю одну черту:
Когда московская осточертеет гопка,
Когда мне трудно
и когда мне горько,
К родному возвращаюсь очагу.

1963

* * *

Единственный короткий поцелуй,
Полузамерзший.

Как он только выжил?

Наверно, чудом выжил.

Но теперь —

Я чувствую —

Его уж не обманешь.

Он наши стережет прикосновенья.

Подтекста ищет в каждом нашем слове.

Когда ж глазами мы с тобой столкнемся,

Он, как мальчишка, прыгает:

— Я здесь!

Отныне над собою мы не властны.

Отныне будет,

как захочет он.

1963

Любовь оправдывает все,
Как цель оправдывает средства,
Но мне подсказывает сердце:
Не все оправдано.

Не все.

**О, этот лозунг знаменитый,
Стократ повторенный,
 стократ!**

У вас, отцы-иезуиты,
Его берем мы напрокат.

И мы приветствуем разруху,
И нам порой ничуть не жаль,
Что обрекаем на разлуку,
Что предрекаем мы печаль.

Сомнения смутные свои
Мы от самих себя скрываем.
И все-таки подозреваем
Неправоту своей любви.

С самим собой паедине
В тиши ночей я представляю,
Как мучиться я заставляю,
И сам я мучаюсь вдвойне.

И почему я злу причастен,
И почему я так привык,
Что строю счастье на несчастье,
На отрицании других?

Или любовь себе верна:
Иначе,
 чем через распятыя,
Через разлуки и проклятыя,
Не утверждается она?

1964

* * *

Во мне живут сомненье и смятение.
Мне Рамакришна вспомнился опять:
«Пойдут дожди. Пойдут дожди. Терпенье».
Но недоступно нам искусство ждать.

И мы себя не понимаем сами,
И на какой-то одержимый миг
Любимые становятся врагами,
И, как врагов, мы ненавидим их.

Несправедливы мы, неблагородны,
Мы одиноки в тот недобрый час.
И требуйте от нас чего угодно,
Но логики не требуйте от нас.

Трудней всего переносить, наверно,
Неторопливых будней торжество.
Но вера начинается с неверья,
И возникает мир из ничего.

1964

Нисходит снег.
Он чист, как свет,
И так же первозданен.
Он оставляет легкий след
На облицовке зданий.

И в каждый город и село
Несет он привкус неба.
И на душе моей светло
От выпавшего снега.

1964

* * *

А у меня —

отцовский склад и прав.
Мы спорим с одипаковым задором.
Но, не вдаваясь в существо тех споров,
Я все-таки скажу,
что я не прав.

А прав отец.

Своею прямою,
Которой он не изменил ни разу
Ни помыслом,
ни действием,
ни фразой,
Ни самую малейшей запятой.

Боюсь —

отца не баловал успех.
Он не из тех,
кто любит соглашаться,
Идти на компромисс.
Отец из тех,
Которые сражались на гражданской.

Они, быть может, чересчур круты
И в чем-то чересчур непримиримы.
Но убеждения их неколебимы,
И шли они в партийные ряды

Не потому, что жаждали наград,
Не ради продвижения по службе.
Им партбилет вручали
как мандат
На получение личного оружия.

Тот пыл понять не каждому дано.
Кому-то по-казенному он дорог.
Еще живучи люди,
 для которых
Нелепо бескорыстье и смешно.

Они приемлют,
 как мосты,
 посты.

Их равнодушие,
 как кощеев,
 сушит.

А убеждения их весьма просты:
Им партбилет
 громоотводом служит.

Отец врагами личными их числит.
Он с ними примирения не мыслит.

Я разделяю непависть его.
Я по-отцовски быть хочу пристрастным.
К отцовской вере быть хочу причастным,
А больше мне не надо ничего.

Конечно, я порой еще мечусь,
Ищу я в спорах основания истин.
Но постигать через отца учусь
Как истину всех истин —
 бескорыстье.

БЕТХОВЕН РАБОТАЕТ

Он пользовался деревянной палочкой, один конец которой клал в корпус фортепьяно, а другой держал в зубах. Он прибегал к этому приспособлению, когда сочинял.

Р. Роллан

О, шаткий мост
 из темноты беззвездной,
Дрожащий,
 словно жердочка,
 над бездной!

О, палочка,
 гудящая как лес!
Ее колеблет ярость небосвода.
Но наподобие громоотвода
Она срывает молнии с небес.

Бетховен одобрительно ворчит.
Он в клавиши стремглав бросает руки.
Вселенная,
 утратившая звуки,
Опять звучит!

Застигнутый гармонией врасплох,
Захваченный невидимым оркестром,
Он задыхается.
 Ему в квартире — тесно.
Когда творишь,
 то твой соперник —
 бог!

В туманный хаос падает звезда.
Наполнен мрак громами и ветрами.
«Земля была безвидна и пуста,
Но божий дух поселился над водами».

1965

* * *

В страну бессмертья ищем мы пути.
Мы истину безропотно приемлем
О том, что небеса прейдут и земли.
Но мы с тобою не хотим прейти.

Бессмертье манит смертные умы.
Ах, если б мир был так устроен просто,
Как нам твердит в Евангелии апостол,
Но вновь и вновь встает вопрос вопросов:
Зачем мы к свету вызваны из тьмы?

1965

* * *

...Но человек — смешенье двух начал.
Он — на границе смерти и бессмертья.
И потому в нем так сильно безверье
И дух его томится по ночам.

Еще не раз, как некогда Иуда,
Он сам в себе бессмертное предаст.
В тоске о чуде он боится чуда
И потому нетронутою грудой
В нем залегает вечность, словно пласт.

О, как чужда нам недоступность эта,
Мерцающая где-то в глубине!
Мы — не рассвет, мы — лишь полоска света,
Предначертанье колоса в зерне.

Мы на границе веры и безверья
Не сделаем решающий рывок —
Не распахнем невидимые двери,
Не перейдем невидимый порог.

1965

СЛУЧАЙ НА ВЫСТАВКЕ

Над суетою монотонной,
Недосыгаемо чиста,
Плыла Сикстинская мадонна,
И отступала суета.

И мы глядели снизу вверх.
И вдруг в каком-то исступленье
Перед картиной на колени
Небритый рухнул человек.

В торжественно гудевшем зале,
Где созерцалось божество,
Он плакал пьяными слезами
И не стыдился пикого.

Он руки покаянно поднял.
Он сам себя казнил-крушил.
— Я понял,— он кричал,—

я понял,
С какими стервами я жил!

О, как рыдал он просветленно,
Открывший,
что он потерял.

— Прости меня! Прости, Мадонна! —
Он одержимо повторял.

Забыв, как надобно молиться,
Он над собою суд вершил.
Покинув пост,

сержапт милиции
К нему на выручку спешил.

Забавный случай,
 странный случай.
Оп почему-то мучит,
 мучит
Воображение и поныне
И вспоминается не раз.

Не потому ли, что гордыня
Мне на колени пасть не даст.

И где Мадонна в век мотора?
К кому лечу?
Зачем лечу?

И мне б кричать: — Прости, Мадонна! —
А я —
молчу.

1965

* * *

Я не пишу о доме,
 не пишу,
Хотя не раз и вспомню
 и соскучусь.

И неспроста писать я не спешу,
И неспроста я над строкою мучусь,

Белесой дымкой дом заволокло,
И, зарастая лебедою рыжей,
Тот дом ушел,
ушел недалеко
От хаты под соломенной крышей.

Не привыкать слова в стихи слагать,
И рифма б на губах не задремала,
Но, как нигде,
я здесь боюсь солгать.
Хоть в чем-нибудь.
Хотя бы в самом малом.

1966

СТАРИННЫЕ НАЗВАНИЯ

Люблю старинные названия
Российских рек и городов.
Они как будто изваянья
Во мгле растаявших годов.

Лебяжье тонет в хмурой хмари,
Но шею выгнула ветла,
И чудятся в густом тумане
Мне всплески белого крыла.

А на реке на Потудани
(Не потому ли По-ту-дань?)
Татары крымские топтали
Вот эту степь, вот эту даль.

А пынче здесь деревья дремлют,
И, превращенная в ручей,
Река с названием древним-древним
Исчезла в мареве ночей.

И эхо мне не ответится,
И все уйдет в урочный срок.
Но остается, остается
Едва мерцающий намек.

Оп тянется к нам легким дымом
Из тех исчезнувших времен.
И с ними зыбко и незримо
Я именем соединен.

О, Русь, летящая над Доном,
Я синевой твоей томим.
Я окольцован, околдован
Славянским именем твоим.

1966

СТИХИ О ПЕТРЕ

Когда бы кораблем могучим
Русь устремлялась напрямик,
Когда б сошедшиеся тучи
Ее не затемняли лик,

Тогда легко идти в пророки.
Но верить, верить той Руси,
Что в нищете, в грехах, в грязи
Жила, как при царе Горохе,

Что за столетием столетье,
Даруя небу купола,
Великопостным благолепьем
В прокисших сумерках плыла,

Что охраняла с тайным страхом
Чин византийский и престол,
Что шла бестрепетно на плаху,
Двуперстным осенясь крестом!..

Тоской татарской ветер веял.
Колокола да кабаки.
Но Петр в Россию верил, верил
Самой России вопреки.

И, тронув море легкой дрожью,
Во мгле скользили корабли,
И, память смутную тревожа,
Встает в синеющей дали —

Не гребни грозного потопа,
Не вздыбленные облака,
А падвигающийся топот
Преображенского полка.

1966

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

Леса. Безрадостные топи.
Смурные тучи смотрят вниз.
Но он стоял назло Европе,
В грязи погрязший парадиз.

И места не было тоскливей,
И ветер северный крепчал.
И по Литейной перспективе
Бродили волки по ночам.

И бледно брезжащей морокой
Заря всплывала из пучин.
И город Пушкина и Блока
В тумане был неразличим.

Но у Кроншлотского причала
Светлела зыбка борозда,
И ширилась, и предвещала
Синеющие паруса.

Но, нарушая сонный облик
Заброшенного городка,
Где, поднимая пыльный облак,
Тащились ветхие века,

Читал в библейский час заката
Под барабанный дробный гром
Державным голосом глашатай
Указ, подписанный Петром.

«Всех недорослей древней знати
(Бродил на лицах перепуг),
Всех не имеющих занятия
Ссылать навечно в Петербург».

1966

* * *

Опять вороны дождь пророчат,
И меркнет сумрак голубой.
И снова колокол клокочет
И бьется в ярости слепой.

Грядет над нами словно чудо
Гудящий медью небосклон.
Откуда колокол,
 откуда
Его протяжный гулкий звон?

Из глубины какого века?
Зачем он — явь, а не во сне?
А может, это просто эхо,
Окаменевшее во мне.

А звон летит во мгле окрестной,
В незатихающей дали.
И в мире нет таких оркестров,
Чтоб заглушить его могли.

1966

* * *

Я вповь, как в детстве, независим,
И ничего не нужно впредь —
Вдыхать лишь запах сонных листьев,
И не желать, и не жалеть,

И слушать степь,
и слушать поле,
Где воздух горек, словно хмель,
И где гудением заполнил
Все небо опалевший шмель.

1966

* * *

Я откупился гонораром
От суеты и от забот.
Незатихающим пожаром
Пыль в душном мареве встает.

Но предвещает равновесье
Берез развесистая тепь.
Причудливое чернолесье
Перемешало почь и день.

И вот бредешь по тропам лисьим,
Где гаснет тусклая листва,
И понимаешь:

лес немыслим
Без ворожбы, без волшебства.

Сквозь мглу синеющих деревьев
Тебе отчетливо видны
Глаза иконописно-древней
Неистребимой тишины.

В той тишине незримы тени,
В ней глохнет гомон и галдеж.
С каким-то тайным опасеньем
На поклоненье к пей идешь.

1966

ДОМ

Река, поросшая осокой.

Бугор.

Листвы протяжный звоп.

Мне дом запомнился высоким,

И был, как крепость, прочен он.

А нынче — ржа, а нынче — сырость

Да тесть горбатеньких берез.

Иль я за это время вырос?

Иль он в сырую землю врос?

И вот с резными петухами

И покривившейся трубой

Он нынче вровень с лопухами,

Он нынче вровень с лебедой.

И дом как будто понимает,

Вдыхая запах голубой,

Что умирает,

умирает,

Что сам прощается с собой.

И кто я для него?

Прохожий.

Чужой и непривычный след

Лишь потревожит легкой дрожью

Высоких трав потухший свет.

А над плетневою оградой —

Тень убегающего дня.

И смотрят равнодушным взглядом

Слепые окна на меня.

1966

* * *

Обледенелая ракета
Не шелохнется в тишине.
Я здесь брожу, как в позабытой,
Чужой, неведомой стране.

Здесь у скрипучего колодца,
Чье эхо слышится вдали,
Нерасплескавшиеся солнца
На коромыслах пронесли.

Здесь девушка в платке зеленом,
Звонящий снег плечом задев,
Мне, незнакомому, с поклоном
«День добрый» скажет нараспев.

И мне в глаза ударит синий,
До боли синий, грустный свет.
И вдруг повеет той Россией,
Которой — мне казалось — нет.

1966

* * *

Мы разучились удивляться.
Мы в чем-то чересчур строги.
Нам перестали удаваться
Простые пежные стихи.

Ведет в другое измеренье
Холодных чисел торжество.
Каким-то внутренним прозреньем
Мы старше века своего.

Мы узнаём по всем приметам
Века связующую нить.
И невозможно быть поэтом,
И невозможно им не быть.

1966

* * *

Нам столько выпало событий.
Такая суета сует,—
И мы устали от открытий
И от поспешности побед.

Но разве остановишь это?
Где тот предел?
 Предела нет.
Аккумулируется где-то
Тревожно-первозданный свет.

Нам суждены еще события,
Неразличимые во мгле.
Свершится главное открытие,
Что дремлет в письменном столе.

И будешь думать в час тот дальний,
В прозренье веруя свое,
Что наконец коснулся тайны...
А ты — в преддверии ее.

1966

* * *

Завечерело.

Все виднее,

Как розовеет оком.

И пахнет морем.

А вернее —

Воспоминанием о нем.

И различаешь вдруг на суше
Незримых рыб неясный след.
Хранит безмолвие ракушек
Окаменевший синий свет.

В изломах древних наслоений
Вдруг открываются следы
Столпотворений,
 столкновений,
Борений неба и воды.

И страшно, радостно и странно
На миг почувствовать,

ЧТО МЫ

На дне пустынном океана,
Ревущего из вечной тьмы.

1966

* * *

Ложится на речные скаты
И неподвижные леса
Предвосхищением заката
Серебряная полоса.

И наступает та минута,
Одна-единственная, та,
Когда под суетой и смутой
Как бы подведена черта.

И меркнет быль, и меркнет небыль,
И ты свободен от страстей.
И бесконечность, тишь и небо
Пронизывают до костей.

И этот миг настолько странен,
Такой наполнен глубиной,
Что он один, наверно, равен
Твоей всей жизни остальной.

1966

* * *

И вот опа — твоя деревня.
Белесая дымится мгла.
Гудят чугунные деревья,
Как дальние колокола.

Густеют сумерки глухие
И тихо движутся на вас.
Не передать мне, как в России
Светло и грустно в этот час.

1967

* * *

Немыслима Россия без снегов,
Голубовато меж берез сквозящих,
Без тишины, без этих облаков,
Над головою медленно скользящих.

На горизонте темноликий лес
Объяло бледно-розовое пламя.
И резок солнца предзакатный блеск
Над неподвижно-белыми полями.

И высятся сугробы, как стога.
Туманом дышат просеки глухие.
Снега, снега.

На сотни верст — снега.
А без снегов Россия
не Россия.

1967

* * *

Струится вечер тусклым светом
В заиндевшее окно.
Ну что ж. У каждого поэта
Михайловское быть должно.

Опять с Москвою я в разлуке.
Луны и снега колдовство.
И снова — город Семилуки,
Столица сердца моего.

И вновь — чернеющие кручи,
Дыханье зябкое реки.
И снова семь донских излучин
В мои вторгаются стихи.

И вновь напомнил мне, напомнил
Глухой заснеженный вокзал:
«Чего-то ты еще не понял,
Чего-то ты не досказал».

1967

ЗЕМЛЯ

Под небосводом просветлепным,
Струющим свежесть родника,
Казалось все одушевленным.
Трава. Деревья. Облака.

И дух ржаных хлебов веселый
Царил в бревенчатом дому.
И бабы, подоткнув подола
В прозрачном утреннем дыму,

За покривившейся оградой
Творя языческий обряд,
Все колдовали над рассадой
Да приговаривали в лад:

«Густо-густо
Расти, капуста.
Не будь голенаста,
А будь пузаста.
Не будь красна,
А будь вкусна».

В холодной и пустынной сини
Как и когда оборвалась
Непостижимая отныне
С землей таинственная связь?

Для шумной славы, для забавы
Мы с упоением почти
Твои, земля, травили травы,
Мутили светлые ручьи.

Во власти призрачных усилий,
Гордыни, мелкой кутерьмы
Мы позабыли, позабыли:
Земля — живая.
Как и мы.

1967

* * *

Безмолвие. Запустенье.
Заглохший и вымерший сад,
Где легкие лунные тени
Беззвучно сквозят и скользят.

Мне жребий таинственный выпал —
Нарушить педвижный покой.
Торжественно древние липы
Смыкаются над головой.

От лунного света зеленый,
С глазницами мертвыми дом
Потрескавшиеся колонны
Надменно вознес над прудом.

Забытого страж и последник,
Ильвет в озарении звезд
Воропежский заповедник
Дворянских разрушенных гнезд.

И боязно как-то и грустно —
Троникой карабкаюсь вверх,—
А вдруг неожиданным хрустом
Спугнешь девятнадцатый век.

1967

* * *

Я встану пынче спозаранку
И вспомню в смутном забытти
Исчезнувшую Серебрянку
И чистоту ее струи,

И волн прохладных колыхацье,
И камышовые плоты,
И суматошное мельканье
Язьков веселых и плотвы.

И мне обиженно и хрипло
Гудит чуть свет соседский дед.
Он говорит:

— Река погибла.

И виловатых вроде нет.

А ведь когда-то,

ведь когда-то

Опа не ведала беды.

В ней сазаны — как поросята,

В ней рыбы больше, чем воды...

Давясь обидой и удушьем,

Он на мгновенье речь прервет.

Я слушаю.

Пускай хоть душу

Он в разговоре отведет.

ЧЕРНОЗЕМ

...Чернозем для России дороже
всякой нефти, всякого каменного
угля, дороже золотых и железных
руд, в нем вековечное неисчисли-
мое русское богатство.

Не очень, быть может, уместно
(А критики нынче строги),
Что я предварил неизвестной
И длинной цитатой стихи.

Согласен, что так не годится.
Но мы уж не раз и не два
Наглядно могли убедиться,
Сколь правильны эти слова.

Вникает в их смысл сокровенный
Сегодняшний суетный день,
И дышат росой и Вселенной
Колосья, налитые всклень.

И поле мерцает бессонно,
И почь черноземно-черна,
И больше, чем прежде, весома
Янтарная зрелость зерна.

1967

* * *

Мы забывали о России.
Она бывала не в чести.
Мы это слово в дни иные
Стеснялись вслух произнести.

И было странно это видеть,
И нас сомненья стерегли:
Кого боялись мы обидеть?
Кого обидеть мы могли?

Как будто в годы грозные
Иль в ожидании невзгод
Не обращаемся к России,
Уверенные наперед,

Что отведет беду крутую,
Когда качнется шар земной,
Что, о дурном не памятуя,
Она спасет...

Ей не впервой.

1967

* * *

Шел князь на князя.

Брат вставал на брата.

Из-за чего?

Из-за клочка земли,
Из-за полоски ржавой и щербатой,
Где ковыли от ветра полегли.

Гордынею и гневом обуяны,
Сошлись полки.

Из-за чего? Бог весть.
Из-за словечка, сказанного спьяна,
Что задевало княжескую спесь.

Дамасский меч, еще служивший деду,
Сверкал на солнце, отводя удар.
— Не дам,

не дам возвыситься соседу! —
И щит гудел раскатисто:
— Не дам!

А вдалеке,
под небом бездыханным,
Уже копилась черная беда.
Под бунчуком косматым Батухана
Сбиралась в «тьмы» татарская орда.

Отечество!

Грядет твой злейший враг.

Дымятся кровью реки и ручьи...
Каким платили горем и позором
Мы за раздоры мелкие свои!

Сквозь годы стону полонянок внемлю,
Кричу

и докричаться не могу:
— Остановитесь!

Не давайте землю
На поруганье лютому врагу!

1967

* * *

...нам суждено
В Европу прорубить окно.

А. Пушкин

Будило эхо мрак и топи,
Скользили весла по волнам.
И было то окно Европе
Необходимее, чем нам.

И был Европе неподвластен
Мятежный дух грядущих лет.
В окно, распахнутое пастежь,
Как взрыв, ударил резкий свет.

Не византийски благолепный,
А предвещающий простор,
Тот, от которого ослепнув
Европа ходит до сих пор.

1967

* * *

И вновь отступление пели
Печально и хрипло рожки.
В беснующейся метели
Смешавшиеся полки,

Ломая незыблемость линий,
По скользким мосткам переправ
Уходят от нарвской твердыни,
Обозы и пушки отдав.

Поземкою синей обвитый,
Покрыт ледяною корой,
Глядел, как бредут московиты,
С усмешкою свейский король.

О, кто в то мгновение ведал
(Жгла очи метельная мгла),
Что дальней предтечей победы
Конфузия эта была.

Ну что ж.

 Может быть, не однажды
Оставив последний редут,
Мы слышать могли, как протяжно
Печальные трубы поют.

Но знали —

 заранее знали —
Мы в горькие дни и года:

Туманом легким город тает,
Тускнеет синий небосвод.
Трех городов мне не хватает,
Трех городов недостает.

А ветер резко и упруго
В мое лицо с размаха бьет.
Мне не хватает Петербурга,
Где вьюга белая поет,

Где мутно-желтым привиденьем
Фонарь качнется сквозь пургу,
И фантастические тени
Летят в пронзительную мглу.

А над рекою — капонада,
Дробится в небе гулкий гром.
Мне не хватает Петрограда
С его нахмуренным челом.

И тянет горьким дымом сизым
Над звонким кружевом мостов,
И парадиз Петра пронизан
Тревожным маревом костров.

Но — чу!
Колдует колоннада.
И снова — лепет листопада,
И окна смотрятся в Неву.
А я вдали от Ленинграда
Который день и год живу.

Но что-то к горлу подступает
И мне покоя не дает...
Трех городов мне не хватает,
Трех городов недостает.

1967

АНТИКВАРНЫЙ МАГАЗИН

Подсвечник бронзовый, как в церкви,
Плывет над нами в полумгле.
И солнце медленное меркнет
В голубоватом хрустале.

И любопытные глазают,
Галдят, толпятся у витрин.
Вхожу, как входят в зал музея,
Я в антикварный магазин.

Звнящее великолепье
Фарфоровых прозрачных блюд
Здесь позапрошрое столетье
И прошлое распродают.

Здесь — потускневшие гравюры
И уцененные холсты.
И улыбаются амуры,
Подняв лукавые персты.

А я объят смущеньем вещим,
А я раскаяньем объят,
Как будто перед каждой вещью,
Невиноватый, виноват.

Как будто, оскудев душою
Среди обыденных тревог,
Я что-то чистое, большое
Забыл навеки. Не сберег.

1967

* * *

Пусть этажи растут бесстрашно.
Пусть, ненавязчиво-легка,
Стремительная телебашня
Буравит тьму и облака.

Но, как положено издревле,
Врачуя нас от суеты,
Даруют светлые деревья
Нам ощущение высоты.

И без особенных усилий
Лишь легким трепетом ветвей
Соединяют с небом синим
Всего надежней и верней.

И не случайно, не случайно
В любые дни, в любом краю
Их шум далекий и печальный
Я с наслаждением ловлю.

1967

* * *

Томись и надейся на случай,
Но только себя не вини.
Не мы выбираем созвучья,
А нас выбирают они.

А нам и самим неизвестно,
Откуда все это и как
И что зашифровано в тесных.
Корявых, неточных строках.

Смущенной тревожной душою,
К своим не привыкший словам,
Ты чувствуешь что-то большое,
Еще неизвестное нам.

1967

* * *

Откуда, откуда такое?
Наверно, колдуют года.
Я так безмятежно покоен,
Как не был еще никогда.

Напрасно шаги замедляю,
Снежком осторожно скрипя,
Себя вспоминать заставляю,
Грустить заставляю себя.

Напрасно.
Свершилось и это —
Не нужен привычный обряд.
Недвижным встает силуэтом
Стеклянный и дымчатый сад.

По белому зыбкому снегу —
Лишь легкого облака дрожь,
И этому чистому небу
Солгать ни за что не солжешь.

1967

* * *

И тот, кто идет без любви хоть
минуту, на похороны свои он
идет.

Уолт Уитмен

А я не знал,
 а я не ведал,
Я к этой мысли не привык,
Что мгле и холоду я предан,
Что только числюсь я в живых.

А надо мной каменьев груды,
Да отчужденья полоса.
Какое ж сотворили чудо
Твои мятежные глаза!

И вот ручьям и звездам внемлю.
И голос мой гудит окрест
И полнит небеса и землю:
— Воскрес!

Воистину воскрес!

1967

СВАДЬБА

Был не похож, увы, нисколько
На свадьбу свадебный обряд.
Кричали, спохватившись,
«горько»,
Но это было невпопад.

В чаду и сутолоке тесной,
Не пригубившая вина,
Застыла статуей невеста,
Теперь уж мужняя жапа.

И взгляд ее скользил устало,
Дрожал в глазах поблекший свет.
Ах, эта свадьба запоздала,
Наверное, на двадцать лет.

Жених морщинистый и дробный
(Он был невесте по плечо)
О чем-то ей вещал подробно,
Дышал в лицо ей горячо.

Пиджак торжественно одернув,
Блюдя старинный ритуал,
Победоносно и задорно
На цыпочки он привставал.

И пил он шумно,
пил он много,
Нарочно будто и назло.
Жила в нем тайная тревога
И беспокойствие росло.

И что-то доказать он тщился,
В чужой встречаю разговор,
Лез на рожон и петушился,
Нес околесицу и вздор.

Как будто он хотел напомнить,
Кому обязаны гульбой,
Как будто он хотел наполнить
Весь этот дом самим собой.

А гармонист гармонь примерил,
Раздул мехи, что было сил,
Все кнопки до одной проверил
И чуб свой набок уронил.

Плечами обозначив вызов
(А ну-ка, где вы, мужики?),
Поплыли бабы в дыме сизом,
И покачнулись потолки.

«Ходи, хата, ходи, печь!
Хозяину негде лечь».

Свистело, ухало, звенело,
И поднималась пыль столбом.
И каблуки осатанело
Дробь выбивали.

А потом,

Как бы веселью поддаваясь,
Глазами и лицом смутна,
Из-за стола не поднимаясь,
Запела мужняя жена.

«Ты, война, ты, война,
Ты меня обидела.
Ты заставила любить,
Кого я не навидела».

О, как она протяжно пела
(Был голос груб и хрипловат)
О той войне, что отгремела
Уж двадцать лет тому назад,

Что похоронена в болотах,
В глухих лесах, в слепых снегах,
А для кого-то,
 для кого-то
Все не кончается никак.

Средь наступившего покоя,
Объятой дымом тишины
Ее глаза, как на иконе,
Недвижны были и страшны.

1967

РОССИИ

Нет, ты себя не исчерпала,
Не размеяла в суете.
А мы — звено, мы — лишь начало,
Короткий штрих в твоей судьбе.

И твой удел, и твой обычай —
Непроторенные пути.
И главное твое величье —
Не позади, а впереди.

И зыбко-зыбко брезжит дальний,
Еще неведомый рубеж,—
И нет бессмысленных страданий,
Нет неоправданных надежд.

1967

РУСЬ

То над степью пустой загорелась
Мне Америки повой звезда!

Какая над тобою, Россия,
Ни восходила бы звезда,
Но ты не только индустрия,
Да города, да провода.

В тяжелом смоге и тумане,
В грохочущем обвале дней
Россия, как и прежде, мапнт
Неуловимостью своей.

И мне тревожно и печально,
Когда под звон ночных ракет
Она недвижными глазами
В меня пронзительно глядит.

Но, от восторга холодею,
Я не берусь,
 я не берусь
Хотя б на миг постичь идею,
Что однозначна слову
Русь.

И лишь, в скитаньях повторяясь,
К ее раkitам припаду,
В ее просторах затеряюсь,
Спежинкой малой пропаду...

1967

* * *

Пока Россия
Сквозит в тумане
И мы подвластны
Ее поверьям,
Ничто на свете
Нас не обманет,
Ничто в безверье
Нас не повергнет.

Чужие беды
Ее тревожат,
Чужое горе
Ей застит очи.
И быть иною
Она не может,
И быть другою
Она не хочет.

Пока в тумане
И тьме кромешной
Россия брезжит
Над тусклой бездной,
Напрасно тешат
Себя надеждой
Пасти народы
Жезлом железным.

1968

* * *

Рассвет незряче надвигается
Над синевой озер, над недрами.
Россия только начинается —
Пусть ведают друзья и недруги.

В разрыве туч встает туманная,
Звонящая, заледенелая,
Она —
 Великая и Малая,
Она —
 Червонная и Белая.

О чем над весями и градами
Ее ветра поют раскованно?
Ее загадка не разгадана,
Ее пути не расколдованы.

И гаснет лес, густой и вязевый,
В дыму и придорожном рокоте,
И слово главное не сказано
Ее вождями и пророками.

1968

Во мгле и суете ревущей
Дай бог, чтоб в нас не прервалась
Минувших, нынешних, грядущих
Времен возвышенная связь.

Ты чуешь тени чьих-то крыльев?
Тревожит душу трубный глас.
Ты слышишь их:

и тех, что были,
И тех, что будут после нас?

Воскресли мертвые просторы,
Неразличимые сквозь дым.
О, этот всенародный форум,
Как мы ответственны пред ним!

Стираются столетий грани
В неколебимой синеве.
Мы только часть того собрания,
Мы в том собрание в меньшинстве.

И свод небес, и эти дали —
Всё, всё, что видишь ты кругом,
Им, им принадлежит вначале,
А нам принадлежит потом.

Пускай в пустынном мирозданье
Неуловим их зыбкий след,
Не утешай себя сознаньем:
Мол, я живу,
а их ведь — пет.

Стократ сомненье это лживо!..
Они, как из бессмертья весть,
В твоей душе должны быть живы,
Коли душа, конечно, есть.

1968

* * *

Маячит смутная ветла,
Шуршит ветвями к непогоде.
Уходит песня из села.
Куда, зачем она уходит?

В туманной зябкости дорог
Среди мерцающей равнины
Душа захвачена врасплох
Протяжным криком журавлиным.

И захолонут огоньки,
Качнутся травы и деревья,
И эхо тянет вдоль реки
Тот крик таинственный и древний.

О, как извечна эта грусть
В тумане сером и незрячем!..
Пронзи, пронзи мне душу, Русь,
В последний раз осенним плачем!

В последний раз ты потревожь
Ночную мглу напевом давним!..
Но лишь накрапывает дождь,
Да в такт поскрипывают ставни;

Да придорожная ветла
Гремит тяжелою листвою.
И я не помню, чтобы мгла
Еще когда-нибудь была
Такой глухою и густою.

1968

В МИХАЙЛОВСКОМ

Здесь почему-то ниже облака
И непривычна близость небосвода,
И тишиною нас обволокла
Прозрачная осенняя погода.

Я угадать пытаюсь волшебство
Ушедших дней,
но время постаралось,
И ничего, почти что ничего
От тех времен в усадьбе не осталось.

Остались —
 листопад и облака,
Рисунок черный стаи журавлиной,
Да этот вид на речку и луга
Из окон вновь отстроенной гостиной...

И я в лесу михайловском стою,
И листопад, и сипеву, и землю
За верность прошлому опять благодарю,
За верность строчкам пушкинским приемлю.

1968

* * *

Ах, как пахнет некошеным летом!
Разнотравье звенит на лугу.
Примелькалось, знакомо все это,
А привыкнуть никак не могу.

В неудобном, грохочущем мире,
Застилающем гарью глаза,
Где тревожно смешались в эфире
Грозы, музыка и голоса,

Поразительней призрачной славы,
Удивительней всяких чудес —
Что еще поднимаются травы,
Дышит хвойною свежестью лес,

Что журчат непогибшие реки,
И прозрачен рассвет голубой,
И плывут, как в доатомном веке,
Облака не спеша над тобой.

1968

* * *

В угаре дымном дробно пляшут
Деревьев черных письма.
Зачем так иступленно наша
Цивилизация шумна?

Пусть в облаках она витает,
Но неспроста,
но неспроста
Ей так фатально не хватает
Прозрачной ясности листа.

И тонет в зареве багровом
Разворошенная земля,
И мы вибрирующим ревом
Гипнотизируем себя.

И не хватает почему-то,
Хотя в запасе целый век,
Микроскопической минуты,
Чтобы осмыслить свой разбег.

1968

* * *

Перед лицом космических тревог
Что значит жалкий человеческий ропот?
Что человек!

Сегодня даже бог
Рисуется как усложненный робот.

Сквозь звездное ночное решето
Мерцает нам из темноты предвечной
То самое бездушное Ничто,
Которое, по Гегелю, есть Нечто.

Те небеса чужды и высоки,
Их не коснешься Вавилонской башней,
И в час земной и неземной тоски
Нам нужен бог попроще,
подомашней.

Пускай, суровый подводя итог,
К деяньям нашим будет недоверчив,
Пусть будет строг —
ну что ж, на то он бог, —
Но пусть он мерит мерой человечесей.

Для нас его неведомы пути,
Но в час, когда я небо вопрошаю,
Когда кричу:
— О господи, прости! —
Пускай мне смутно слышится:
— Прощаю!

1968

* * *

Уже весною пахнет ветер.
Ручьи готовят свой разбег.
А ты... ты даже не заметил,
Как потускнел в сугробах снег,

Как в запечатанные стекла
Дохнула влажностью зима
И как под снегом сизо-блеклым
Вдруг обозначилась земля.

От суеты твоей поодаль,
За переплетами окна
Все незаметней смена года,
Все неотчетливей она.

Ах, как глаза твои продрогли!..
Застыла в дымке золотой
Ракита, словно нероглиф,
Не расшифрованный тобой.

1968

* * *

Хоть раз в году, но надо, надо
Отбросить все дела свои.
Да осенит тебя прохлада!
Да оглушат тебя ручьи!

И вновь стремительно и слепо
Над полем мечутся стрижи,
И снова — небо, небо, небо
Да светлая полоска ржи.

Пусть тает день белесым дымом,
Пусть повторяюсь я опять.
Но это так необходимо,
Что трудно словом передать.

1968

* * *

В твоей руке упругий пруттик,
Ножом обструганный чуть-чуть.
Ты только путник, только путник,
Все остальное — позабуди.

Все, что тревожило когда-то,
Все, что тревожить будет впредь,—
Хитросплетенье чисел, даты,
Звонков вечерних круговерть,—

Все, что казалось самым главным,
Что не тобой предрешено,
Рисунком горизонта плавным
Да блеском трав приглушено.

Ты только путник.

И другое

Тебе неведомо пока.
Беззвучно сшиблись над тобою
Крутыми лбами облака.

1968

ТАТАРНИК

Разрезав надвое кустарник,
Слегка поблекнув от жары,
Колеблет медленно татарник
Свои колючие шары.

С неукротимой отвагой
Над порыжевшею травой,
Над рыхлой кромкою оврага
Он изогнулся тетивой.

Ах, боже мой, какая малость!
Кривая тень. Сухой репей.
Но это все, что нам осталось
От дикой вольности степей.

1968

* * *

А мы нехоженой тропой
Идем туда,
 где над рекой
Хохочет эхо голубое,
Блуждает облак голубой;

Где в бликах солнечного света
Под смутный шелест ковыля
Вновь обретенною планетой
Плывет российская земля.

1968

* * *

Мы снова возвращаем имена
И городам, и задымленным весям,
И снова обретают времена
Утраченное в грозах равновесье.

И неподвижны тени облаков
Над неподвижно-тихим Городищем.
И отдаленный перезвон веков
В моей душе все явственней и чище.

И я шепчу, не в силах отвести
Глаза от синей высоты курганов:
— Прости, земля российская, прости
Своих родства не помнящих Иванов!

1968

* * *

Не кокетничай с Музой, мой друг,
И не строй ты воздушные замки.
Никогда твой мятущийся дух
Не уложится в тесные рамки.

За окном цепенеет земля,
Стужей скользкою скованы ветки.
Каждый раз начинаю с нуля,
С нулевой начинаю отметки.

Каждый раз предо мною тупик
Вырастает стеною глухою,
И робею я, как учепик,
Каждый раз перед новой строкою.

1968

* * *

Жизнь вечереет понемногу.
Тускнеет тихая ветла,
И приближается к порогу
Неосязаемая мгла.

И без волненья и печали
В мерцанье светлой темноты
Уже с трудом я различаю
Твои далекие черты.

Уже становится преданьем
Свиданий первых первый пыл,
Когда одним воспоминаньем
Я месяцами счастлив был.

А нынче воскресить все это
Мне так же трудно, как в кино,
Что и без звука, и без цвета,
И без сюжета заодно.

Сквозь синеву туманных стекол
И неразвевявшийся дым
Я сам себе кажусь далеким,
Я сам себе кажусь чужим.

1968

* * *

В глаза мне смотрит, не мигая,
Холодный розовый закат.
Сухие ветки под ногами
Да листья павшие шуршат.

И зябко ежатся тропинки,
И, невесома и смутна,
Как будто тень от паутины,
Скользит по лицам тишина.

И лишь позванивает ветер,
Слегка раскачивая сад.
До боли в сердце чист и светел
Сквозной осенний листопад.

Воздав сполна за ожиданье,
Дарит покой в вечерний час
Его прозрачное дыханье,
Соединяющее нас.

1968

* * *

Уже становится историей
Любви тревожное начало.
В те дни была консерватория
Для нас единственным причалом.

Ах, боже мой, с какой готовностью
Она распахивала двери,
Когда, гонимые бездомностью,
Мы проникались к ней доверьем.

Афиши с буквами застывшими
Мы в сотый раз с тобой читали.
Мы в коридоре под афишами
Толпу и шум пережидали.

Толпа текла тропой изученной
И в отдаленье замирала.
И глохли в стенах обеззвученных
Сонаты, фуги и хоралы.

За окнами машины шаркали,
Снег мутной пеленою реял.
А здесь опять волною жаркою
Нас обдавали батареи.

Ты на стекле чертила рожпцы,
И длилась вечность наша вахта,
И можно было не тревожиться
Еще минуту до антракта.

1968

* * *

Лукавить я себя не заставляю.
Благословляю и добро и зло,
Все то, что было, я благословляю,
Все то, что нас друг к другу привело.

И тайным светом ныне обозначен
Мой каждый шаг и каждый перевал...
Неужто я роптал на неудачи
И вообще на что-нибудь роптал?

1968

* * *

Я устаю от наших расставаний,
Наполовину выдуманных мной.
Замкнулась цепь моих воспоминаний
Лишь на тебе, лишь на тебе одной.

Тобой, тобой осепшими ночами
В часы разлуки дышит каждый стих,
И мне печально от твоих печалей.
И мне тревожно от тревог твоих...

1968

* * *

Колокола отколоколили,
И эхо замерло вдали.
Пути прямые и окольные
Куда-то все же привели.

Полоской смутной, еле видимой,
На небе проступает хмарь.
И я влюбленным не завидую,
Как позавидовал бы встарь.

Нет, нет!

 Ни взглядом, ни улыбкою
Не потревожу их покой.
А снег встает стеною зыбкою,
А снег встает стеной глухой.

А голос мой им просто чудится
Среди морозной синевы:
— Пускай у вас хотя бы сбудется,
Что не сбылось у нас, увы!

1968

* * *

Свет заката вечернего узок,
Окна тихо скользят в полутьму.
Гостьей редкой становится Муза
У меня в неуютном дому.

В тенях сизых и продолговатых
Я себе тосковать не велю.
Не ищущу, не ищущу виноватых
И себя не виню, не виню.

Признаюсь, что ленив был и грешен,
Суетлив был порою мой стих,
Но одною я мыслью утешен
Среди скорбных сомнений своих,—

Что, подверженный мукам и бедам
И познавши успех и провал,
В самом главном я Музу не предал,
В самом главном я ей не солгал.

1968

ДЕРЕВЬЯ ГОВОРЯТ СО МНОЮ...

Под неподвижною луною,
Как много лет тому назад,
Деревья говорят со мною,
Неторопливо говорят.

Смещение бликов, резких пятен...
А я — что делать! — я отвык
От их речей.

Мне непонятен
То смутный, то немой язык.

В звенящей тишине простора
Постичь не в силах слух и взгляд:
Что означает этот шорох?
Что эти блики говорят?

Какое небо их касалось,
Какая тайна здесь жива?
А в детстве —

или мне казалось —
Я знал все знаки волшебства...

Вернуть хотя бы тень былого,
Прочсть хотя бы между строк
Навек утраченное слово,
Навек утраченный памяк...

По четко заданной орбите
Струится воздух, как вода...
Но говорите, говорите!
Не умолкайте никогда.

1969

* * *

То ли мать эту песню певала,
Только помню слова наизусть:
«Подпояшусь я зорькою алой,
Белым облаком оболокусь».

Что сегодня ее воскресило,
Возвратило родным небесам,
И какой непонятною силой
Приворожен я к этим словам?

Только сердце томится от боли,
Что навеяло грусть — не поймешь:
То ли песня старинная, то ли
В чистом поле шумящая рожь.

То ли гаспет в степи, как, бывало,
Голос твой, уходящая Русь:
«Подпояшусь я зорькою алой,
Белым облаком оболокусь...»

1969

* * *

Себя подгоняем: «Скорее!»
Все строим дома на песке.
А матери наши стареют,
Стареют от нас вдалеке.

И что мне стихи и успехи,
Речей хитроумная вязь.
Я с детством теряю навеки
Последнюю хрупкую связь.

Под ровный раскатистый рокот
В закатном вечернем дыму
Становится так одиноко
В моем многолюдном дому.

О, как пред тобою я грешен.
Далекая тихая мать!
Я толком тебя не утешил,
Я все забываю сказать

(Все кажется мне, что успею,
До случая поберегу):
Ведь я без тебя не умею,
Я жить без тебя не могу.

И коль не предвидится чуда
И все мы когда-то померем.
Пусть первый уйду я отсюда,
А ты, моя мама,—

потом.

1969

XVIII ВЕК

Меж нами — годы, годы, годы.
Меж нами столько пролегло!..
И дитирамбы, канты, оды —
О, как все это далеко!

О, как все это непривычно!..
Слабеет лиры звучный глас,
И кажется косноязычным
Нам век осьмнадцатый сейчас.

Мы, может быть, и почитаем
Певцов, увенчанных хвалой,
Но, уж конечно, не читаем
Томов с виньеткой золотой.

Вид фолиантов заповедный
В который раз пугает нас...
А жаль, что Муза в рог победный
Не затрубит в урочный час.

Прислушайся!..

О, как державен
И громозвучен каждый слог!
Шагами грузными Державин
Восходит на Парнас, как бог.

И я, притихший, я робею
Пред крутизной вершин таких,
И я иронией своею
Не смею тронуть этот стих.

**В сем слове, грозном, словно лава,
Необоримом, как волна,
Российского оружия слава
Навеки запечатлена.**

**Из глубины седых столетий,
Из неподвластной взору мглы
Несется к нам сквозь гром и ветер:
— Летите, российские орлы!**

1969

НАТАЛЬЕ НИКОЛАЕВНЕ ПУШКИНОЙ

Строками, полными печали,
К Вам обращались с давних пор.
Вас укоряли, обличали,
Вам выносили приговор

Язвительный и в заключение
Читали проповедь опять,
То снисходительно прощенье
Изволили Вам даровать.

Вас поучали столь исправно,
Как будто право обрели
Звать не Натальей Николавной,
А фамильярно — Наталі.

Как будто вправду стих паш дальний
И наши грубые персты
Коснуться смеют Вашей тайны
И Вашей грустной красоты.

Но гложет ропот монотонный...
А мне довольно одного:
Вы были пушкинской мадонной,
Вы были Музою его.

Среди сомнений неотступных
Неколебим и чист Ваш храм.
В строках, как небо, недоступных
И, словно небо, близких нам,

Запечатлен Ваш облик тонкий,
Волшебный отзвук Ваших слов...
Все остальное — кривотолки
Да зависть праздная умов!

1969

* * *

Когда возводит юность здания,
Не на песке они стоят.
Чисты ее воспоминания
И дух ее не тяготят.

И не унижится до шепота
Ее восторженная речь.
А что до опыта, то опытом
Порою стоит пренебречь.

Смешны ей наши назидания
И бремя мелочных забот.
И ей известно все заранее.
Ей все открыто наперед —

Что горный пик и тот качается,
Что устают стучать сердца
И что любовь, увы, кончается...
И лишь у этой нет конца!

1969

* * *

Уже в лицо дохнула старость,
Последний близится рубеж —
Но сколько ж в нас еще осталось
От детской веры и надежд!

И все спешишь, все ждешь чего-то,
Мечтам исправно платишь дань:
Вот-вот сейчас за поворотом —
Другая синь, другая даль,

И не напрасно, не напрасно
Наперекор крутой судьбе
Душа опять любви подвластна,
А значит — небу и тебе.

1969

* * *

В холодном небе умирают звуки,
А мы с тобой разлучены опять.
Все потому, что, может быть, в разлуке
Я начинаю что-то понимать.
Уже темнеет, но еще не вечер.
А снег какой — ты только погляди...
За все, за все несбывшиеся встречи
Прости меня, любимая, прости!..

А снег, а снег заполонил все небо.
Повсюду — снег. Ни тропки, ни следа.
Я не видал еще такого снега,
Такой зимы не будет никогда.
Ты проживи хоть сто годов, хоть двести,
Не повторится то, что позади...
За все, за все, что не увидим вместе,
Прости меня, любимая, прости!..

Я долго жил, в привычках не меняясь,
Судьбу зачем-то искушал свою
И говорил, как будто извиняясь,
Я в торопливой тишине: люблю.
Не с той строки я песню свою начал.
И было с Музой пам не по пути...
За все, за все, что быть могло иначе,
Прости меня, любимая, прости!..

1969

* * *

За много-много лет, быть может,
И то, наверно, в первый раз
Меня не мучит, не тревожит
Далекий отзвук праздных фраз.

Хранят доверчивые строки
Мое раскаянье и грусть.
И я не рвусь уже в пророки,
И никуда уже не рвусь.

И от самих себя уставши
В быстротекущей смене дней,
Мы стали чуточку постарше,
Мы стали чуточку мудрей.

И если б знали хоть отчасти,
Как счастлив я среди снегов,
Где над душой моей не властен
Туман возвышенных умов.

1970

* * *

Снег полыхает в лунном свете
Каким-то колдовским огнем.
Ну что я расскажу о снеге?
Ну как я расскажу о нем?

Его опять я огрубляю
Своим сравнением любим.
Его я синим объявляю,
Его зову я голубым.

Но это, право, так условно
И приблизительно, увы,
И меркнет и тускнеет слово
В сиянье резкой синевы.

И сколько б я оттенков цвета
Ни сыпал щедрою рукой,—
А снег не тот, а снег не этот,
А снег совсем, совсем другой!

1970

* * *

Вспорхнули листья, словно воробьи,
Как будто улететь они хотели,
Но закружились около скамьи
И никуда они не улетели.

Куда — скажи, — к чему им улетать,
Кто гонит их, кто их об этом просит,
Когда вокруг такую благодать
Дарует щедро золотая осень.

Легли на лица отблески берез,
Идет волной на нас одцепенье,
Как будто кто-то властно произнес:
«Остановись, летящее мгновенье!»

И вот уж ветер не шуршит листвою,
И облака плывущие застыли.
Недвижно все. И солнце над тобой
Наверняка навек приколотили.

1970

* * *

Я соразмерность осени люблю,
В ней все, в ней все законченно и плавно,
И с ней душа созвучна в самом главном,
И я дыхание чистое ловлю
Ее небес.

Звонят ее ветра.

Высокий свет пронизывает чащи.
И есть в ней все оттенки и цвета,
Но нет в ней красок резких и кричащих.

Есть зрелость в пей, неведомая нам,
На миг один, пронзительный и малый,
Доступная лишь старым мастерам,
И то не всем и не всегда, пожалуй.

1970

* * *

Текучесть форм — вот сущность бытия.
Листва с дерев продрогших облетела.
И я стою дыханье затая
На рубеже незримого предела.

Неразличимы дальние края.
Тоскует дух и немощное тело.
В себе замкнувшись, внутреннее «я»
Страшится тишины осиротелой.

Высокая невидимая власть
Лишь на мгновенье приглушит тревоги,
Уймет корысть и низменную страсть.

Но что же делать, если мы не боги
И видим лишь ничтожнейшую часть
Своей земной и пеземной дороги?

1970

* * *

Приемли мир и ничего не требуй.
Нам дали больше, чем мы взять могли.
Я ничего не вижу, кроме неба
Да облаков, дымящихся вдали.

В сияющем и гаснущем просторе,
Среди необъяснимой тишины,
Я ничего не слышу, кроме моря
Да всплеска вдруг нахлынувшей волны...

1970

Из века в век нас поучали,
Что есть на свете девять Муз.
Их голоса мы различали,
И их незыблемый союз

Усердно чтили мы и свято.
Но в суматохе быстрых дней
Мы позабыли о десятой,
Забыли с легкостью о ней.

А ведь когда-то колдовала
Над пей густеющая мгла,
И белой тканью покрывала
Она окутана была.

И в знак того, что мир недвижим,
Что миг прозренья не настал,
Был палец трепетно приближен
К ее таинственным устам.

В те дни, врачуя дух печальный,
Игрою смутных слов томим,
Певец лишь с Музою молчанья
Делился замыслом своим.

Он ей молился, ей подвластен.
От суеты и мелкой страсти
Певца спасали всякий раз
Ее безмолвное участие
И строгий сумрак строгих глаз.

1970

ГОЛУБЫЕ ХОЛМЫ ИНДОСТАНА

Корабли плывут
Будто в Индию...

С. Есенин

1

Дух мечты ничто не изменило,
И ничто, наверно, на земле
Нас с такою силой не манило,
Как манила Индия к себе.

Мы стремились к ней, и не напрасно,
Не затем, что жаждали чудес.
А затем, что нам и ей подвластны
Высота и широта небес.

И уму неведомые дали
Млечный Путь соединял, светясь.
Пусть не сразу мы, но угадали
Наших душ таинственную связь.

Книга книг для нас с тобой открыта,
И в безмолвье звездном и ночном
В языке воскресшего санскрита
Мы глагол славянский узнаем...

2

Голубые холмы Индостана!
(Свет скользит по отвесной скале.)
Мне сегодня несколько не странно

Вас увидеть в редеющей мгле.
Море питочкой топкой синее
И уходит, звеня, в синеву.
Не пойму: паяву ли, во сне я,
Только кажется мне — наяву.
Нелегко мне далось ожиданье.
И ниспослана, как испытанье,
Черновая работа годов,
Чтобы ты различил очертанья
Прилегающих к небу холмов,
Чтобы в сумраке влажного леса,
Где простерся над нами павес,
Вдруг исчезла, как дымка, завеса,
Отделившая нас от небес.
Чтоб воскрес из слепого тумана
Фантастический блеск облаков...
Голубые холмы Индостана,
Многорукые тени веков...
Сколько раз затихающей ночью
Среди мелких забот и труда
Вас я видел, хотя и воочью
Вас не видел еще никогда...

3

И опять за ратью рать теснится
В полумгле проснувшихся веков,
И опять грохочут колесницы
И трепещут отблески клинков.

Чья орда, какой набег вершила?
Задыхались в пламени дома,
И глаза бесчисленные Шивы
Равнодушно заливала тьма.

И опять, бунчук свой п знамена
Водрузивши в гордой высоте,
Победитель с думой затаенной
Подступал к невидимой черте.

Но она, как призрачная небыль,
С горизонтом уходила вспять.
Беспредельность скрывшегося неба
Не понять, не тронуть, не объять.

Вот и все. В ночи мердают реки.
Звездным светом зыблются ручьи.
Звуки труб растаяли навеки,
Стали прахом конья и мечи.

Колесницы, конница, нехота,
Как песок меж пальцев, протекли,
Не нарушив даже на йоту
Равновесье неба и земли.

4

Гасит отзвуки лунного эха
Гималаев пылающий снег.
Над обителью вечного снега
Вечность свой замедляет разбег.

В свете звездных и трепетных молний
У подножья незыблемых скал
Нарастающий голос безмолвья
Настигает тебя, как обвал.

Нет, не зря, как ведется издревле,
Ты к вершинам свой путь совершил.
Ты увидел воочию Время,
Что туманом нисходит с вершин.

И увидел ты мысленным взором:
Круг за кругом пройдя по земле,
Утолив свою жажду простором,
Возвращается Время к себе.

И слышал ты голос простора,
Что растаял, протяжно звеня:
— Все пройдет. Не пройдут эти Горы,
Это Небо и эта Земля.

5

Не в объятьях тропической неги
И не так, как другие цветы,—
Лотос долго готовит побег
Под тяжелою толщей воды.

День за днем незаметно растает,
Ночь за ночью померкнет, пока
Из воды над водою восстанет
Неподвижная чаша цветка.

Закачается гордо и плавно
Отраженный волной силуэт,
И тогда станет тайное явным,
Станет зримым невидимый свет.

Только лотос восходит не сразу,
И ускорить восход не спеши.
Не подвластный ни слуху, ни глазу,
Он подвластен движеньям души.

На холме, голубом и отвесном,
Мы стоим, чуть примявши траву,
И ни словом, ни звуком, ни жестом
Мы не смеем мешать волшебству.

И не смеем уйти мы отсюда.
Тишиною весь мир побежден.
Под водою свершается чудо.
Время есть. Помолчим. Подождем.

1970

ОТЧИЙ ДОМ

Мой отчий дом под хмурым небосводом
С надеждой тайной смотрит в полутьму.
Он ждет меня в любое время года,
Он ждет меня наперекор всему.

И веет грустью от бессонных окон,
Скрипят березы чутко под окном...
Вдруг загляну хотя бы ненароком,
А вдруг нагряну, как небесный гром.

Войду к себе, и в горле перехватит,
Страхну усталость, суету и пыль.
И вот уже на праздничную скатерть
Водружена заветная бутыль.

И мы словами душу отогреем,
И потечет беседа, как всегда.
— Как мы живем?

— Стареем, сын, стареем,
Но наши беды — это не беда.

Скажи, как ты?

Я посмотрю в окошко,
Потом начну заученный рассказ,
И коль солгу в рассказе, то немпожко,
Да и рассказ ведь скучен без прикрас.

Я расскажу, как хорошо мне всюду,
Что в жизни нет безрадостного дня,
И вновь, как прежде, я сказать забуду,
Что отчий дом один лишь у меня.

От страстивий дальних, от себя уставши,
Я умолчу, как прежде, об одном,
Что ничего на свете мне не страшно,
Пока во мгле мерцает отчий дом.

* * *

Как не похож тот мальчик на меня!
Он возникает над крутым обрывом
Стремительно (а я неторопливо)
В сиянье исчезающего дня.

Подумать только: он — моя родня.
Он — это я, умевший жить порывом.
Умел он быть безоблачно-счастливым
И не искал заемного огня.

Быть может, что-то в нас и повторится.
Но ни в туманном сне, ни наяву
Нам не открыть закрытую страницу.

И, падвое разрезав синеву,
Легла меж нами четкая граница.
Тот мальчик умер. Я еще живу.

1970

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

Тень высоких берез подступает вплотную,
Обрывается марш у незримой стены,
И уходят от нас в тишину вековую
Ветераны последней великой войны.

Потускнела латунь, и ржавеет железо,
Тянет сыростью трав от разрытой земли.
Отслужили свое, отскрипели протезы,
Отстучали по скользким камням костыли.

В исчезающей мгле лист осенний кружится,
Убегающий свет возвращается вспять.
Не впервые им в землю сырую ложиться,
Не впервые всем телом се обнимать.

Гаснет синее поле в глазах у солдата,
И мне кажется — им перед смертью дано
Видеть снова все то, что свершилось когда-то,
Что уже не воскреснет в стихе и кино.

И в предсмертном бреду тишина раскололась,
И рубила пустое пространство ладонь,
И хрипел, задыхаясь, слабеющий голос:
— Батарей, огонь! Батарей, огонь!

В обожженных степях необъятной России
Неумолчно и вечно орудья гремят.
И, услышав их рев, прозревают слепые,
Поднимает солдат из окопов комбат.

И опять чернозем сотрясают раскаты,
И опять в небесах — парастающий гуд,
И безрукие в руки берут автоматы,
И безногие снова в атаку идут...

1970

* * *

Нам суждена судьба крутая,
И мы еще не обрели,
Мы только-только обретаем
Единство неба и земли.

В нас воскресает не прозренье,
Не свет неведомых веков,
А нечто вроде подозренья,
Что мы на стыке двух миров.

Еще страшит нас быстротечность,
Пугают мертвые века.
Наш каждый день — как тропка в вечность,
Но эта тропка так узка!

Лишь еле видимой чертою
Она намечена для нас,
И мы на ней скользим порою,
Скользим и падаем не раз...

1970

Конечно, не единым хлебом
Жив современный человек.
Конечно, не одним лишь небом
Дышать он должен целый век.

Ах, эти истины бесспорны.
Они давным-давно в чести.
В своем стремленье мы упорны
Себя и небо развести.

Себе, себе же в наказание
Который день, который год
Окостеневшее сознание
Душе проспуться не даст.

Здесь без пужды да и без цели,
А просто порознь пролегли
Две неподвижных параллели:
Пути небес, пути земли.

Но быть не надобно провидцем,
Чтоб в день грядущий заглянуть:
Должны ведь параллели слиться
В один перасторжимый путь.

Должны, и незачем страшиться.
Но будь повсюду пачеку:
А вдруг свершится, вдруг свершится
Все это на твоём веку?

И зазвучит все по-иному,
Все обретет свои черты,
И будешь в вечности, как дома,
А не пришельцем будешь ты.

1970

* * *

Не смерть страшна, страх перед смертью страшен,
Страшна ее навязчивая тень.
Заранее унынием окрашен
Еще не начинающийся день.

Тускнеет все при появлении нашем —
Лесной листвы спасительная сень,
Теряет запах праздничный сирень,
И веет тленом от старинных башен.

А из безмолвия мне звучат слова:
«В душе твоей одна лишь смерть жива,
А если так, чего ж ты суегишься?..»

Ты только смерти ревностно служил,
А потому ты вовсе и не жил.
Так почему ж ты жизнь терять боишься?»

1970

* * *

Исчезла грань меж небом и землей,
Исчезла без усилий и стараний.
Вот так всегда и исчезают грани,
Придуманные кем-то или мной.

Отчеркнуты невидимой чертой
Года былых и призрачных исканий,
И мир иной манит не тишиной,
А напряженьем радостных дерзаний.

О вечности лишь стоит говорить,
О предрассудке смерти забывая.
При чем тут смерть, коль надобно творить.

И вновь, и вновь в тебе, не уставая,
Все ткут и ткут светящуюся нить
Живое пебо и земля живая.

1970

* * *

Нам дарит убежденность все чаще
Изнутри нарастающий свет:
Меж землею и небом звучащим
Никакого различия нет.

Не поймать никакою аптепной
Зазвучавшие где-то вдали
Гулкий колокол звездной Вселенной
И набат потрясенной земли.

Без прозрений, писпослапных свыше
Если мысли и чувства чисты,
Мы встаем, эти звуки услышав,
На дежурство у вечной черты.

Даже думать, наверно, преступно —
Можешь славу иль нет обрести?
Важно только одно:

неотступно

Эту вечную вахту нести.

Важно только одно неизменно —
Чтоб во всем уловить мы могли
Мудрость быющего часа Вселенной,
Мудрость быющего часа земли.

1970

* * *

Полночь жизни моей миновала,
Позади — самый трудный рубеж,
И не жалко пичуть, как бывало,
Затаенных и дерзких надежд.

Как бы сердце хандрить ни старалось,
Ощущенье такое в груди,
Что не молодость будто, а старость
Оставляю сейчас позади.

Может, логики в этом и нету,
Но сегодня —
 сужу по всему —
Дело близится, видно, к рассвету,
И — как сказано —
 быть по сему!

1970

* * *

Я стою на слиянии рек,
Ощущаю я клеточкой каждой:
Не однажды живет человек,
Не однажды.

Повторятся поля и леса,
Повторятся холмы и равнины.
И опять, и опять в небеса
Ты глядишь с любопытством ревнивым.

Ветки вновь устремляются вверх,
Непонятною мучимы жаждой.
Не однажды живет человек,
Не однажды.

Не однажды листва и трава
Нас в объятья свои заключали.
Да и сами вот эти слова
Не однажды, быть может, звучали.

Воскресает исчезнувший век,
Мир, в котором любил ты и страждал.
Не однажды живет человек,
Не однажды.

Разве был на земле уговор,
Чтоб навек поглотила нас бездна?
Разве может вот этот простор
Раствориться во мгле и исчезнуть?..

Я стою на слиянии рек,
Ощущаю я клеточкой каждой:
Не однажды живет человек,
Не однажды.

1970

УЧЕНИК ПИФАГОРА

Желая обрести покой и свет,
Он выполнял обеты непреложно.
А выполнить порой их было сложно,
Особенно — безмолвия обет.

И вот уста, молчавшие пять лет,
Открылись и воскликнули тревожно:
— Скажи, Учитель, а теперь возможно
Приблизиться мне к жемчужине или нет?

И отвечал Учитель: — Пусть не мучат
Тебя сомнения или ложный стыд.
Они лишь лицемерию научат.

Путь к жемчужине тебе всегда открыт,
Когда тебе спокойствие наскучит,
Когда тебя покой твой утомит.

1970

* * *

Случайных встреч и не было и нет.
В толпе, в театре, в толкотне трамвайной —
Они всегда и все необычайны.
Ты их готовил миллионы лет.

Нет никаких загадочных примет,
Нет никакой в таинственности тайны.
И каждый шаг, на первый взгляд случайный,
Определяет внутренний твой свет.

Мы зря порой страшимся оглянуться,
Наивно удивляемся порой:
Ах, как легко нам было обмануться!..

Сто раз могли смешаться мы с толпой,
Сто раз могли в толпе мы разминуться...
Но не могли не встретиться с тобой.

1970

А я пелеп в своем стремленье,
Когда не то чтоб укротить,
Но на короткое мгновенье
Себя хочу перехитрить.

Пусть затвердил бы я заранее
Впрок приготовленный урок.
При всем желанье и старанье
Его б я выполнить не мог.

Но бог отнимет разум разом,
И меркнет все в твоей судьбе.
И я достаточно наказан
Тоской и скорбью о тебе.

В ночи стихают шумы, гуды,
И в час безмолвья — хоть кричи! —
Твои мерещатся мне губы,
Не будь помянуты в почи.

Московский ветер в окна дунул,
И мысль течет куда-то вспять.
Ах, если б я о них не думал!
Ах, если б мог не вспоминать!

А ведь и было так темного —
Один лишь миг, короткий миг, —
Но я боюсь, боюсь, ей-богу,
Что не могу уже без них...

1970

* * *

Ну что ж, я своего добился.
Летит снежок, глаза слепя.
Боюсь, что я поторопился
Освободиться от себя.

Боюсь: на скорую лишь руку
Я книги мудрые читал,
И опрометчиво разлуку
Я предрассудком посчитал.

И мне видней, видней отсюда,
Что не спасает ответ книг,
И как живуч тот предрассудок,
Я окончательно постиг.

А надо мною нависают
Мои слова, как низкий дым:
— Тень расстоянья исчезает,
Коль расставаться не хотим...

Был хорошо язык подвешен,
Но чье он сердце возвышал?
Я лишь, наверно, душу тешил
И никого не утешал.

В своем наивном самомнении,
Гордыню в сердце затая,
Не знал, как вдруг в одно мгновенье
Все потускнеет без тебя.

И все слова звучат впустую
В глухом безмолвии почей,
И губы, губы торжествуют
Над философией моей.

1970

С какою дерзостью великой
Я расточал слова свои,
И о любви писал я лихо,
Еще не ведая любви.

Но не смущался я нисколько
И верил в скользкий свой причал,
И я в логические кольца
Людские судьбы заключал.

А чтобы кольца не терялись,
Чеканил подпись я свою.
На них, смеясь, повторялись
Слова «любил» или «люблю».

И кольца пели и звенели,
Ловили отблески зари,
Потом снаружи чуть тускнели,
Потом тускнели и внутри.

Ну что прикажешь делать с ними?
Они — брани их, не брани —
Казались только золотыми,
А были медными они.

Я не себя винил, конечно,
Других винил, других корил,
И вновь с настойчивостью грешной
Я кольца прежние дарил.

Дарил, кого-то обнимая
И дух свой собственный темня...
Но, как сама ты понимаешь,
Все это было до тебя.

1971

* * *

Мир обеззвучел, замер, вымер
И, все дорожки перепутав,
Деревья с листьями резными
Взнес на холм отвесный круто.

И травы чутко притаились
Под неподвижной тенью вяза,
И все дорожки прекратились,
Как бы оборванные разом.

И тишина во мне воскресла;
Прорезал листья отблеск алый,
И то, что мучило, исчезло
И от меня навек отстало.

И свет над нами убывает,
Дыханьем влажным лица студит.
Так, как сегодня, не бывает
И никогда уже не будет.

И, постигая откровенье,
От прежних дум хочу отвлечься.
Ах, как я мог хоть на мгновенье
От губ твоих, от плеч отречься!

Какая мысль во мне сидела!..
Ведь это просто помраченье —
Установив себе пределы,
Идти наперекор теченью.

Иль падо быть самоубийцей,
Чтобы решиться на такое,
И от тебя отгородиться
В бесплодных поисках покоя.

Но в равномерном шуме улиц
Не для того тебя я встретил,
Чтоб мы с тобою разминулись
И потерялись на столетья...

1971

* * *

Не выпадай из светлого кольца,
Не выпадай ни на одно мгновенье.
Да не коснутся твоего лица
Ночные тени праздного сомненья.

Какую весть стремятся нам донести
Безмолвье прорезающие звуки?
Твоих друзей невидимых не счесть,
Не оттолкни протянутые руки.

Опять твое уставшее лицо
Пронизано дыханием небесным.
Не разорви незримое кольцо
Неосторожным словом или жестом.

Тебе сегодня ведать не дано,
Ты ни за что не вычислишь заранее,
С какою силой и кого оно,
Тобой сейчас разорванное, рванит...

1971

* * *

Пусть осаждают будничный уклад
Тревоги и предчувствие разрыва,
Своей душой ты должен, как Атлант,
Небесный свод поддерживать незримо.

Ты должен твердо ведать наперед,
Что если вдруг сомнение слепое
Тебя коснется — рухнет небосвод
И погребет всю землю под собою.

Твой труд незрим, но дух твой не зачах,
И радостное ширится сознание,
Что на твоих покоем плечах
Незыблемое ныне мирозданье.

1971

* * *

Я не хочу, чтоб было по-другому,
Я не хочу, чтоб было по-другому,
Я не хочу и думать о другом.
Пусть нарастает рев аэродрома,
Пусть гонит он из собственного дома,
Пусть нарастает рев аэродрома,
Но это позже. Не теперь. Потом.

Настанет день прощанья и печали,
Настанет день прощанья и печали,
Но как бы мы ни мучились опять,
Того, чем были счастливы вначале
(Мы ночь и день с тобой не различали),
Того, чем были счастливы вначале,
Никто у нас не в силах отобрать.

Исчезнет завтра в грохоте и дыме,
Исчезнет завтра в грохоте и дыме
Все, что незримо связывало здесь.
Но даже бог теперь уж не отнимет
Нерасторжимость с мыслями твоими,
Но даже бог теперь уж не отнимет
Того, что было, и того, что есть.

Все от тебя безропотно приемлю,
Все от тебя безропотно приемлю,
Все, что моей даровано судьбе.
Окутал сумрак стыпущую землю,
Деревья тихо и угрюмо дремлют,
Окутал сумрак стыпущую землю,
А мне светло, коль вспомню о тебе.

Душа моя объята тишиною,
Душа моя объята тишиною,
И ей чужды сомнения и страх.
Что б ни случилось в горький час со мною,
Ты для меня — святое и родное,
Что б ни случилось в горький час со мною,
Пусть будет все как было. Только так.

1971

* * *

Весну мы превращаем в осень
(Нам это, право, не впервой).
Тогда, когда не пужно вовсе,
Мы разлучаемся с тобой.

И объяснения не требуй,
Зачем глотаем пыль и дым,
И горы, горы выше неба
Мы друг для друга громоздим.

Судьба ли, что ль, у нас такая,
Чтоб делать все наоборот,
Как будто кто-то нас толкает
И не туда всю жизнь ведет.

А может, это признак роста.
Пройдет с годами, может быть.
Но не умеем жить мы просто,
И, просто радуясь, любить.

1971

* * *

С каждым закатом сильней и сильней
И нестерпимее боль от утраты.
Перед великой любовью своей
Мы вековою виной виноваты.
Сами мы стали своею бедой,
Сами мы стали своею судьбою.
Сами себя разлучили с собой,
Избранный мною, потерянный мною.

Я над словами теряю права.
Травы темнеют, бредут, задыхаясь.
Тут не до слов, и бессильны слова,
Если на землю обрушился хаос,
Если в химеры растут облака,
Свет застилая сплошной пеленою.
Мертвые нас разделяют века,
Избранный мною, потерянный мною.

Замкнут мой слух, неподвижен мой взгляд.
Падают в вечность глухую мгновенья.
Скорбные мысли над миром скользят,
Словно бесплотные смутные тень.
Страшен размеренный кем-то уют,
Страшен привычной своей суетою.
Тело с душою раздельно живут,
Избранный мною, потерянный мною.

Может, одной лишь душе и дано
Видеть в таинственный миг сновиденья
То, что преданием стало давно,
То, что распалось на ржавые звенья.
Только все это неведомо мне.

Мне же мерещится ночью иное.
Слышишь мой крик: — Покажись хоть во сне,
Избранный мною, потерянный мною!

Должен быть, должен какой-то просвет,
Сколько б ни длилось мое наказание!..
Вечность молчит и молчит мне в ответ,
Холодом дышит в лицо мирозданье.
И в веренице безмолвных почей
Вечного нет ничего под луною.
Вечен лишь голос печали моей,
Избранный мною, потерянный мною.

1971

А травы хлынули лавиной,
И шепчет тихая равнина:
— Зачем расстался ты с любимой,
Зачем любовь свою отринул?

Зачем один ты оказался,
Один, как перст, в широком поле?
Зачем от счастья отказался?
Умней себя решил быть, что ли?

— Затем, что я не мог иначе,—
Я говорю полям и небу,—
Затем, что был врасплох захвачен
И я готов для встречи не был.

Бежал, привычный быт бросая,
И означало это бегство,
Что я любовь свою спасаю
От надвигающихся бедствий.

Не мне, другим пусть будет легче,
И удлинёнными почвами
Пусть на мои ложатся плечи
Все неизжитые печали.

1971

МИР БЕЗ ТЕБЯ

Он не сложнее и не проще,
И никакой он не другой.
Мир без тебя на вид, на ощупь
Такой же точно, как с тобой.

Здесь песни прежние поются,
Ревет под окнами шоссе.
Здесь так же шутят и смеются.
И я смеюсь.

И я, как все.

Здесь, как и прежде, в час урочный
Приходит день, уходит мрак.
Здесь все незыблемо и прочно.
И что-то все-таки не так.

А что не так?

Боюсь ответить,
Боюсь, что будет невпопад.
— Ведь солнце светит?

— Солнце светит.

— Дома стоят?

— Дома стоят.

А от бывшего мироздания,
С которым чувствовал родство,
Осталось только лишь название,
Осталась видимость его.

1971

ТВОЕ ИМЯ

Когда опять во мгле докучной
Его твержу я по слогам,
Я слышу, как оно созвучно
Деревьям, листьям, облакам.

Произывает свет высокий
В часы ночного волшебства
Все разбежавшиеся строки,
Все позабытые слова.

И вновь, сомненья отодвинув,
Под небом вязким и густым
Мир собираю воедино
Я светлым именем твоим.

1971

* * *

Да оградит тебя моя любовь
Неуловимым и безмолвным светом
От праздных страхов,
От тоски любой
И от себя,
Коль будет нужно это.

Да оградит —
От сплетни и молвы,
От праздных слов, советов и наветов,
От суетой пропитанной толпы
И от меня,
Коль будет нужно это.

1971

ШПАГА 1711 ГОДА

Свет падал круто и отвесно.
Чуть почерневшая, вилась
Вокруг тяжелого эфеса
Литая, выпуклая вязь,

Играла бликами оправа,
И мне в лицо дышал металл
И в буквы складывался:
«Правда
Все переможет».

Я читал,
И, полумраком отчужденный,
Я снова вглядывался в них,
В девиз, столь властно утвержденный
Стальным дыханьем букв стальных.

И мне казалось в то мгновенье,
Что отблеск этого клинка
Ложится, словно откровенье,
На все ушедшие века;

На все умолкнувшие нивы,
Леса, померкшие вдали,
На все, чем люди были живы
И с чем в бессмертие ушли;

На судьбы предков непростые,
На наших дедов и отцов,
На всю историю России,
На нас самих, в конце концов.

/971

* * *

Седьмая излучка, седьмой поворот
Стремительно-тихого Дона.
Гора Чернышова. Овраги.

Ну вот,
Мы вновь, как задумано, дома.

И вот он — исхоженный мною бугор.
Ходи и любуйся им вдосталь.
Ветрами и влажным дыханьем простор
Его омывает, как остров.

Сверкнет самолет и затихнет вдали.
Лишь птицы свистят без умолку,
Да, чиркнув, как молния, в знойной пыли
Вспорхнет из-под ног перепелка.

Траву колыхнувши, на дальнем лугу
Какие-то тени ложатся.
А я отдышаться никак не могу,
А я не могу надышаться.

И надобно время, чтоб пристальный взор
Привыкнул к такому пространству.
— Ну здравствуй, единственный в мире бугор! —
И он отвечает мне: — Здравствуй!

1971

* * *

Береза роляет сережки
На спящее утром шоссе.
Знакомые с детства дорожки
Еще не затоптаны все.

Не все еще нами забыто,
Не все еще скрылось в пыли,
И дом, осененный ракирой,
Мерещится где-то вдали.

В прохладу зеленую улиц,
Врачуя мятущийся дух,
Мы снова с тобою вернулись,
Мы вновь возвратились, мой друг.

Мы слушаем травы усердно,
И нынче понятней вдвойне:
Судьба еще к нам милосердна,
Судьба милосердна ко мне,
Коль дарит мгновения эти
И это безмолвье вокруг...

Да что ж ты такого приметил
И что ты увидел, мой друг?

Я видел бегущие стежки,
Я видел, как, стоя в росе,
Береза роляет сережки
На спящее утром шоссе.

1971

* * *

Качает ветку воробей
С таким упорством и азартом,
Как будто пробует на ней
Трамплин для будущего старта.

Головку набок наклоня,—
А что творится там, напротив? —
На незнакомого меня
С победоносным видом смотрит.

Тепло плывет со всех сторон,
А он пищит, в меня прицелясь:
— А ну попробуй только тронь!
Здесь все мое. А ты пришелец.

1971

Превращается все в нарастающий рокот,
И, глотая густеющий в сумерках дым,
Запоздавших советов, устаревших упреков —
Мол, и сами с усами — слушать мы не хотим.

И, привыкнув к гудящему столпотворенью,
Не о наших печалях и бедах пишу.
Милосердия к травам, цветам и деревьям,
Милосердия к птице и зверю прошу.

В нашем мире сегодня становится тесно.
Прорезаются сосны сквозь гомон и чад.
И страшнее всего, что они бессловесны,
А они по почам не молчат, а кричат.

Но неведомы нам их тоска и тревоги.
Сбились в кучу дремучие прежде леса.
Мы на них наступаем, как грозные боги,
Выжигая холодным огнем небеса.

В смеле дней и ночей, суматошной и жаркой,
В вечной спешке своей устремясь напрямик,
Ничего нам не жалко, никого нам не жалко,
Нам не жалко себя, а не то что других.

Но смотри, как безмолвно синеют просторы,
Окаймленные тихой полоской зари.
Отключитесь на миг, помолчите, моторы,
И, бульдозер с раскрытою пастью, замри!

* * *

Как мало музыки в словах!
А сколько дерзости и крика.
В своих пезыблемых правах
Восстановись опять, музы́ка!

Зову лишь музыку одну.
Боюсь я слов. Боюсь, что снова
Неуловимый свет спугну
Окостеневшим мертвым словом.

Слова мертвы. Не в них, не в них —
Очарование минуты.
В напрасных муках бьется стих,
А небеса для нас замкнуты.

И только музыка права,
Когда ее мерцают звуки,
И в предвкушение волшебства
Пячат над клавишами руки.

И ничего не надо мне,
Лишь только б длилось, длилось это
И в неотступной тишине
Лица касался б трепет света.

Откуда этот гул, и ритм,
И этот дар пропикновесно,
Не пазывая, говорить
О самом-самом сокровенном?..

1971

* * *

Над головой — незыблемый покой
И неподвижность облаков и веток.
В последний раз струится над рекой
Последний день воронежского лета.

Последний день, а вся земля вокруг
Его палящей духотой согрета.
И он уже неощутим на слух,
Последний день воронежского лета.

Последний день, а осень далека.
И в мареве расплавленного света
Над пажитями царствует пока
Последний день воронежского лета.

Последний день, а завтра — день другой,
Но, боже мой, как далеко все это!..
Ведь все еще струится над рекой
Последний день воронежского лета.

1971

МАМЕ

Да будет Свет, да будет Свет,
Да будет море Света!
А смерти нет, а смерти нет —
Я точно знаю это.

Из века в век прядется нить,
Которой нет предела.
Мы после смерти будем жить,
А как — другое дело.

Нет перерыва, нет конца.
Слова о смерти лживы,
И наши души и сердца
Ничем нерасторжимы.

Пускай идут-текут года,
Пусть мгла сменяет солнце, —
Твой светлый облик навсегда
Стихом моим спасется...

1971

Леса оглашаются трелью,
И солнце в намеченный час
Восходит с единственной целью —
Над нами восходит, для нас,
Чтоб с новою силой воскресли
Мы все на продрогшей земле...

А если б мы с вами исчезли
Или растворились во мгле,
То ждать было б солнца напрасно.
Механике мертвой назло
Оно бы немедля погасло,
Оно б ни за что не взошло.

И долгие-долгие годы
Лишь тьма бы царила кругом...
Конечно, законы природы
Твердят о порядке другом.

Но верю я в смысл сокровенный,
Живущий в глубинах вещей,
И есть кое-что во вселенной,
Что этих законов важней.

1971

* * *

В душе твоей проснулась высота,
Открылось ей неведомое что-то.
Движенье листьев, звуки и цвета
Слились в одну ликующую ноту.

Над всей землею ширится она
И умирают горечь и забота,
И не тобой та нота рождена,
А ты рожден той радостною нотой.

1971

* * *

Во всем, решительно во всем,
Не сразу, постепенно
Мы узнаем, мы признаем
Творящий ритм вселенной.

Весь мир: от звезд до колоска
Он движет и колышет.
И мне в паденье лепестка
Гул мирозданья слышен.

И схлынет свет, сойдет на пст,
В безмолвии теряясь,
Но вспять волна пошла, и свет
Нахлынул, повторяясь,

Неся нам радостную весть,
Что жизнь неодолима,
Что смерти нет, а только есть
Приливы и отливы.

1971

* * *

А я давным-давно усвоил,
Что здесь — намек на волшебство:
Слова рифмуются с листвою
Всегда охотнее всего.

И мне заветная примета
В том совпадении видна.
Смотри: каким особым светом
Листва сейчас озарена.

В неповторимом трепетанье
Ее теней по вечерам
Вдруг возникают очертанья
Миров, предшествовавших нам.

И чьи-то знаки, чьи-то вехи
Пылают в глубине небес,
И свет, исчезнувший навеки,
Не исчезал и не исчез.

Он сипеву прорезал снова
И вновь уходит в сипеву,
Свое неведомое слово
Сгущая в листья и траву.

О, сколько, в резких вспышках молний,
Трудились космос и века,
Чтоб слово, обрета безмолвье,
Искачилось чашечкой цветка.

Я постигаю сквозь мерцанье
Листвы, травы, ручьев и рек
Миров невидимых звучанье,
Неистребимое вовек.

Дыханьем звездным, невесомым
Мое овеяно лицо,
И я слова с тем вечным Словом
Замкнул в единое кольцо.

1971

* * *

Поэт не прав. Не вышел он в пророки
Ни статью, ни фигурой, ни лицом.
Но говорят педаром на Востоке:
Коль падо, будет муравей гонцом.

Кого, зачем, перебирая строки,
Преследуем язвительным словцом?
Ведь весть пришла в назначенные сроки,
А вестник... что ж... бог с ним в конце концов.

Он — муравей. Он должен торопиться.
Он, не дождавшись часа торжества,
Под тяжкой ношей может надломиться.

Что из того. Незыблемы слова,
К которым сердце радостно стремится.
Поэт не прав. Поэзия права.

1972

* * *

Когда уныньем новый день твой начат,
Внутри тебя — смятение и гроза.
Смешались мысли. И все это значит,
Что для тебя погасли небеса.

И тени по обочинам маячат,
И мгла объяла реки и леса.
Не видят света скорбные глаза.
Они незрячи, если горько плачут.

Померкло голубое волшебство,
И все для сердца мертвого мертво,
И небо серо, буднично и лживо.

Зря смотрит вверх, отчаявшись, слепец.
Лишь для открытых радостных сердец
Дыханье неба радостно и живо.

1972

Опять во власти горя своего.
Опять на всю вселенную в обиде.
Опять мой взгляд не видит ничего.
И в самом деле:
Что он может видеть?

Печалуясь о собственной судьбе,
Оцепеневшим и застывшим взглядом
Как различишь в мелькающей толпе,
Что кто-то плачет и страдает рядом?

И не очнуться от своих тревог,
И не понять в педвижную минуту,
Что я бы мог,
Легко и просто мог,
Помочь без промедления кому-то.

Хотя бы мыслью
(Только и всего),
Не омраченной никакою тенью.
Хотя бы тем,
Что спрячу от него
Свою досаду
И свое смятенье.

1972

* * *

Туман густеет с четырех сторон.
Подножье гор ветра разворошили.
Но, разрезая тусклый небосклон,
Уже луч солнца чувствуют вершины.

И каждый мускул светом папоеп.
Событья круг положенный свершили,
И вот зарницы праздничных времен
Мой взгляд, мой слух, мой дух заворожили.

И истина сегодня так близка.
Она во всем: и в трепете листка,
И в бликах солнца, и в мерцающих звездных.

И рассуждать об истине? Зачем?
Она открыта и доступна всем,
Как шорох трав, как всплеск ручья, как воздух.

1972

* * *

Она придет. Она прийти должна.
Торжественно сегодня предрекаю,
Что будет необычною Она.
Сверкающая. Страпная. Другая.

Но пам такая именно нужна,
Необходима именпо такая.
Великая, как небо, Тишина,
Которой нету ни конца, ни края.

Ее дано лишь будет ощутить.
Но ты ничем уже не потревожишь
Невидимо связующую нить.

Ты вновь слова в размер стиха уложишь.
Но в тех словах, как прежде, растворить
Ты ни за что безмолвие не сможешь.

1972

Открыта духу высота,
И голос древности забытый
Сближает дальние орбиты:
«Числом пленяет красота».

Как геометр, Гомер для нас
Расчислит синеву простора.
А теорема Пифагора
Звучит гекзаметром сейчас.

Границы ставит суэта,
А нам в границах этих тесно.
Да будет впредь нам всем известно:
«Числом пленяет красота»!

Да будет лаврами союз,
Как было принято, увенчан,
Да будет вдохновенно-вечным
Единство Алгебры и Муз!

И никакого волшебства,
И никакого фирмиама.
Ложится четкая программа
В сии нетленные слова.

Как эта истина проста!
В ней столько света и пространства.
Как это сказано прекрасно:
«Числом пленяет красота»!

1972

И опять нахлынуло, вернулось,
И опять в тускнеющей дали
Перед нами плавно развернулась
Голубая летопись земли.

В серебристом зябком полумраке,
Письменами вдруг оборотясь,
Вспыхнули таинственные знаки,
Поплыла торжественная вязь.

Что пророчит клинопись немая?
Что тревожит тишину и гладь?
Понимаем? Нет, не понимаем.
Начинаем только понимать.

За бугром, за каждым поворотом
Все для нас неведомо почти.
Мы коснулись только переплета,
Буквы лишь заглавные прочли.

1972

Пусть бой сейчас беззвучен и незрим,
Но от того,
Что вокруг тебя творится,
Не можешь ты неведеньем своим,
Как некогда,
Уже отгородиться.

Еще страшней и тяжелей бой,
Когда они без грохота и дыма,
И мысли светоносные твои
Как никогда
Сейчас необходимы.

Не насыщай сомненьями свой слух:
Что я могу,
Коль разобраться строго?
Любая мысль,
Врачующая дух,—
Как это много,
Беспрельдно много!

Пыланье света,
Нарастанье тьмы —
И промедленью нету оправданья.
Никто другой,
А мы с тобою,
Мы
Ответственны сейчас за мирозданье.

Любим дыханьем радостным своим
Колелем тьму
И светлый мир творим...

1972

* * *

Я чашу радости несу.
Не забывай об этом.
Ее держу я на весу,
Пропитанную светом.

Под крик и щебет птичьих стай
Заговорили камни:
— Не расплескай, не расплескай
Ни капли, ни полкапли.

— Не урони,— твердит ручей,—
При встрече и разлуке.—
И столб изломанных лучей
Мне обжигает руки...

Прости, любовь, сто раз прости!
Не знал, не знал — не спорю,—
Что чашу радости нести
Трудней, чем чашу горя.

1972

Пылайте сердцами!
Творите любовью!
И все, что тебя осаждало когда-то,
И все безнадежно глухое,
Слепое
Уйдет без возврата.
Уйдет без возврата.

И все, что навеяно смутными снами,
Уйдет,
И уляжется давняя смута.
А птицы проносятся низко над нами,
А птицы щебечут,
Приветствуя утро.

Да будет,
Да будет нам в вечную память
Огнем голубым опаленное лето!
И воздух сейчас как незримое пламя,
И сердце мое переполнено светом.

О нет, не бывает безмолвным
Безмолвье!
Трубят на рассвете
Поля и дубравы:
— Пылайте сердцами!
Творите любовью!
А все остальное приложится, право.

1972

* * *

Я жил от встречи и до встречи,
Спеша из дома своего.
Но, боже, как я был беспечен!
И что я ведал? Ничего.

И мы с тобой не уставали
От каждодневной кутерьмы,
И мы с тобой не представляли,
С каким огнем играем мы.

В часы сомненья и унынья,
Когда казалось все чужим,
Не знали мы, что мы отныне
Уж не себе принадлежим.

Какие вихри нас крутили
И тени мрачные легли.
Чтоб прекратили, прекратили,
Чтоб отступились от любви!

Но в дни высокого пакала
Был полон света каждый миг,
И что-то нас оберегало
От нас самих, от нас самих...

1972

* * *

Прощай, прощай, зубробизоп,
Пропахший запахом полыни,
И крик истошный, крик павлипий,
Всегда вторгавшийся в мой сон!

Москва стихала за окном.
И в тот же миг проникновенно
Вдруг принималась выть гиена,
И эхо вторило кругом.

А утром солнце каждый раз
По нашим стеклам било жарко,
И суматоха зоопарка
Тебя будила в ранний час.

Нам открывался дивный вид
С вершины ржавого балкона.
Ты говорила убежденно:
— Зубробизоп, конечно, спит.

А вдоль оград, лукав и горд,
Привлечь внимание стараясь,
Верблюды вышагивал, как страус,
Неся с достоинством свой горб...

Нет, нет, нам все-таки везло!
И, право слово, не случайно
Все было так необычайно,
Так первозданно, так светло!

А помнишь, помпишь: по почам —
Вокруг ни звука, ни ползвуха,
Лишь камышовый кот мяукал
И лев разбуженный ворчал.

1972

Как поживают наши льны,
 Что караулят синеву?
 Мне день удачный нынче выпал:
 Я их увидел паяву.

О, как я вновь им благодарен
 За то, что на псходе дня
 На замерзающем бульваре
 Тепло дышали на меня.

За то, что их недвижной сенью
 Был приглушен смятенный дух.
 За то, что я обрел спасенье,
 Хотя не сразу и не вдруг.

1972

Спасибо, снег, что ты идешь,
Спасибо, снег, что ты не таешь,
Что, закрывая небо сплошь,
Ты очарованно витаешь.

Спасибо, снег, что не спешишь,
На нас не смотришь с недоверьем
И что опять объяла тишь
Оцепеневшие деревья.

Спасибо, снег, что все вокруг
Опять полно одним тобою
И что пронизывает дух
Твое дыханье голубое.

Ты вновь царишь на скатах крыш,
Ты заровнял бугры и кручи.
Спасибо, снег, что ты молчишь
И что меня молчанью учишь.

1972

Не напрасно, мой друг, не напрасно
Мы пристрастны к холмам и снегам.
Свет и воздух заполнят пространство,
И безмолвье приблизится к нам.
Все полно тишины и доверья,
И прозрачен лесной силуэт.
Ловят солнце верхушки деревьев.
В декабре возвращается свет.

Возвращается свет. А с востока
Ветер дунул и небо сместил,
И опять во мгновение ока
Сумрак тени дневные сгустил.
Цепенеют поспешные строки.
Заметает поземкою след.
Все равно. Приближаются сроки:
В декабре возвращается свет.

Канут вновь в глухоту и безвестность
Затемненные звезды земли.
Возвращается свет. А окрестность
Утопула в гудящей пыли.
В этой мгле, в этом вихре незрячем
Различишь ты хоть что-нибудь? Нет.
Но душа моя видит иначе:
В декабре возвращается свет.

И не зря чистотою хрустальной
В час затишья слепит тебя снег.
То, что было загадкой и тайной,
Завтра станет открытым для всех.
И, ей-богу, смешны опасенья
И предчувствие призрачных бед.
Устремляется солнце на север.
В декабре возвращается свет.

* * *

Есть высший смысл в таинственной игре,
В хитросплетенье и теней и света.
О, как же нас тревожит на заре
Неуловимость трепетная эта!

Есть высший смысл. И он во все проник,
И он всему дарует оправданье.
Но сотрясает мирозданье крик:
— А как же страх? А слезы? А страданья?

Как рассуждать о свете и добре,
Коль смерть придет? Ты позабыл о смерти?
Нет, не забыл. Но верьте, верьте, верьте:
Есть высший смысл в таинственной игре.

1973

* * *

О, нетерпенье сердца моего!
Что я могу с ним сделать?
Ничего.

И знаю сам,
Что ничего не выйдет,
Но вновь твержу,
Прорвать пытаюсь круг:
— Ты стань слепым,
Чтоб взгляд твой мог увидеть,
Ты стань глухим,
Чтоб обострить свой слух.

Среди базарно-праздных разговоров
Невидимую нить не упусти,
Но ощути дыхание просторов
И стань немым,
Чтоб голос обрести.

1973

* * *

В этом доме смятение стихает,
Отдыхает и слух мой, и взгляд.
Здесь насыщены стены стихами,
А деревья созвучья таят.

Здесь в сверкающий миг пробужденья
Мысль прозрачна, подвижна, легка,
И разрушенный мост восхожденья
Вновь упрямая строит строка.

1973

* * *

Я столько дней не видел неба
И высоты крутых бугров.
Я позабыл, как меркнут немо
Павлиньи перья облаков.

Я позабыл, с судьбою споря,
Что нам дарован шум травы,
А мысли радости и горя
Перед безмолвием равны.

1973

* * *

Вот мой рабочий кабинет.
(По счастью, он на ключ не заперт)
Здесь север, юг, восток и запад
Даруют мне безмолвный свет.

Овраги. Лес. Крутой бугор.
Помедли чуть и погляди-ка,
Как образуют коридор
Полынь, татарник, повилика.

Здесь никуда я не спешу.
Стараюсь с мыслями собраться.
Здесь никогда я не пишу,
А только слушаю пространство.

1973

* * *

Звучащие волны пространства.
Сквозь грохот, сумятицу, гам
С завидным каким постоянством
Они устремляются к нам.

Сдвигая антенны на крыше,
Весь мир отключают на миг.
Как странно, что мы их не слышим,
Как жаль, что не чувствуем их.

Но силою их сокровенной
Бывал ты не раз вознесен,
Когда позывные Вселенной
Врывались в предутренний сон.

1973

* * *

Что может быть прекраснее доверья?
Что может быть волшебней,
Чем оно?
Так доверяйте травам, и деревьям,
И бабочке, стучащейся в окно.

Так доверяйте синеве простора,
И облакам, густеющим вдали,
И тишине, и рокоту,
Который
Вдруг оборвет безмолвие земли.

А тени пусть мелькают и маячат.
Для нас еще неведомо,
Мой друг,
Какое эхо будит неудача,
К каким высотам напрягает дух.

Отбросьте страх.
Забудьте речь пустую.
Отдайте недоверие врагам.
И доверяйте жизни,
Памятуя:
Она ведь тоже доверяет вам.

1973

* * *

Чьи-то легкие тени колышут
Обагрённое солнцем жнивье.
Я отчетливо вижу и слышу,
Как приблизилось имя твое.

Ослепленный мерцаньем излуки,
Ощуаю, взойдя на бугор,
Как стеклянно прозрачные звуки
С новой силой пронзили простор.

И текут устремленно куда-то
И леса, и поля, и луга.
И в сиреневых бликах заката
Пишут имя твое облака.

1973

* * *

Долой, долой все мысли о былом,—
В себя взглядись и пристально, и зорко.
Да будет сердце чистым,
Словно дом,
Когда в дому закончена уборка.

Пусть отливают окна серебром.
Пусть жаворонок в небе веселится.
Да будет чист,
Да будет светел дом,
Чтоб ты могла в том доме поселиться.

1973

* * *

Обращаюсь к сверкающим травам,
Обращаюсь к холмам и лугам,
К петускнеющим синим дубравам,
Устремившимся вдаль облакам.

Я бужу многократное эхо.
— Научите,—
Несется мой крик,—
Быть свободным от жажды успеха,
От мелькающих мыслей моих!

В этом мире,
Знакомом и странном,
Ждущем ныне великих вестей,
Научите,—
Твержу непрерывно,—
Как любовь уберечь от страстей!

1973

* * *

Пусть грядет испытанье любое,
Все приемлю на плечи свои.
Но насыть мои мысли собою
И дыханьем своим напои.

Мир незримый паполни собою,
Все собою заполни вокруг,
Чтобы чуждое или слепое
В этот мир не протиснулось вдруг.

1973

* * *

Даже травы объаты любовью,
Даже травы с тобой заодно.
Как прекрасно мгновенье безмолвья
И как действительно все же оно!

Я опять на него уповаю,
Я его, признаюсь,
Не постиг.
Но светло мне —
Светлей не бывает! —
От светящихся мыслей твоих.

1973

* * *

Солнце опять накалило стволы,
И подступает к оврагам стерня.
В неумирающем блеске травы
Имя твое наполняет меня.

Видно, и впрямь расстояния — вздор,
Если, мерцая, светясь и звеня
И пробуждая от спячки простор,
Имя твое наполняет меня.

Вижу свой путь, напряженный огнем,
И в фиолетовых вспышках огня
Ночью мне так же светло, как и днем.
Имя твое наполняет меня.

Страх убегает. Сомненье молчит,
Ибо в сумятице каждого дня
Имя твое — мой сверкающий щит.
Имя твое наполняет меня.

1973

* * *

Но есть основа всех основ,
Но есть начало всех начал,
Где в исполнение давних снов
Ты обретаешь свой причал.

Чужое эхо не лови.
От всех сомнений отрешись,
Коль слышишь вечный зов любви:
— Я — путь, я — истина, я — жизнь.

1974

* * *

Начнем нашу встречу в молчанье.
Помедлить мгновенье не грех.
Начнем нашу встречу в мерцанье
Старинных извилистых рек.

Свои очертанья меняя
И смутно виднеясь вдали,
Пусть время для нас измеряют
Текучие воды земли.

Безмолвно. Лишь шорохи веток.
Да всплески ночной темноты.
Да белыми точками света
Вокруг возникают цветы.

И вот уже, как обещанье,
Придвинулся к нам небосвод...
Начнем нашу встречу в молчанье,
А слово, коль надо, придет.

1974

* * *

Здесь, у таинственного входа,
Колонны поражают взгляд.
Се — человек
И се — природа, —
Таблицы древние гласят.

Плывут старинные названья,
Сверканье дивное струя.
Се — две колонны мирозданья,
Се — две основы бытия.

...И, вглядываясь, постепенно
Ты различаешь,
Узнаешь
Штрихи и контуры вселенной,
Ее эскиз,
Ее чертеж.

Но, воскрешая дух преданий,
Ты на мгновение ослеплен
Загадкой стройных очертаний
Соединившихся колонн.

Они мерцают в небосводе,
Среди зовущей глубины.
В какую высь они уходят?
В какую даль устремлены?

1974

* * *

Волна вздымает
Новую волну,
И беспредельность
Не охватит разум,
И кажется,
Что ныне в жизнь одну
Десятки жизней
Воплотились сразу.

И то, что раньше было
На века,
Что было зашифровано до срока,
Сегодня лишь негромкая строка,
Короткая,
Как замыкание тока.

И потому,
Когда наш век хулят
И говорят:
«О, тягостное бремя!» —
Я не пойму,
Чего они хотят,
О чем брюзжат...
О, радостное Время!

1974

* * *

С неведомой доныне силой,
Щадящей в это время нас,
Дыханье космоса пронзило
Былинку каждую сейчас.

То не туманное наитье,
Не взлет фантазии твоей,—
Приблизив дальние события,
Земля вращается быстрее.

Теперь уже по всем приметам
Мы это чувствовать должны,
И невесомостью предметы
Давным-давно заражены.

Не исподволь,
Не постепенно,
Не нарастая день за днем,
Творящий новый ритм вселенной
Вдруг обнаружился
Во всем.

И мы должны в него проникнуть,
Постичь его гудящий свет.
И мы должны к нему привыкнуть,
Хотим мы этого
Иль нет.

1974

* * *

Свои диктует время сроки,
И жизнь такая настает,
Что даже свет звезды далекий
Должны мы приписать в расчет.

И, повторив холодной гранью
Тревожный свет в тиши ночей,
Должны мы вычислить заранее
Удельный вес ее лучей.

Каких глубин она коснется?
Какое эхо встрепется?
Какой разбудит гром кругом?
И как все это отзовется
На равновесии земном?

1974

* * *

И все же мир далек от образца.
И все же мир далек от завершения.
Он ждет ударов твоего резца,
Он жадно ловит каждое движение.

Он жаждет сам
В самом себе найти
И воскресить
Незримые пределы.
И трусость величайшая —
Уйти,
Не изменив его,
Не переделав!..

1974

ТВЕРДЫНЯ

1

И сила слов,
И сила мысли
России страстная дана.
Всегда в заоблачные выси
Была она устремлена.

И все пути
Из всех столетий,
Сплетясь в светящуюся нить,
Звучат в душе:
«Как жить на свете,
Чтоб чисту быть,
Чтоб святу быть?»

«Чтоб святу быть».
И без унынья
Глядела Русь в густую тьму,
Сию великую твердыню
Не уступая никому.

Какие б тени ни витали,
Что б ни страшило слух и взгляд,
Но те заоблачные дали
По праву ей принадлежат.

И не впервые,
Не впервые
Несется радостная весть:
«Пока на свете есть Россия,
Надежда на бессмертье есть!»

Какая странная затея
 Взвалить на плечи
 Мертвый груз
 И узкой меркою своею
 Пытаться вновь измерить Русь.

Она взорвет все наши формы,
 Она прорвет недвижимый круг,
 И пи в одну из наших формул
 Не заключить бессмертный дух.

Но, не устав от повторенья,
 Мы за нее решали впрок:
 Россия —
 Город иль деревня,
 Россия —
 Запад иль Восток?

Плелись словесные узоры...
 А у нее —
 Свои дела,
 И перечеркивает споры
 Один лишь взмах ее крыла.

И вот она парит над нами,
 И вот струит надземный ток,
 Своими мощными крылами
 Обняв и запад
 И восток.

На стыке огненного неба
 И пламенеющей земли
 Фигура сфинкса смотрит немо,
 Как облака плывут вдали.

В закатном, зыбком освещенье
 Он поднял крылья над спиной,
 Вершина древних посвящений
 И символ мудрости самой.

А ветер песок к подножью сыпет.
Склоняли головы пред ним
И Атлантида,
И Египет,
И Греция,
И грозный Рим.

И вот без молний и без грома
(И тишина как тишина),
Без суеты,
По-деловому
Загадка сфинкса решена.

И все, что звало и грозило,
Что древней мудростью зовем,
Все переплавилa Россия
В горниле огненном своем.

И трепетала твердь багрово
В преображенных облаках.
И становилось плотью слово,
Как и начертано в веках.

И постепенно,
Постепенно
Ночь превращалась в свет и день,
И открывалась для вселенной
Завесой скрытая ступень...

4

Я только духом утвердился,
И ты звучишь во мне опять.
Сказать —
К тебе я возвратился,—
Пожалуй, значило б
Солгать.

Куда бы я ни устремлялся
(Один я был
Или в толпе),
Я от тебя не удалялся,
А приближался лишь к тебе.

Пусть клевета за мной летела,
Пускай кружило ворохье,
Но все, что делал я,—
Я делал
Во имя светлое твое.

И путь намеченный свершался.
Я не себе принадлежал.
Твоим я именем сражался,
Твоим я именем сражал.

1974

БЫЛА НЕ ПРОСТОЮ ВОЙНА...

Не все я увидел и понял.
Над памятью мы не вольны.
Но помню, отчетливо помню
Я первую осень войны.

Платок повязавши по-вдовьи,
Соседка сидит, наклонясь.
А во поле — туши коровьи,
Застывшие, вмерзшие в грязь.

Доныне — глаза лишь закрою —
Опять воскрешает мой взгляд:
Стоят эти туши коровьи,
Ну как монументы стоят.

Кружились уж белые мухи,
И стужа гудела в печи.
И вот собирались старухи
При свете коптилок в ночи.

За окнами стыла деревня.
И помню — твердили они:
«Настало расплатное время,
Настали расплатные дни».

А осень сменялась зимою.
Потом зеленели кусты.
И в воздухе, вязком от зноя,
Все небо чертили кресты.

И, гулко в ушах отдаваясь,
Катилась взрывная волна.
На запад от нас удаляясь,
Была бесконечной война.

Безмолвной она притворялась,
Но степи кричали навзрыд.
В который уж раз повторялось:
«Пал смертью героя, убит».

Те дни не подвластны рассказу.
Была не простою война.
За все человечество сразу
Мы всё уплатили сполна.

1974

ДУХОВЫЕ ОРКЕСТРЫ

Какая сила в духовых оркестрах!
Какая сила и какая грусть
В мелодиях, забытых, и известных,
И вытверженных нами наизусть.

Когда они вторгаются в безмолвье,
Особым светом все освещено,
В Воронеже, в Орле и в Подмоскowie
Взрывной волною время смещено.

Глядит нам вслед огнем объятый город.
Пыль на висках, как будто серебро.
И воздух цепенеющий расколот
Тревожной сводкой Совинформбюро.

А небо, небо — в непрерывном гуле...
Играют трубы на закате дня,
И звуки, как светящиеся пули,
Летят, в закатном зареве звеня.

Когда, к холодным мундштукам припавши,
Оркестры будят тишину вокруг,
Дыханье павших, без вести пропавших
Опять весь мир пронизывает вдруг.

И вот опять проснулось и воскресло
Все то, что сердце знает наизусть...
Какая сила в духовых оркестрах!
Какая сила и какая грусть...

1974

СОБОРНАЯ ПЛОЩАДЬ

На жизнь я немного в обиде:
Несется, гремя и пыля.
Я целую вечность не видел
Соборную площадь Кремля.

Без устали споря с собою,
Теряя впустую часы,
Давно уж я не был в соборе,
Где Спас Золотые Власы.

Успенский. Гробницы. Гробницы.
Но нам неизвестно, ей-ей,
Какая волна заструится
Над тяжестью жестких камней.

Ведь если преданию верить,
То холм под ногами хранит
В невидимой замкнутой сфере
Священный державный магнит.

Сей центр утвержден и основан,
Чтоб люди российской земли
Здесь мыслями светлыми снова
Сходиться незримо могли.

Над сердцем не властно унынье.
И, сердце мое веселя,
Гудит, словно колокол, ныне
Соборная площадь Кремля.

Великий таинственный жребий
Ей выпал в сумятице дней.
И в сипем мерцающем небе
Щит света простерся над ней.

1974

* * *

Холодный блеск речной излуки.
И облака как острова.
И повторяются разлуки,
И повторяются слова.

Мысль возвращается к истоку,
Свершив положенный ей круг.
И снова ты —
Тот светлый фокус,
Где собирается мой дух.

И ткется днями и ночами
Непрерываемая нить.
И нашу встречу,
Как вначале,
Мне снова надо заслужить.

1974

* * *

Причал домашний вновь оставлен.
Пусть ждет вестей и новостей.
И заштрихован снова Таллинн
Косыми строчками дождей.

И с неотступным постоянством
Блестят булыжники в ночи,
И отчужденное пространство
Пронзают кирхи, как мечи.

Как хорошо, ей-богу, все же
Безлюдной, тихою порой
Сон древних башен потревожить,
Туман рассеять вековой.

Вот мы с тобой вдали от дома.
Но удивительней всего:
До мелочей здесь все знакомо,
И это словно колдовство.

Скрипят привычным скрипом двери.
— Коли пришли, входите уж.—
Я, право, начинаю верить
В переселенье наших душ.

И был такой же точно вечер.
И мы бродили здесь с тобой,
За сотни лет до нашей встречи,
По этой уличке кривой.

Ветра над кирхами трубили.
Дышала холодом вода.
И мы друг друга полюбили
Уже тогда, уже тогда.

Пусть мглою влажною и склизкой
Глухую даль заволокло.
Еще прошедшее так близко,
А то, что будет,— далеко...

1974

* * *

В горячке, гомоне и гвалте, —
Да что об этом говорить! —
Концерт Антонио Вивальди —
Вот что хотелось повторить.

Ведь если пристально и трезво
На ход событий поглядим,
Он был нам нужен до зарезу,
Он просто был необходим.

Я память вповь перемещаю.
Вот шум умолк и свет погас,
Я даже пыне ощущаю,
Какой покой идет на нас.

«Приход весны встречая звонким пенем,
Летают птички в голубых просторах,
И слышен плеск ручья, и листьев шорох,
Колеблемых эфира дуновеньем».

Тут все твердит о пасторали.
Но я, признаться бы, едва ль,
Когда слова бы выбирали,
Сказал, что это — пастораль.

Нет, тут совсем, совсем другое.
Любая схема наша — чушь!
Приюта, света и покоя
Мы ищем у великих душ.

И в должный час, уняв заботу,
Мы отдыхаем от певзгод.
А помнишь ты, какую ноту
Вплетал задумчивый фagот?

«Как счастлив тот, кого теплом и светом
Родной очаг укрыл от зимней стужи,—
Пусть снег и ветер злятся там, снаружи...»

И все стихало понемногу.
И снег стихал, и ветер стихал...
Такой гармонии, ей-богу,
Еще никто не достигал!..

В горячке, гомоне и гвалте,—
Да что об этом говорить! —
Концерт Антонио Вивальди —
Вот что хотелось повторить.

1974

* * *

Сия великая есть тайна.
Пред нею, погруженной в тишь,
Незамутненной и кристальной,
В благоговении стоишь.

Неважно, если мы с тобою
В порыве радостном своем
Родством ли душ или любовью
Вдруг эту тайну назовем.

Тут правда царствует другая.
Тут умолкают шум и гам.
И тут слова не помогают,
Они мешают только нам.

Но даже то необычайно,
Что нам почувствовать дано:
Сия великая есть тайна,
Как было сказано давно.

1974

* * *

В часы ночного откровенья
Я постигаю до конца
Великий замысел творенья,
Великий промысел творца.

Когда вселенский мрак растаял,
Когда рассеивалась мгла,
Закономерность не простая
Толчок туманностям дала.

И, может быть,
Вот эти звезды,
И небеса,
И твердь земли —
Весь мир в конечном счете
Создан,
Чтоб мы здесь встретиться могли.

1974

* * *

Отринув суету
И суесловье,
Я миг прозренья праздничный
Ловлю.
Любовь —
Хлеб жизни.
И его в безмолвье
С благоговеньем тайным
Преломлю.

О пем,
О пем,
А вовсе не о чуде,
Не о сверкапье
Херувимских стай,
Молили люди,
Требовали люди:
— Насущный хлеб
На каждый день нам
Дай!

1975

* * *

Удвой в воображение
Тишину,
Чтоб ощутить
Хотя бы на мгновенье
Великую
Звучащую волну,
Несущую с собою
Откровенье.

Она твой дух
Опять подьмлет ввысь,
На гребень свой
Тебя выносит снова.
Уходят мысли.
Остается Мысль.
Слова уходят.
Остается Слово.

1975

* * *

«Уста глаголят
От избытка сердца»,
И воля здесь твоя
И не твоя.
Уже не ты,
Коль пристальней взглядеться,
Словам даруешь
Радость бытия.

Срок наступил.
Исчезла тень былого.
Открылась взору
Горная гряда.
И если вдруг
Твое замолкнет слово,
То будут камни
Говорить тогда.

1975

* * *

Ты — человек.
Ты — отблеск откровенья.
Ты —
В непроглядной вековечной мгле
Светящаяся точка единенья
Меж всеми существами на земле.

А если гаснет
Эта точка света
И вот стоит
У бездны на краю
Слепая,
Омертвевшая планета,—
Ты, значит, предал
Миссию свою.

1975

**НАДЕЖДЕ МИХАЙЛОВНЕ
КОСТОМАРОВОЙ**

Я с новой радостью отмечу
Неколебимое родство.
Благословляю нашу встречу
Всею силой духа своего.

Мне в Вашей комнатушке тесной —
О, как я помню этот час! —
Вдруг открывался свод небесный,
Предел, невидимый для глаз.

Сквозь призму дивного кристалла
Забывший близился причал.
И слава звездная сияла,
И голос вечности звучал.

Словами, нет, невыразима
Сия незримая волна...
И это ведь моя Россия!
Моя земля! Моя страна!..

Предчувствуя иные сферы,
Я говорю Вам не впервой:
Вы для меня — источник веры,
Родник небесный и живой.

И что бы ныне ни грозило
Затмить сверкание высот,
Я верю в миссию России:
Она спасется и спасет.

1975

**ЧЕМ ДАЛЬШЕ
МЫ УХОДИМ ОТ ВОЙНЫ...**

1

Чем дальше мы уходим от войны
И нас с тобою тишина объемлет,
Тем все сильнее и явственней слышны
Ее раскаты, вздыбившие землю.

Чем дальше мы уходим от войны
И чем спокойней синые закаты,
Тем резче нам в закатной мгле видны
Огнем войны обугленные хаты.

Чем дальше мы уходим от войны,
Сполна всю горечь этих лет познавши
Не понаслышке, не со стороны,
Тем ближе нам воспоминанья наши.

Чем дальше мы уходим от войны
И четче обнажаются вершины,
Чем полпозвучней Голос тишины,
Тем все понятней, что мы совершили...

2

Огонь и смерть на нас обрушив,
Война на совесть постаралась.
Она вошла не только в души,
Не только в памяти осталась.

Сквозную даль преображая,
Неуловимая для взора,
Она во всем, что окружает,
Она — в дыхании простора.

Холмы продрогшие на страже
Стоят под небом низким-низким.
И от российского пейзажа
Неотделимы обелиски.

Трава струится полевая.
Гудят пути и перекрестки.
И, чередуясь, проплывают
То обелиски, то березки...

3

Былые годы в памяти не стерты,
Встают из тьмы воскресшие года,
И разделение на живых и мертвых
Должно исчезнуть раз и навсегда.

Прозрачной дымкой тишина объята
Из глубины неповторимых дней
Глядят на нас российские ребята,
Что смерть попрали смертью своей.

1975

* * *

Печаль твою
И скорбь твою
Почуя,
Тебя
В свои объятия
Приняв,
Так бережно
Ничто нас не врачует,
Как всплеск волны
И шорохи дубрав.

Мы говорим
С волною
И травой.
Ответных слов
Нам пусть не разобрать.
Но только лишь живущее,
Живое
Так человеку может
Сострадать!

1975

ЦВЕТЫ

Игра аромата и света.
Но ты на расчеты взгляни
Что было бы
С нашей планетой,
Когда бы исчезли они.

Старинная мудрость гласила:
Случись
Вот такая беда —
Две трети
Всей жизненной силы
Земля потеряла б тогда.

И это, поверьте,
Не сказки,
А цифр непреложный расклад.
Доверчиво
И без опаски
Анютины глазки глядят.

Как славно,
Что в мареве сизом,
В сверкании выпавших рос
И воздух,
И дух твой пропизан
Энергией огненной роз...

1975

* * *

«Куда умирают люди?»
Наивный, конечно, вопрос,
Возможный лишь в детстве.
Но дети
Его задают всерьез.

О, как напряжены их лица!
О, как их глаза хороши!
Со смертью не может смириться
Гармония детской души.

Куда умирают люди,
В какую уходят страпу —
Пытают с пристрастием дети,
Когда их готовят ко сну.

Какие растут там деревья?
Какая сияет звезда?
«Куда умирают люди?»
И в самом деле:
Куда?

1975

СЕРДЦЕ

Сосуд пульсирующий,
Алый,
Но только знаете ли вы:
Не так уж мал
Сосуд тот малый.
Там есть и змеи,
Есть и львы.

С налета
Мерить бесполезно
Всю глубь
Разверзшихся небес.
И что такое сердце?
Бездна.
И даже больше:
Бездна бездн.

И как начертано в предапье,
Как древняя гласит нам весть:
Там —
Беспредельность мирозданья.
Там небо есть,
Там звезды есть.

Там солнце,
Зримое воочью,
Но неподвластное уму,
Встает,
Рассеивая в клочья
Внутри сгустившуюся тьму.

1975

* * *

Соприкоснулись дальние светила,
Рождая отзвук в глубине земли.
Космическое время наступило.
Космические сроки подошли.

И некогда сокрытое от взоров,
В непостижимый замкнутое круг,
Величие надзвездное просторов
В одно мгновенье высветилось вдруг.

Уже ничто не мыслит о запрете.
Уже ясна связующая нить.
Но как слепому говорить о свете?
О музыке глухому говорить?..

1975

* * *

Работник ты,
А не избранник,
Освобожденный от всего.
А космос —
Словно випоградник.
И нам возделывать его.

Еще не рано и не поздно.
Но роздымь стелется внизу,
И созревающие звезды
Сгибают тонкую лозу.

1975

* * *

Затихает далекий транзистор.
Мгла бесшумно
В овраг улеглась.
Небо звездное
Влажно и чисто
И открыто
Для слуха и глаз.

И, приветливо щурясь
И морщась,
Словно мастер
Или инженер,
Ночь включает
На полную мощность
Голос чисел
И музыку сфер.

1975

* * *

Разве небо
Безгласно и немо?
Ощутимое
Даже на слух,
Снова звездное творчество неба
Заключает
В свой огненный круг

Воду,
Тихо застывшую в реках,
Цепь холмов неподвижных,
Луга
И космический путь
Человека,
Не разгаданный нами пока.

1975

**«КАКОВ, УЧИТЕЛЬ,
БУДЕТ НАШ КОНЕЦ?»**

Когда, покорный
Непонятной силе,
Глухой услышал
И прозрел слепец,
Ученики
Учителя спросили:
— Каков, Учитель,
Будет наш конец?

И в тишине вечерней
Прозвучало
(Закатный луч
Вдруг вспыхнул на лице):
— Вы отыскиали, стало быть,
Начало,
Коль ныне так
Печетесь о конце.

Дышал простор
Горячими песками.
На землю
Тени от камней легли.
— Учитель,
Мы начало не искали.
— Да вы его найти
И не могли.

Иначе б дух ваш
Не скорбел ночами
И был бы ясен
Столь простой урок:
Конец —

Лишь возвращение к началу,
К тому,
Что называется исток.

К нему, к нему
Приблизиться сумейте.
Ведь тот,
Кому познать его дано,
Вкушает
Долгожданное бессмертье,
Как мы вкушаем
Хлеб или вино.

1975

«СПИРИДОН-ПОВОРОТ»

Гремела проповедь с амвона,
И праздничный курился дым.
И день святого Спиридона ¹
Был по-особенному чтим.

Недаром в радости великой
В мороз крепчайший
И в пургу
Плясали скоморохи лихо,
Шубейки бросив на снегу:

«Спиридон-поворот,
Стоит прямо у ворот,
Колесо в руках несет,
Красно солнышко несет».

Ну а в Москве,
Метельным мраком
Сокрытой наглухо почти,
С благоговейным тайным страхом,
В тяжелом золоте парчи,

Устав от бесконечных сборов,
Моление должное творя,
Звонарь Успенского собора
Являлся
Пред лицо царя.

¹ Обычай, связанный с днем св. Спиридона, существовал в России еще в XVII столетии. Его описание сохранилось в документах того времени. (Здесь и далее примечания автора.)

В покой
Со сводом задымленным,
Угарным дышащий теплом,
Входил он шагом устремленным
И государю бил челом.

И возглашал.
И голос этот
Глушил
Ревущую метель.
«Отсель зима пошла на лето.
На убыль тьма пошла отсель.

Отсель конец и смерть уныною.
Свершился солнца поворот.
Ночь умяется отныне.
День прибавляет и растет».

И царь ленивою рукою
Крест благодарственный творил
И за известие такое
Рублем серебряным дарил.

И в знак того,
Что в самом деле
Уж отступают
Тьма и мгла,
Басами гулками гудели
Во всех церквах колокола.

1975

* * *

Внимай себе
И бодрствуй над собой,
Ложась в постель
И покидая ложе,—
Ведь ты идешь
Неведомой тропой,
Ведь ты скользишь
Над пропастью, быть может.

Во мгле оцепенелой
И слепой,
Объявшей хладом
Небо голубое,
Внимай себе
И бодрствуй над собой,
Готовь себя
К невидимому бою.

Тебе сужден
Незримый этот бой
И суждены
Успех и откровенье.
Но каждый час
И каждое мгновенье
Внимай себе
И бодрствуй над собой.

1975

* * *

Нас призывают
Древние заветы,
Нас призывает
Голос мудреца:
Познай себя,
Как познают планеты
И беспредельность
Звездного кольца.

Преодолей
Сомнение и косность,
Дабы постичь
Невидимую суть,
И начинай полет свой
В микрокосмос.
Но это Космос!
Вот что не забудь.

1976

БЕЛОВОДЬЕ

НАД КАТУНЬЮ

Добрый дух, охраняющий воды,
Светлый дух, опекающий лес,
Я не видел уж долгие годы
Столь прозрачных, столь звонких чудес.

От смятенья, беды и разора,
Путь земли направляющих вкось,
Животворную силу простора
Как тебе уберечь удалось?

Над Катунью, гремющей о камни,
Стынут сопки в вечерней тени.
Отшлифованы горы веками,
И на храмы похожи они.

Нарастает, звучит в сокровенной
Недоступной для нас высоте:
— Причащайтесь водой белопенной,
Приобщайтесь к святой красоте!

я мчался по чуйскому тракту...

Я мчался по Чуйскому тракту
Меж серых обветренных скал,
Где, свой проявляя характер,
Зеленый поток грохотал.
И радужным спектром искрилось

Веселое буйство воды,
И волны взлетали до сосен
И в небе чертили следы.

Я мчался по Чуйскому тракту.
Меня холодком обвевал
Ведущий на самое небо
Симинский крутой перевал.
К подножью могучего кедра —
Положено так уж всегда —
Мы клали цветы и монеты,
Чтоб вновь возвратиться сюда.

Я мчался по Чуйскому тракту.
Петлял над рекою большак.
Слова Вячеслава Шишкова¹.
Как песня, звенели в ушах:
— С Алтаем ничто не сравнится:
Любое сравнение мертво.
Лишь можно молиться Алтаю,
Серебряным главам его.

СИБИРСКИЙ ГОВОРК

Вблизи алтайского аила
В привычном грохоте дорог
С какою сдержанною силой
Звучит сибирский говорок!

Спроси попутчика:
— Бывает? —
Тебе ответит он:
— Быват. —
Ты скажешь:
— Дождик поливает. —
Он согласится:
— Поливат.

¹ Автор «Угрюм-реки» в 1913 году возглавлял изыскательскую партию, намечавшую маршрут будущего Чуйского тракта.

А сколько вех,
А сколько знаков,
А сколько всяческих примет
Таит протяжное
«Однако»,
Встающее из полумрака,
Как горный, кряжистый хребет.

В нем есть прозрение и паитье,
Упрек себе,
Намек тебе,
И, если этого хотите,
В нем вызов есть
Самой судьбе.

Пусть мрак и холод верховодят,
А мы пройдем,
А мы пройдем.
Нет, говорите,
Беловодья,
А мы найдем,
А мы найдем.

АЛТАЙСКАЯ ПОСЛОВИЦА

«Человек человеком богат».
Как прекрасна пословица эта!
Вековечное эхо завета
Различить я в сумятице рад.

«Человек человеком богат».
Если вдуматься и разобраться,
Этим держится наше пространство
И земной и небесный уклад.

Если мысли звучат невпопад,
Если вдруг устрашают препоны,
Если ты позабыл, то припомни:
«Человек человеком богат».

(Из алтайского фольклора)

Все в мире
Поражало красотой,
Не той,
Что пыне дышим,
А иной,
И человек,
Вот так,
Как мы с тобою,
Беседовал
И с солнцем
И с луной.

Оп звездам
Поверял свои печали,
В часы сомненья
Устремлялся вверх,
И звезды
Человеку отвечали,
И понимал
Их голос человек.

Исполнены
Великого доверья,
Как некий
Нескончаемый поток,
Шли к человеку
Птицы, гады, звери,
Чтоб он их
Должным именем нарек.
Природа
Человека возлюбила.
И человеку
Был неведом страх.
И он природу возлюбил.
Так было.

...И говорят,
Что снова будет так.

(Из алтайского фольклора)

Уж много лет,
Невидимый для взора,
Он жил вверху
В расщелине скалы.
А та скала
Царила над простором
Среди туманов, облаков и мглы.

И в тишине,
Промозглой и суровой,
Сходились люди
Около костров,
Чтобы услышать
Праведное слово,
Чтоб уловить
К ним обращенный зов.

И говорили Аксакалу люди:
— О мудрый и великий Аксакал!
Наш путь к тебе
И долог был,
И труден.
А ты, как тень
Меж неподвижных скал,

Зачем поднялся
Вровень с небесами?
Спускайся вниз
С горы своей крутой.
Поплачь ты с нами
Нашими слезами
И погорюй
Над нашею бедой.

И грянул гром.
И вот пропелся ветер,
Неся дыханье
Дивной синевы.
— Я был, и есть,
И буду с вами, дети.
И я такой же точно,
Как и вы.

Меня от вас
Гора не отделила.
Наоборот.
Отсюда все видней.
Как на ладони
Предо мной долина,
Видны костры, горящие на ней.

Идите вверх,
Где все открыто взору.
Со мною вместе
Пребывайте здесь.
— О, Аксакал!
Зачем зовешь ты в гору?
Туда, где ты,
Нам ни за что не влезть.

И снова гром.
И вновь пронесся ветер.
И вот услышал
Каждый человек:
— Не бойтесь, дети,
Торопитесь, дети.
Я помогу.
Идите, люди, вверх!

УЙМОН

И вот зашуршала дорога,
И вот — расступается мгла,
И, как бы помедлив немного,
Уймонская степь поплыла.

И сразу пространство пронзила,
И сразу на нас понеслась
Черемухи белая сила,
Черемухи белая власть.

А горы — пока невидимки.
Над синею кромкой воды
Они еще в утренней дымке,
Они еще нам не видны.

Но в час, предрепленный заране,
Опять восхищая наш взор,
Возникнут чеканные грани
Отвесных уступчатых гор.

Опять над рекою наклонно
Косматые кедры летят,
И лес низвергается, словно
Зеленый густой водопад...

От старых певцов на Алтае
Я слышал великую весть,
Что счастье земли обитает
Не где-нибудь —
Именно здесь.

Пронизанный ветром и светом,
Могу я судить по всему:
Свидетельство истинно это
И надобно верить ему.

БЕЛОВОДЬЕ

В обманчивом свете простора,
В мерцании звезд и планет
Мы ищем страну, для которой
Названия точного нет.

Туманны ее очертанья.
На картах ее не найдут.
Туда лишь в заветном преданье
Подробный намечен маршрут.

Пускай оставался он втуне.
Но слушай воскресшую речь:

— А надобно плыть по Катурне,
Потом Бухторму пересечь,
На снежные горы взобраться,
А дальше — пустынями сплошь.
Минуешь Опоньское царство,
Тотаньское царство пройдешь.

Натерпишься всякого страха
(И вьюги и звери ревут).
Но главная трудность, однако,
Тебя поджидает не тут.

Нет, главная трудность —
Другая:
Когда из-за гор и холмов,
Веселой волною играя,
Объявится озеро Лов.

На нем, этом озере,
Остров,
Глядит, белоликий,
Во тьму.
И кажется, очень просто
Теперь-то причалить к нему.

Горят купола золотые.
И сердце зайдет в груди.
Там старцы —
Наверно, святые —
Рукой указуют: «Иди».

Вот это и есть
Беловодье,
Где ископи светлая власть,
Где можно —
Толкуют в пароде —
Живыми на небо попасть.

И люди стремительней пули
Кидались в волну наугад.
Но копи тонули,
И бури
Людей отгоняли назад.

Такая случалась промашка.
Есть путь,
А как будто и нет.
И старцы в холщовых рубашках
Смотрели им с грустью вослед.

— Ходили у нас на Алтае
Туда, между прочим, не раз.—
И новую ноту вплетает
В старинную пряжу рассказ:

— Да только заказаны вроде
Для нашего брата пути.
Захочет само Беловодье —
Тогда и сумеешь дойти.

И зверя тогда ты не встретишь,
И день будет каждый погож,
И сам ты тогда не заметишь,
Как в град чудотворный войдешь.

Но только —
Вот в том-то и дело,
Вот в том-то
Печаль и беда —
Лишь с чистой душою и смелой
Тропу проторяют туда.

Холодное небо окраску
Меняет.
— Вот так-то, милоч.
Кому-то все это и сказка.
Кому-то, быть может, урок...

Под грохот и рокот моторов
Струится таинственный свет...

Мы ищем страну, для которой —
Названия точного нет.

Трепещет волна золотая
Над узким извивом дорог,
И белые воды Алтая
О каменный бьются порог.

МАГНИТЫ

Дон, отливающий латунью
И огибающий откос,
Привет сердечный от Катуня

Я, возвратясь,
Тебе привез.

Ее дыханьем дивным полный,
Хочу,
Чтобы услышал ты
Ее грохочущие волны,
Гул первозданной красоты.

Несется ветер над стремниной
И холодит мои виски.
И воздух горный
И равнинный
Мне одинаково близки.

А все сокрытое открыто,
И мы теперь уже навек
Соединяем два магнита
Великих рек.
Священных рек.

СНЕГОВЫЕ ВЕРШИНЫ БЕЛУХИ

Снеговые вершины Белухи.
Почему-то вдали, в тишине,
В час раздумья, сомненья, разлуки
Вы все явственней видите мне.

Различаю уступы и даже
Замечаю оранжевый свет.
Подскажите, безмолвные стражи,
Это чей на горе силуэт?..

Но горит и горит, не сгорая,
Над стеной ледяной небосвод
По-другому здесь солнце играет,
По-другому здесь воздух поет.

По-другому, здесь все по-другому,
И, однако же, чувствуешь ты,
Что пришел ты к родимому дому,
Что достиг ты желанной черты.

* * *

Я пыряю в прохладную рощу
Под густой и спасительный кров.
Продираюсь почти что на ощупь
Меж высокой травы и стволов.

Здравствуй, чаща заветная, здравствуй!
Меркнет где-то вдали небосвод.
И не лес, а подводное царство
Обступает тебя и ведет.

Паутинок летящие пити
С тихим звоном вторгаются в лес.
Не ищите меня. Не зовите.
Я ушел. Растворился. Исчез.

Я теперь недоступен для взора,
Я замкнулся в магический круг,
И еще, слава богу, не скоро
На поверхность я вынырну вдруг.

1976

* * *

Уходят былые пейзажи.
Теснят городские огни.
Уходят пейзажи.
Но даже
Когда неизменны они,

В них что-то звучит по-другому,
В них отсвет какой-то не тот.
Тропинка,
Ведущая к дому,
Увы,
Мимо дома ведет.

Прошедшее, нет, не воскреснет,
Хотя в предначертанный час,
Положим, знакомые песни
Еще мы услышим не раз.

Прибьются, как прежде, к порогу,
Ворвутся в привычный уют.
Но так, как играли, —
Не смогут.
Как пели —
Уже не споют.

Конечно, наш мир быстротечен,
Конечно, стремителеп он.
Конечно, года человечьи
Законно идут под уклон.

Плывет в немигающем свете
Вечерних полей волшебство.
Но, боже, как грустно!
И с этим
Поделаться нельзя ничего.

1976

* * *

Пусть повторяются доли,
И пивы, и рощи, и сад,
Пусть русские наши глаголы
Минувшие дни воскресят.

Пусть в мареве знойного лета
Проглянет вдруг сумрак лесной.
Ну что из того, что все это
Стократно изучено мной

И что в голубое забвенье
Сто раз погружался мой дух,
Еще не насытил я зренье,
Еще не наполнил я слух.

В просторах себя растворяю
И, право, ничуть не боюсь,
Что, русский глагол повторяя,
Сто раз я еще повторюсь...

1977

* * *

Синевою колышутся воды,
А простор безграничен и нем.
Красота нашей русской природы
Не сравнима, пожалуй, ни с чем.

Все пронизано отсветом вещим.
И холмы, и поляны, и плес.
И душа моя снова трепещет
Перед таинством белых берез.

1977

* * *

...И в слове самом
«Семилуки»
Уж нечто волшебное есть.
Для слуха обычные звуки
Несут
Необычную весть.

И мысль,
Из глубин вырастая,
Меня озаряет подчас:
Наверное,
Связь не простая,
А связь вековая
У нас.

Объятый
Густой синевою,
Пронизанный
Хладною мглой,
Быть может,
Кружил я листвою
Когда-то
Над этой землей.

Быть может,
Травинкой несмелой
Качался над этим бугром...
Потом уж
Облекся я в тело,
Из праха восстал я
Потом.

...Но вечный тот цикл повторится.
Листвой закружусь я опять
Затем,
Чтобы снова родиться,
Чтоб снова из праха
Восстать.

Да, да...
И опять оживу я
И в час озарения свой
Почувствую связь вековую
С землею,
С травой,
С листвою.

1977

СТРАННИК ВСЕЛЕННОЙ

Странник Вселенной идет по земле.
Меряет взором земные истоки.
Знает ли он неизбежные сроки?
Что он нам хочет сказать о себе?

Поступь его неслышна, как всегда.
Где он? Он слился с небесным покровом.
Можно ль его потревожить мне зовом
В час, когда вспыхнет ночная звезда?

Вот его тень на отвесной скале.
Вот его след в раскаленной пустыне.
Можно ль к нему мне приблизиться ныне?
Или же это нельзя на земле?

1977

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Я ошалею
От степного гуда,
На камень сяду,
Дабы отдохнуть.
Благословен будь Отчий Дом,
Откуда
Я начинал
Свой долгий крестный путь.

Дом предо мною
На горе покатой,
Как будто отрешенный от всего,
И пахнет терпко
Чебрецом и мятой
Пространство,
Окружившее его.

Круги замкнулись.
Ветер властно дунул
В мое лицо.
Но, право, видит бог:
Я никогда не ведал
И не думал,
Что так высок
Ступенчатый порог.

Волненьем странным
И смущеньем скован,
Я обогну
Колючую стерню,

Умоюсь я
Водою родниковой,
Свои одежды грязные
Сменяю.

И лишь тогда
С падеждой и доверьем
И сладким замиранием в груди
Я поднимусь.
И распахнутся двери.
— Входи, мой сын.
Я жду тебя.
Входи.

2

А мы с тобой
Почти достигли цели.
От синевы
Захватывает дух.
Настали сроки.
Нивы побелели.
Но как пустынно,—
Боже мой! —
Вокруг!

А где же люди?
Где — скажите — люди?
Увы, не видно
И не слышно их.
А голос наш
Далекий отзвук будит
Лишь для того,
Чтоб тут же он затих.

Неужто путь окончен
В самом деле?
Неужто мы
Вернулись наконец?
Настали сроки.
Нивы побелели.
Сегодня жатва.
Мы пришли,
Отец.

Над домом
 Свет надземный воскресает.
 Дыханьем неба
 Он пронизан весь.
 Все зыбко.
 Ненадежно.
 Ускользает.
 Основа неколеблемая —
 Здесь.

Да, только здесь,
 У отчего порога,
 У золотой полоски ячменя,
 Куда непостижимая дорога
 Иль привела,
 Иль приведет меня.

Я до сих пор
 Наивно удивляюсь —
 Как прост закон,
 Начертанный для нас:
 Я есмь,
 Когда с Отцом соединяюсь,
 И нет меня,
 Коль разрываю связь.

1978

* * *

Сверканье трав
И очертанья дня
Искажены
Надвинувшейся мглою.
Стихи мои —
Свидетели огня,
Бушующего в небе
Над землею.

Вы слышите,
Как, гулкий гром дробя,
Приблизились
Таинственные сферы?
Огонь вокруг,
Огонь внутри тебя —
Вот главный признак
Наступившей эры.

Разодрана
Завеса темноты
И твердь непроницаемого мрака.
Неужто пламена
Не видишь ты,
Иль ты ослеп
От ужаса и страха?

Огонь сошел
На нивы и дома.
Свеченьем странным
Вся земля объята.
Пылает тьма
И исчезает тьма,
Как было нам
Обещано когда-то.

1978

Дыханье незримого края
Врывается в будни,
И вот
Труба возвращенья играет,
Труба возвращенья поет.

Ты понял —
Скажи —
Иль не понял,
Какая ей сила дана?
Ты вспомнил —
Скажи —
Иль не вспомнил,
Что Родина света одна?

Здесь воздух на редкость прозрачен,
Дарит исцеленье простор,
И если вернулся незрячим,
Прозреешь,
Взойдя на бугор.

Ты чувствуешь:
Душа замирает
И влагу небесную пьет.
Труба возвращенья играет,
Труба возвращенья поет.

И вторят ей в мареве полдня
У синих речных переprav
Веселая музыка поля,
Высокая музыка трав.

1978

* * *

Мне раньше часто говорили
(Теперь уже не говорят):
Тебе из множества фамилий
Не лучшая досталась, брат.

Коль разобраться в этом честно,
Тут постаралась жизнь сама,
Что так молвою повсеместно
Она обыграна весьма.

Не та фамилия, ей-богу.
Она — находка для врагов.
С тобой равняться только могут
Один Петров да Иванов...

А я, возвращенный русским полем,
Не мог понять их, хоть убей.
Я был доволен, был доволен
Всегда фамилией своей.

А я, признаться, горд отчасти,
Поскольку в час рожденья свой
Я как бы некой высшей властью
Повенчан с отчею землей

Фамилией.

И потому-то
Она превыше всех наград.
А коль не нравится кому-то,
То, право, я не виноват.

На месте критика иного
Я б, может, почитал за честь,
Что есть Петровы, Ивановы,
А также Сидоровы есть.

Фамилии эти непростые.
Они — гранит и монолит.
Как бы на трех китах, Россия
На тех фамилиях стоит.

Душа от них неотделима.
И счастлив я, как никогда,
Что бог хранил от псевдонима...
Сейчас бы умер со стыда.

1978

Житель неба попал в подземелье.
Но как быстро освоился он
И справляет уже новоселье
В резком свете высотных колонн.

А в метро сантиментов не любят.
Не прервался поток ни на миг.
Не до птиц суеящимся людям,
И ему — воробью — не до них.

Не до них. Он сейчас озабочен —
Пусть грохочут себе поезда —
Завершить к наступлению ночи
Неприменно устройство гнезда.

Деловит и на редкость беспечен,
Он, попавший в такой переплет,
Не грустит, а летает, щебечет,
И — представь — даже песни поет.

1978

* * *

То ли город сомнением расколот,
То ли вспять бытие потекло,
Только я замечаю, что город
Превратиться желает в село.

Неотчетливо, робко, несмело —
Но свершается этот процесс,
Ибо, видно, дошел до предела
Ошалевший от шума прогресс.

Что из этого выйдет — не знаем.
Чем закончится все — не понять,
Но листва кружевная, резная
Свой творит микроклимат опять.

По соседству с бетонной площадкой,
В вечном грохоте, в вечной пыли
Вдруг прорезалась узкая грядка
Воскресающей к жизни земли.

Еле-еле заметная вежа.
То не поле еще и не луг.
Но как знаменье нового века
Над асфальтом взрывается лук.

И берется за скользкие грабли
Человек, поотвыкший от них.
Вроде руки еще не ослабли,
Да как будто и город притих.

Он рыхлит с наслаждением землю,
Землю вязкую, словно смолу,
И чему-то он тайному внимлет,
Прислонившись спиною к стволу.

1978

* * *

Ощущенье вины перед всеми —
Никогда, никогда, никогда
Так пронзительно-грустно доселе
Не кричали еще поезда.

Ощущенье вины перед всеми —
Не мигуточною вспышкой, не вдруг —
Нет, все время, все время, все время
Скорбной тяжестью давит мой дух.

Ощущенье вины перед всеми —
Почему, почему, почему
Не проходит, увы, опасенье:
Мне за все отвечать одному?

Ощущенье вины перед всеми —
Как, скажите, вину искупить?
Может, в этом лишь наше спасенье.
Может быть, может быть, может быть...

1978

* * *

Но тех,
Кто с синей высотой
И всплеском солнечной волны
Неумолимою чертою
Решительно разделены,

Но тех,
Кто глух и нем остался,
Поддавшись суматохе дней,
К зовущим голосам пространства,
Не обличай,
А пожалей.

Быть судиею ты не вправе.
Зла не таи в своей душе.
Сильней,
Чем можешь ты представить,
Они наказаны уже.

И ты,
Который щедро взыскан
Заботой неба и полей,
Все принимая к сердцу близко,
Не осуждай,
Но — пожалей.

1978

* * *

Голубые бабочки летают.
Лягушонок прячется в траву.
А над степью дымка золотая
Не во сне, мой друг, а наяву.

Волны, волны радостного света
Горизонт захлестывают весь.
С чем сравнится наслаждение это:
Видеть мир таким, каков он есть.

Тает в небе дымка золотая.
Тень скользит от облачка опять.
Лягушонок. Бабочки летают...
Боже мой, какая благодать!

1979

* * *

Уезжаю в Москву.
Что поделаешь, брат.
Сколько лет я живу,
Столько лет виноват.

Я не знаю и сам,
Тратя попусту пыл,
Сколько бед небесам
И земле причинил.

Сколько раз и кого
Я обидел стократ.
Ну а больше всего,
Больше всех виноват,

Виноват перед ней,
Со скорбящим лицом,
Перед мамой своей.
Перед ней. И отцом.

1979

* * *

Неужто духом я устал,
Не видя берегов?
И говорить я перестал
На языке богов.

Безмолвье давит, как гранит,
На письменный мой стол.
Полузадушенный, хрипит
И корчится глагол.

Но он не мертвый. Он — живой.
И различает слух
Какую силу — боже мой! —
Он обретает вдруг.

Какую силу!.. И во мгле
Зов повторяется во мне.

«Сверкает тайна бытия
На стыке грозных дней.
Волна идет через тебя...
Так не противься ж ей!»

1979

* * *

Предсмертные вспыхнут зарницы,
Которые нам не видны,
И с нами навеки простится
Последний участник войны.

Охвачены скорбью и грустью,
В угрюмой и стылой дали
Мы гроб деревянный опустим
В холодное лоно земли.

Но знаю — не будет, не будет
Потрясшего весь небосклон
Прощального залпа орудий
И траурных всплесков знамен.

В тумане седом и прогорклom
Неведомо будет для нас,
Кого на безвестном пригорке
Мы с вами хороним сейчас.

Тот холмик весенней порою
Покроется дикой травой,
И мы не узнаем с тобою,
И мы не увидим с тобой,

Что светом тревожным и строгим
Полна устремленная высь,
Что все фронтовые дороги
На холмике этом сошлись,

Что, в синюю изморось круто
Взметнувши торжественный дым,
Победное знамя салюта
Сто раз полыхнуло над ним.

1979

БОЛГАРСКИЙ ТРИПТИХ

КИРИЛЛИЦА

Так вот они — наши истоки.
Плывут, в полумраке светясь,
Торжественно-строгие строки,
Литая славянская вязь.

Так вот где, так вот где впервые
Обрел у подножия гор
Под огненным знаком Софии
Алмазную твердость глагол.

Великое таинство звука,
Презревшее тленье и смерть,
На синих днепровских излуках
Качнуло недвижимую твердь.

И Русь над водой многопенной,
Открытая вольным ветрам,
«Я есмь!» — заявила Вселенной,
«Я есмь!» — заявила векам.

РЕРИХ В БОЛГАРИИ

Туманом недвижимым и плотным
Безмолвье на город легло.
Искрясь и мерцаая, полотна
Ушли далеко-далеко.

Ушли, насыщая пространство
На стыке грядущих путей.
Ушли. Но остался, остался
Их отсвет на лицах людей.

В ночном и холодном безмолвье,
Как в некоем загадочном сне,
Разряды неведомых молний
Над Витошей чудятся мне.

На прежней и новой основе
Почувствовать нынче дано:
Не только мы братья по крови,
Мы братья по духу давно.

Мы братья по духу. И значит,
Мы звездные строим мосты.
И именно нам предназначен
Космический зов Красоты.

Незримое пламя пылает
И нас вырывает из тьмы,
И радостный ток Гималаев
Вы чувствуете так же, как мы.

МОНУМЕНТ КОЛОКОЛОВ

Он, вознесенный над холмом уснувшим,
Над невесомой и прозрачной мглой,
Соединил грядущее с минувшим
И небеса соединил с землей.

Да будет так, как раньше не бывало.
Единый импульс всей планете дан.
Пускай гудят над горным перевалом
В урочный час колокола всех стран.

Над крышами сверкающей Софии
Пускай плывут в пространстве голубом
И голоса басовые России,
И звук индийский первозданный: ОМ.

Пусть перезвон торжественный наполнит
Простор, преобразившийся вокруг.
Пусть перезвон торжественный напомнит
О том, чем жив наш устремленный дух, —
О вечности.

1980

* * *

Дерево, птица и человек.
Все, как и прежде. Птица как птица.
А человек на пригорок садится,
Смотрит, как дерево тянется вверх.

Веткой взмахнув в придорожной пыли,
Тенью огромной оно вырастает.
Вот оторвалось оно от земли,
Вот в небесах легким облаком тает.

Вздыбились воды испуганных рек.
Птица от страха глаза закрывает.
А человек? Он бормочет «бывает»,
Ибо привык ко всему человек.

1980

* * *

Прозрение даждь нам днесь.
Держать пред собою ответ
За все, что свершилось, изволь-ка,
Для памяти прошлое есть.
Для совести прошлого нет.
А есть настоящее только.

Не каждый поймет эту весть.
Покажется чуждым завет:
Не слишком ли сказано тонко —
Для памяти прошлое есть,
Для совести прошлого нет,
А есть настоящее только.

Но может, вся истина — здесь,
И в сердце пророческий свет
Сейчас утверждается стойко:
Для памяти прошлое есть.
Для совести прошлого нет,
А есть настоящее только.

1980

На прохладной вековой опушке,
Где торчат березовые пни,
Слава богу, квакают лягушки,
Вновь перекликаются они.

Вторят небеса многоголосо
В огнецветных отблесках зари.
А недавно вот на тех же плесах
Перестали квакать, хоть умри.

Перестали, словно бы не смели,
Словно бы их не было в живых.
Видимо, мы здорово сумели
Испугать или обидеть их.

А потом — и тут уж не до смеха —
Сами стали жертвой западни.
Но сегодня, если верить вху,
Это все как будто позади.

Снова над зелеными волнами
Лягушачьи трели в камышах.
Может, это к примиренью с нами
Обозначен первый робкий шаг.

Может быть, на вековой опушке,
Где пути протоптаны твои,
Где сегодня квакают лягушки,
Завтра нам засвищут соловьи.
Может быть...

1980

* * *

Островок, мне оставленный, узок.
Пыльный облак повис над бугром.
То, что шепчет мне на ухо Муза,
Я уже разбираю с трудом.

Изменяя рисунок простора,
Почерневшие контуры нив,
Незаметно приблизился город,
Заповедный предел преступив.

И волною тяжелого гула,
И туманною гарью сейчас,
Как и все, островок захлестнуло,
Сохранявшийся чудом для нас.

Под лучами палящего солнца,
В очистительном ветре равнин
Я боюсь, что уже не придется
Нам встречаться один на один.

И боюсь я сказать «до свиданья»
По старинной привычке своей,
Ибо сдвинулось здесь мирозданье
И исчерпана мера вещей.

1980

* * *

В нескончаемом гаме и гуле,
Столь привычных сегодня для нас,
Голубые ворота июля
Распахну в предназначенный час.

Я спущусь по замшелому склону
Мимо древних коряг напрямик,
Где укрылся под темною кроной
Чистый-чистый, как небо, родник.

Над притихшей и влажной травой
Голос мой зазвучит не впервой.
— Я пришел за водою живою,
Как когда-то за мертвой водой.

Здесь под сенью безмолвного дуба
В сокровеннейшем центре Руси
Припаду к заповедному срубу.
— Напой. Исцели. Воскреси.

1983

СЕМИЛУКСКАЯ РОЩА

Повторяю маршрут прошлогодний.
Сколько раз повторялся уж он.
Сколько раз — и не вспомнишь сегодня —
Я к тебе приходил на поклон.

Я искал сокровенное слово,
В каждый шорох, как в тайну, вникал.
Я беседовал с тенью Кольцова
И речам его тихим внимал.

И случалось всегда почему-то,
Если шел разговор по душам,
То, как правило, в эту минуту
Нам с тобою никто не мешал.

Роща, роща. Плакучие ивы.
(Но не плакали — пели они.)
И воистину был я счастливым.
И воистину жил в эти дни!

1983

* * *

Я не жажду вчерашнего пыла.
Потускнели поля и дома.
Осень жизни уже наступила.
Осень жизни, а завтра — зима.

Завтра, завтра свистящей поземкой,
Превратившейся в бурю и вихрь,
Все, что помню, в свинцовых потемках
Будет скрыто от взоров живых.

Снег придавит холодную хвою,
Остановит течение вод.
А весна, ослепив синевою,
Может быть, для того и придет,—

Чтоб спокойной и чистой душою
Ты бестрепетно принял ее
И приветствовал солнце чужое
С той же радостью, как и свое.

1983

* * *

Пусть поэт говорит о поэтах,
Если час объяснения настал.
Сверхкомплектные жители света —
Так когда-то нас Пушкин назвал.

Сверхкомплектные. В этом все дело,
В этом вся сокровенная суть,
И теряется в дальних пределах
Устремленный извилистый путь.

Кто, скажите, сумеет поверить
В недоступный для глаза исток?
Кто, скажите, сумеет измерить
Звездный возраст пророческих строк?

Кто, скажите, услышит наш возглас:
— Хоть мы этим строкам и сродни,
Но и сами не знаем их возраст
И не знаем, откуда они.

1983

* * *

Неотвратима в сердце ностальгия
И белоснежна, словно полотно,
И с нею лишь рифмуется Россия,
А больше не рифмуется никто.

Исколесивший, может быть, полсвета
(Не подсчитаешь, сколько налетал),
Я знаю это. Точно знаю это.
Не понаслышке знаю. Испытал.

Вдали, вдали от светлых рек России,
Плакучих ив и полевых дорог
Не представляю, как живут другие.
Не понимаю. Я бы так не смог.

1983

* * *

Я возвращаюсь, словно возрождаюсь.
И это происходит всякий раз,
И постепенно я освобождаюсь
От праздных мыслей и ненужных фраз.

Вдыхая запах пойменного луга
И продолжая свой маршрут, мой друг,
Я не иду по замкнутому кругу,
А с новой силой разрываю круг.

Пусть говорят, что, дескать, повторился.
Что у бывшего я плетусь в хвосте.
Но где родился, там и пригодился.
Вначале — там.

Потом уже — везде.

1984

* * *

Без атомных бомб и без химии жили.
Не так, как сегодня, с природой дружили.
Не так, как сегодня, шептали нам травы,
Еще не вкусившие горькой отравы.

Еще мы не рыли по склонам и долам
Глубокую пропасть под собственным домом.
Еще обходились, пыля по проселкам,
Одной лошадиною силою только.

Мы что-то не знали, мы что-то теряли.
Но реки на солнце плотвичкой играли,
И пахло антоновкой хладное небо,
А хлеб — как издревле положено — хлебом.

Теперь уж, конечно, никто не припомнит,
Кем был тот шлагбаум таинственный поднят.
Но вдруг, увлеченные дней чередой,
Мы все очутились за некой чертою.

И, как говорили когда-то пророки,
Окончилось время, остались лишь сроки.
Остались лишь сроки и тяга к истоку,
Стремленье с ним слиться, как Запад с Востоком,

Но дух вопрошает и мается тело:
Когда это сделать и как это сделать?
Наверное, стоит под звон паутинок
Об этом спросить у берез и травинок.

Коль будем доверчивы ныне, как дети,
Они нам ответят, они нам ответят,
Коль станем душою и чище и тише,
Коль совесть проснется, то мы их услышим.

1984

* * *

Я не смею просить ни о чем
На дорогах, горячих от зноя,
Углубляясь в безмолвье лесное,
Наклонясь над прозрачным ручьем.

Я не смею просить ни о чем
В час, когда содрогается воздух
И когда загораются звезды
В необъятном просторе ночном.

Я не смею просить ни о чем,
Даже если приблизились сроки
И с пристрастьем пытливые строки
Вопрошают: «С чего мы начнем?»

1984

* * *

Насилья не терпит пространство,
И можно судить по всему,
Что в час размышлений напрасно
Мы что-то внушаем ему.

Рождая таинственный трепет,
Пространство течет меж стволов,
И так же, как раньше, не терпит
Ненужных движений и слов.

На собственном опыте знаю —
Могу сам себя огорчить —
Задача отнюдь не простая:
Пространство к себе приручить.

Но ставя за вехою веку,
Ее мы решаем не зря.
Без этого жить человеку
И трудно, и даже нельзя.

1984

СЛАВЯНСКИЙ ВОРОНЕЖ

НА РАСКОПКАХ

Первое упоминание о Воронеже относится к 1177 году. Местонахождение летописного Воронежа пока неизвестно.

Широкоплечий, без рубахи,
Все здесь излазивший окрест,
Меня встречал профессор Пряхин,
Как страж-хранитель этих мест.

Себя он чувствовал, как дома.
За ним я еле успевал,
И берег Дона, столь знакомый,
Сегодня я не узнавал.

Он был исчерчен и изрезан,
И нынче с самого утра
Он выдавал под стук железа
Свои секреты на-горá.

И возникали из нирваны,
Из векового забытья
То черепок с узором странным,
То кончик ржавого копья.

То вдруг среди хлама и оружия
Струили приглушенный свет
Стекляшек синих полукружья,
Плетеный бронзовый браслет.

А Пряхин вглядывался в темень
У обгоревшего угла.
— Здесь несомненно в оно время
Большая модница жила.

Но, подводя итоги прений,
Он не спешил давать ответ:
— Воронеж ли? Тот самый? Древний?
Судить пока что данных нет.

Но интонацией, глазами
Он был со мною заодно:
«Ну, разумеется, тот самый.
Иного нет и не дано».

И указующей рукою
Он обводил незримый вал.
Над затихающей рекою
Он говорил, как колдовал.

И в тайной глубине провала
Как бы рассеивалась мгла.
И крепость древняя вставала
И в синем мареве плыла.

И на глазах преображались
Густые тени от холмов.
И в волнах четко отражались
Витые шпили теремов.

ХОРОШИЙ ЗНАК

«А ваш бугор, судя по всему,
является княжеским захоронением».

Из беседы с Анатолием Дмитриевичем Пряхиным

Я здесь бывал зимой и летом,
И я — признаться — с давних пор
Своим рабочим кабинетом
Считал сей памятный бугор.

Но я не знал о совпаденье.
С самим собой наедине
Не ведал я, что чьи-то тени
Всегда сопутствовали мне.

Неразличимые для взора,
Они, пронизывая дух,
Набатным голосом простора
Порою говорили вдруг.

И эхо древнего воззванья
Волной струилось по жнивью
И уходило в подсознание,
А значит — в плоть и кровь мою.

Средь полынка и повилики
Под пенье птиц и шелест крон
Выходит, что я жил на стыке
Соприкоснувшихся времен.

Но коль смыкались параллели
И коль рассеивали мрак,
То это ведь и в самом деле
Хороший знак.

Великий знак.

ПРОТИВОБОРСТВО

Согласно Никоновской летописи, первый город, который осадил и сожгла орда Батые, вступив на Русскую землю, был Опоза. Оноза, или Онуза — второе название славянского Воронежа.

Пускай леса расступятся густые
И обнажат речную синеву,
И я увижу полчища Батые
И хана я увижу наяву.

И, прорезая мрак оцепенелый,
Скрестятся наши взгляды в тишине,
И засвистят пронзительные стрелы,
И я паду на крепостной стене.

Уйду я в землю, превращусь я в землю,
Но в должный миг, на радость иль беду,
Зовущим трубам всей душою внимля,
Воскресну я и зренье обрету.

И вновь леса расступятся густые,
И взором, обострившимся вдвойне,
Увижу снова полчища Батыя
И хана на арабском скакуне.

Как и тогда, скрестятся наши взгляды
И содрогнется голубой предел
Над крепостной бревенчатой оградой
От посвиста пронзительного стрел.

С ожесточеньем прежним и упорством
Сойдутся вои у донских высот...
Который год идет противоборство?
Который век — скажите мне — идет?

Но, символ нашей веры утверждая
И отражая натиск темных сил,
Я в том противоборстве побеждаю,
Или, сказать точнее, —
победил.

ПРОРОК

О похоронной думать тризне
Еще не время и не срок.
Я воскресаю к новой жизни:
Уже не вестник, а — пророк.

Так не теряйте ж ни мгновенья
На стыке мглы почной и дня.
Готовьте новые камни,
Дабы приветствовать меня!

1988

* * *

Среди полей и бездорожья
Я вспомнил присказку одну,
Что лето божье, лето божье.
Так говорили в старину.

И были правы, были правы,—
Я ощутил как никогда
Под сенью дремлющей дубравы
У неподвижного пруда.

Какое может быть сомненье,
О чем вести тут разговор,
Когда дарит благословенье
Благоухающий простор.

1988

* * *

Куда б ни шел, куда б ни ехал,
В любом краю, в любой дали
Я только отзвук, только эхо
Моей непонятой земли.

В сиянье праздничного снега,
В весеннем говоре ручья
Она есть альфа и омега
Всечеловеческого «я».

А без нее — погаснет небо
В пространстве мертвом и пустом.
Она как дух ржаного хлеба,
Благословленного Христом.

1988

* * *

Я углубляюсь в глушь лесную,
Как много лет тому назад.
О чем деревья повествуют?
О чем они благовестят?

Кому поют они осанну
Над затихающим бугром?
О чем твердят? О том же самом,
Что и в былом, что и в былом.

И снова память воскресила
Непререкаемый завет:
— Жизнь только там, где есть Россия.
Где нет России — жизни нет.

1988

Баллады и поэмы

ИВАН ПЕРВЫЙ

1

А был он по-мужицки жилист,
И тароват, и скуповат.
Богобоязнен и прижимист —
Так летописи говорят.

А был он из породы странной,
Почти неведомой тогда.
Не пекся он о славе бранной,
Не брал измором города.

Не гнал врага в жестокой сече
Он во главе своих дружин,
И потому в народном вече
Он громкий титул не заслужил.

Что, впрочем, громкий титул? Пустое.
Не для него та суета,
И звали князя Калитою,
И был он вправду Калита.

Он не был, князь Московский, беден.
Конить умел. Конить любил.
Но паче серебра и меди
Иван Данилович копил

Дни тишины и дни покоя,
Что плыли, дуну веселя,
Тот благодатный мир, по коем
Истосковалась вся земля.

И стены отческого крова,
И небом посланный покой
Оберегал он добрым словом,
Не выйдет словом, так деньгой.

И чтобы от своих пределов
Отвесьть грядущую беду,
Кряхтя и морщась,— что же делать! —
Князь ехал на поклон в Орду.

Страшнее самой страшной битвы
Была та злая маета.
Постом и долгою молитвой
Потом он очпидал уста.

Когда же неподвижным ликом
Глядел в мерцающую тьму,
Не помышлял он о великом —
И дерзостно, и ни к чему.

Он мыслил о своем, о малом,
К примеру, думалось о том:
Ах, как бы вновь не разметало
Лихим пожаром отчий дом...

И думы скорбные педаром
В ночи мешали князю спать:
Пожары, что твои татары,
Гуляли по Руси опять.

И вновь сухмень губила злаки,
И не к добру на небеси
Горели огненные знаки,
И мгла объяла пол-Руси.

Средь полдня высветились звезды,
И людям стали вдруг видны
Места на солнце, аки гвозди,
Вельми огромны и черны.

И вот уж, на расправу скорый,
Гремит с амвона грозный глас:
— За наши ссоры и раздоры
Господь наказывает нас.

И не до сна сегодня князю,
И, гулко над ковшом дыша,
Обсыпан смутной лупной вязью,
Он пьет из хладного ковша.

2

Дурманом душным пахли лины.
Крест-накрест ветви у ворот.
Удачным год для князя выпал,
А трудно начинался год.

Но все же удалось со Псковом
Уладить дело без меча,
Хотя мечом и бранным словом
Кой-кто грозился сгоряча¹.

Но миром копчилась тревога,
Палач ничью не ссек главу.
И князь крамольный — слава богу! —
Успел уйти живым в Литву.

Уже гонец в Орду отправлен:
— Сокрылся князь тверской, как тать.
И землю русскую не вправе
Орда сегодня воевать.

Во исполнение обета,
Что в сердце Калита воздвиг,
Заложен посредине лета
Был храм Спадения вериг.

Имел особое раденье
Об этой церкви князь.
Она
Руси пророчить избавленье
От превеликих мук должна.

¹ В 1327 г. в Твери во время восстания против золотоордынского владычества был убит ханский наместник. Татары разорили Тверь, а Псков, где укрывался тверской князь Александр Михайлович, по приказу хана Узбека был осажден русской ратью: выбора не было, в противном случае грозило опустошение всей русской земле. Кончилось миром — Александр ушел в Литву. Таким образом, было исполнено и повеление хана, и тверской князь остался невредим.

Вот почему под гомоп птичий,
Дабы тот храм стоял верней,
Не рублен, как велит обычай,
А был он сложен из камней.

Вот почему толпа заране
Дивилась на сии дела,
Когда пред ней в густом тумане
Обозначались купола.

Когда же смерды, поднатужась,
Убрали наконец леса,
В глазах на миг метнулся ужас —
Так белый камень жег глаза.

Свет благолепно плыл в оконце.
И церковь так была легка,
Казалось: ветер ее коснется,—
Падет та церковь в облака.

Сам князь тяжелыми руками
Потрогал ребра грузных плит,
Ощупал поздrevатый камень:
— Стоит, спаси господь, стоит!

И князь, усталый и довольный,
Утерши потное чело,
Из-под ладони град свой стольный
Окинул взором веселó.

Стояла пыль над стольным градом,
Все та же пыль и колгота.
За пошатнувшейся оградой
Кричали хрипло кочета.

И было для него незримо,
И ведать он не мог никак,
Что оный град, подобно Риму,
Простерся на семи холмах.

Сквозь дымку дрогнувших просторов
Не в силах различить был взгляд
Округлость плавную соборов
И белокаменных палат,

Крутые стены сей твердыни
(За валом вал, за валом вал),
Сей третий Рим, который ныне
Он первым строить начинал.

Отколь он мог об этом ведать?..
Через притихшую Москву
Князь шел к себе, дабы отведать
Хмельного меду и кваску.

А мысль подспудная не меркла,
Вторгалась в тишь и благодать.
— Еще б такую справить церкву,
А после можно помирать.

1968

МАЗЕПА В БЕНДЕРАХ

Царит во дворце полусумрак,
Царит во дворце тишина.
Богат и причудлив рисупок
Овальной решетки окна.

Прохладой и негою дышит
От солнца укрывшийся мир.
Тюрбаном тяжелым колыша,
Навстречу встает сераскир¹.

Река сладкозвучных приветов
Неспешной течет чередой,
Приправлена свежим шербетом,
Приправлена жирной халвой.

И чашки звенят прихотливо,
Пронизаны голубизной,
И кофе дымится лениво,
Как в небо струящийся зной.

Паша с упоением тайным
Любуется блеском колец...
Что скажет пришелец с Украйны?
Что хочет полтавский беглец?

О чем он сегодня хлопочет,
Покинув походный свой стан?..
Он ведать главнейшее хочет:
— Здоров ли великий султан?

¹ Сераскир — главнокомандующий турецкой армии.

И слышат ажурные своды
Музыку заученных слов:
— Аллах да продлит его годы —
Султан всемогущий здоров!

И вновь синеватым фонтаном
Сверкает и гаснет сапфир.
— Здоров ли надежда султана,
Опора его — сераскир?

Ресницы смежив осторожно,
Теперь вопрошает паша:
— Что хмур ныне гетман вельможный?
Не ранена ль скорбью душа?

Мазепа прерывисто дышит.
Он бодр всем врагам вопреки.
Еще не однажды услышат
О нем и друзья и враги.

Усталости гетман не чует,
Как воин, встает на заре,
Как воин, живет и почует
Уж месяц в походном шатре.

Он счастлив той жизнью привычной.
Не падо ему ничего,
Когда б сие было прилично
Высокому званью его.

Он просит опору султана,
Халву зажимая в горсти,
Покои, достойные сана,
В Бендерах ему отвести.

Кальяна дымок горьковатый
Туманит влажнеющий взор.
Гортанная речь азната
Узорчата, словию ковер.

Содвинув бровей полукружья,
Он пижет слова не спеша
О том, что великую дружбу
Питает к Мазепе паша.

(Одной лишь заботой он болел,
Одним лишь желаньем томим,
Чтоб гетман всегда был доволен
Слугою ничтожным своим.)

О том, что не спит он ночами,
Все в думу о нем погружен...
Но ныне паша опечален,
Но ныне паша удручен.

Раб гетмана, вечный и верный,
Раскинул он скудным умом:
Ведь если уж гетман отвергнул
Свой пышный батурипский дом,

Где в празднества реял крылато
Знак власти высокой — бунчук,
Ведь если дворцы и палаты
Ему опостытели вдруг,

Ведь если дары — да какие! —
Владыки обширной земли,
Царя всей великой России
Устроить его не могли,—

Паша в затрудненье — так что же
(И скорбью объята душа)
Для гетмана сделать он может,
Оп, бедный, как дервиш, паша.

И сердце не знает покоя,
И сердце болит оттого,
Что пет для Мазепы покоев,
Приличных заслугам его.

Пусть ведает гетман об этом...
Движенья ладоней плавны.
— Не хочет ли гетман шербета?
Не хочет ли гетман халвы?

Нет, гетман шербета не хочет.
Ему неугодна халва.
Тускнеют державные очи,
Державные меркнут слова.

Прощается гость именитый,
Устав от лукавой игры.
Идет он походкой сердитой
К воротам, где ждет его свита,
Сомлев от неспосной жары.

И солнце слепящее стынет
В его неподвижных глазах.
Классический стих из латыни
Мертвеет на скорбных устах.

Забвенья искать у поэтов,
Пожалуй, уже ни к чему,
И трепетно тень минарета
Ложится под ноги ему.

С улыбкой учтиво-надменной
Паша в его спину глядит.
Но вот уж затих постепенно
Стремительный цокот копыт.

— Аллах да над нами пребудет! —
И гонит улыбку с лица
Паша и ладонями будит
Послушное эхо дворца.

И раб, запахнувши рубашку,
Стоит перед ним не дыша.
Ему на китайскую чашку,
Сверкнувши сапфиром, паша

Кивнул повелительным знаком,
Брезглив, озабочен и хмур.
— Снеси эту чашку собакам,
Ее опоганил гяур.

НАПОЛЕОН

Нет, не у счастья на лопе
Его я вижу, не в бою...
А. Пушкин

1

Сквозь дым времен его я вижу
В пустынном зале Фонтенбло,
И блики пасмурные лижут
Его надменное чело.

И тянет сыростью погода,
Тускнеют в окнах небеса.
И Коленкур стоит поодаль,
И прячут маршалы глаза.

Он рассекает напряженье,
Сгустившееся, как мороз,
В немой единственный вопрос.
— Я припал твердое решение.

Лишенный должного простора,
Был голос глуховат и тих.

— Я отрекаюсь от престола
И за себя, и за своих
Наследников.

Пусть на чужбине
В изгнанье протекут года
Мои недолгие.

Отпыне
Живите мирно, господа.

Вас не разбудит грохот боя,
В лицо смотреть не будет смерть,
Давно вы жаждали покоя,
Покой вы будете иметь.
Но вам, познавшим ярость драки,
Боюсь, он будет не с руки.
Скорей, чем жесткие биваки,
Погубят вас пуховики...
Пора настала расставаться.
Уж мы не встретимся, как встарь.

— Осталось лишь повиноваться
Нам божьей воле, государь...

Но, обрывая Коленкура,
Как будто подводя итог,
Непререкаемо и хмуро
Он отчеканил каждый слог:

— Пора в последнюю дорогу
Моим знаменам боевым.
Но я не повинуюсь богу,
Я только соглашаюсь с ним.

2

Мелькают рощи, перелески,
Кресты, мосты, столбы застав,
Летит в пыли эскорт гвардейский,
Чуть от кареты поотстав.

Гремят ветвистые платаны,
Свистя, проносится ветла,
И реют пышные султаны,
Сверкают грозно кивера.

Но настигает ветеранов
Растущий гул со всех сторон:
«Долой тирана! Смерть тирану!»

А в глубине кареты — он,
Глухой к толпе и укоризне,
Недосягаем для тревог,

Сегодняшний тирап и изверг,
Вчерашний властелин и бог.

Он в полутьме смежил ресницы.
Что в памяти его теснится?..
Взрывая призрачную тишь,
Гремят победные зарницы,
Маренго празднует Париж¹.

Париж сегодня салютует,
Париж поет, Париж ревет.
— Ах, как ликует, как ликует
Вас обожающий народ!

Был безнадежно глуп и светел
Подобострастный чей-то взгляд.
И, отступив слегка назад,
Он, помнится, тогда ответил:

— Народ?
Он ликовал бы вдвое
Сильнее этот же народ,
Когда бы, сударь, под конвоем
Меня везли на эшафот.

И барабанный резкий грохот
Конец той фразы обрубил.

Кто знал, что будет он пророком,
А он, увы, пророком был
Для самого себя.

Он слышит:
Грозят расправой голоса.
Его лицо презреньем дышит,
И дышат холодом глаза.

И только резче проступают
Морщины на висках крутых.
— Кричи, беснуйся, чернь тупая,
Ниспровергай богов своих!

¹ В битве при Маренго 14 июня 1800 года Наполеон разгромил австрийские войска.

Стекает с крыш закат багровый,
 Стихает колокольный звон.
 Молчаньем странным и суровым
 Гостей встречает Авиньон.

Карета стиснута толпою.
 Толпа недвижною чертою
 Обведена вокруг коней.
 Страшно неистовство слепое,
 Молчанье во сто крат страшней.

Дрожат, позвякивая, шпоры,
 Шувалов ¹ поднимает сторы:
 — Что вам угодно? —
 И, бледнея,
 Внимает грозным сим словам:

— Смерть корсиканскому злодею!
 Отдайте корсиканца нам
 И следуйте себе обратно!

Толпа растет, каре тесня.
 — Но с нами нет Боунапарта,
 Вы ошибаетесь, друзья.

И генерал движеньем резким
 Отодвигает запавески.
 В углу сидел в мундире русском
 Гусарский офицер,
 и тускло
 Поблескивал сквозь полумрак
 Его серебряный темляк.

И снова движется карета
 Средь расступившейся толпы.
 И вновь карета, как комета,
 Вздывает пыльные столбы.

¹ Комиссар, назначенный от России для сопровождения Наполеона на Эльбу. Александр I имел с Шуваловым следующий разговор: «Вы отвечаете мне головой за жизнь Наполеона. Наш долг уберечь его от оскорблений и непременно доставить на остров Эльбу».

И в ожидании привала
Стучат колеса веселѣ.
И вытирает пот Шувалов:
— Ну, слава богу, пронесло.

Простите, спр.—
Но бже правый.
Смирить не в силах боль и стыд,
Он плачет, как дитя, навзрыд,—
Сей цезарь,
сей любимец славы.

Да, да, он всхлипывал по-детски
В вечернем стынущем дыму
Не потому, что криком дерзким
Был уstraшен,
не потому,
Что холод смертного предвестья
Его задел крылом своим,
А потому, что от бесчестья
Чужим мундиром он храним.

И тайной мукой напряженной
Лицо его искажено.
И граф Шувалов отрешенно
Глядит почтительно в окно.

Народ усеял мостовые.
И парастает, как стихия,
Перекрывая drobный стук,—
Ура! Да здравствует Россия!
Да здравствует! —
гудит вокруг.

И этим громовым раскатом
Застигнут вдруг и оглушен,
Поручик чуть щеголевато
Им салютует палашом.

СВЕТЛАЯ ОСЕНЬ

(Венок сонетов)

1

Смешал сегодня краски листопад.
От ветра постепенно остывая,
Деревья настороженно гудят,
Самих себя сейчас не узнавая.

А тротуар покатист и горбат,
Тяжелым жаром дышит мостовая,
Но неотступный листопад стократ
Уже повторен окнами трамвая.

Остерегайтесь юза, города!
По переулкам, зноем раскаленным,
Грядет багряно-желтая гряда.

Застыло солнце в небе полусонном,
И ветер приутих. Как никогда,
Он суматошным был и иступленным.

2

Он суматошным был и иступленным,
Обычный день, оглохший в суете.
Замкнув себя в кругу определенном,
Он подошел к невидимой черте.

И вот уже раскатом отдаленным
Он умирает в синей высоте.

Ползет прохлада по отвесным склонам,
Напоминая нам о темноте.

Ты смутно ощущаешь, что безмолвье,
Которым ты и каждый лист объят,
Вступление к чему-то, предисловье.

Ломая прутья тесные оград,
Нам полумрак дарует Подмосковье,
И мы бредем с тобою наугад.

3

И мы бредем с тобою наугад.
Шуршат в траве увядшие соцветья.
В какое-то забытое столетье
Ведет аллеей потемневшей сад.

Боюсь сказать я что-то невпопад,
Боюсь ветлу нечаянно задеть я.
Несокрушимой стражею бессмертья
Здесь лица легендарные стоят.

Я на грапице вечера и дня
Все то, что было скрыто от меня,
Постичь пытаюсь взором утомленным.

Обозначая чуть заметный след,
Струится зыбкий невесомый свет
По травам, порыжевшим и зеленым.

4

По травам, порыжевшим и зеленым,
Скользнула тень надломленным крылом,
И отзвуком, глухим и разветвленным,
Погасло эхо за крутым холмом.

И в этот миг по кронам затемненным,
Сквозь тишину, царящую кругом,
Себя не признавая побежденным,
Вдруг устремилось солнце напролом.

И, наши очертанья изменяя,
Колдует сад, как много лет пазад,
Листву резную медленно роняя.

Над нами блики странные горят,
Причудливые тепи удлиняя,
Сквозь листья пробивается закат.

5

Сквозь листья пробивается закат.
Опять врасплох захваченный закатом,
Я слышу, как березы шелестят
И пахнет небо дымом горьковатым.

Как в детстве, мир волшебен и космат.
И облако над дальним перекатом —
Пусть мне сравненье древнее простят —
Мне кажется пылающим фрегатом.

Как будто бы из странствий возвратясь
И обожжен дыханьем приглушенным,
Ты с детством восстанавливаешь связь.

И кажется весь мир одушевленным.
Травинкой каждой и стволом светясь,
Пронизан сад прозрачным небосклоном.

6

Пронизан сад прозрачным небосклоном,
И резким светом все обнажено.
Из синевы рождающимся звоном
Все за тебя уже предрешиено.

И то, что было неопределенным
И что почамн мучило давно,
То, что подспудным было, затаенным,
В душе твоей сейчас приглушено.

И ничего душе твоей не падо,
И, слава богу, все желанья спят,
Прислушиваясь к шуму листопада.

Ты этой безмятежностью богат.
И то, что небо под рукою, рядом,
Вдруг на мгновение прозревает взгляд.

7

Вдруг на мгновение прозревает взгляд
Туманный контур будущих событий.
В тебе сошлись, переплелись, звепят
Далеких дней невидимые нити.

И сотрясает будничный уклад
Предчувствие пророческих открытий.
Но тишины неповторимый лад
Дороже нам, пожалуй, всех наитий.

Не властна над тобою маета,
И в воздухе, закатом опаленном,
Чиста прожилка каждого листа.

В счастливый час под небом воспаленным
Дапо тебе увидеть неспроста,
Каким весь мир бывает просветленным.

8

Каким весь мир бывает просветленным,
Конечно, ты не ведал, не гадал,
Когда воображеньем распаленным
Вернуть назад прошедшее мечтал.

Над временем, в тебе запечатленном,
Ты сказочную власть приобретал.
Ты выпрямлял, что было искривленным,
Грядущую беду предупреждал.

Не так я пылче время измеряю,
И, обрета дорогу к тишине,
Я ни за что ее не потеряю.

Оставшись сам с собой наедине,
Как заклинанье, пылче повторяю:
Не возвращайся, молодость, ко мне!

Не возвращайся, молодость, ко мне.
 С тобой прощаюсь, молодость, навеки.
 Пусть, отражая небо в глубине,
 Вершат свой путь необратимый реки.

Играют блики на холодном дне,
 Смежаю я пылающие веки,
 И брезжут мне в туманной стороне
 Последние синеющие вехи.

Ну что ж. Тебе известно паперед
 Чередованье ночи и рассвета.
 Да будет вечен их круговорот!

Пускай над полем дымчатого цвета
 В янтарной мгле редет небосвод.
 Пускай в оврагах вымирает лето.

10

Пускай в оврагах вымирает лето
 И, удаляясь, меркнут голоса.
 Пронзительность таинственного света
 Слезою резкой нам слепит глаза.

Когда пройдет оцепененье это
 И задрожит над лесом полоса,
 За горизонтом пропадая где-то,
 Нам возвращают землю небеса.

Омытая невидимой рекою,
 В невидимой теряясь стороне,
 Земная твердь становится другою.

Прошелся ветер тихо по стерне.
 И все вокруг исполнено покоя,
 И паутинки тают в вышине.

И паутинки тают в вышине,
И тает небо холодной струйкой дыма.
Дыханье листьев, словно в полусне,
И ощутимо, и неощутимо.

И зреет слово в тайной глубине,
Оно еще пока необъяснимо.
Быть сопричастным этой тишине
Тебе, как никогда, необходимо.

И ничего не в силах позабыть.
Мне дорога осенняя примета,
Когда звенит серебряная нить...

Но что-то остается без ответа,
И ты никак не можешь уловить
Игру теней и призрачных просветов.

12

Игру теней и призрачных просветов —
Ты видишь — гасит вечер голубой.
Ветла, как охлажденная ракета,
Встает над почерневшею водой.

Мерцающая чуткая планета
Осенена сгустившейся листвою,
И если б мог, то я продлил не лето,
А листопад, летящий пад тобой.

Освобожден от будничного груза,
С травой и листвою наравне,
Ты весь во власти первозданных музык.

И то, что ныне непонятно мне,
В урочный час придиричивая муза
Пусть воскресит в вечерней тишине.

Пусть воскресит в вечерней тишине,
Соединяя нас, воспоминанье,
Дыханье учащенное свиданья
И силуэты смутные в окне.

Годами обостряется вдвойне
Понятное лишь нам предначертанье.
Не говори, устав от ожиданья,
Что Болдинская осень спит во мне.

Чеканных форм страшится мой язык,
И я боюсь, что стих мой не привык
К традициям классических поэтов.

И я пишу лишь только для тебя,
В ночи бессонной строчки торопя,
Венок из моды вышедших сонетов.

14

Венок из моды вышедших сонетов.
Ах, боже мой, какая старина!
Наверно, скажут: «Архаично это».
Наверно, скажут: «Заданность видна».

А я сошлюсь на осень. Для поэта
Пусть служит оправданьем она.
Она, увы, несовременна где-то
И тоже повтореньями полна.

Мой критик в спорах изощрен и прыток,
Но верю я: несовременный лад
Моих стихов простит мне все же критик.

Он тоже был — мне думается — рад,
Когда на гулких городских орбитах
Смешал сегодня краски листопад.

Смешал сегодня краски листопад.
Он суматошным был и иступленным.
И мы бредем с тобою наугад
По травам, порыжевшим и зеленым.

Сквозь листья пробивается закат.
Пронизан сад прозрачным небосклоном.
Вдруг на мгновенье прозревает взгляд,
Каким весь мир бывает просветленным.

Не возвращайся, молодость, ко мне!
Пусть в оврагах вымирает лето —
И паутинки тают в вышине.

Игру теней и призрачных просветов
Пусть воскресит в вечерней тишине
Венок из моды вышедших сонетов.

1969

УРОЧНЫЙ ЧАС

1

Прощай, мой снег, дарующий покой!
(Такой покой уж больше не приснится.)
Прощай, мой снег! Твой ответ голубой
Уж не смежит уставшие ресницы.
Не в первый раз прощаюсь я с тобой,
Но все никак я не могу проститься.
А «газик» начинает свой разбег
И разрыхляет затвердевший снег.

2

А на душе и смутно и тревожно,
И свет от снега просто нестерпим.
В Москве снега такие невозможны.
(Откуда взяться в сутолоке им?)
Над неподвижным лесом придорожным,
Смотри, застыл белесоватый дым.
И никого. И слушай на здоровье,
Как зазвучало белое безмолвье.

3

А я сегодня, признаюсь, смущен,
Что в тишине звучащей, как парочно,
Я прежнюю заботой поглощен —
Своим самоанализом дотошным.

В который раз мой дух отягощен
Давным-давно уже ушедшим прошлым.
И не пойму: зачем и почему
Я возвращаюсь мыслями к нему?

4

И вповь кого-то в чем-то уверяю,
И укоряю сам себя опять.
И старые ошибки повторяю
(Поскольку были — надо повторять),
И с новой болью прошлое теряю,
Хоть что терять — уж печего терять.
Ведь как бы ты ни мучился, ни страждал,
Но прошлое не потеряешь дважды.

5

А я терял сто раз его на дню.
И вповь теряю. Ну, скажи на милость:
Зачем его так бережно храпю?
Зачем во мне минувшее сгустилось?
Ушедший день совсем я не виню
За эту неотступную унылость.
Тоска и скорбь приходят не извне.
Они живут и властвуют во мне.

6

И я б не портил пыпче настроенье —
Что значит дальний отблеск для меня? —
Когда б тот дальний отблеск вдохновенье
Не отбирал у нынешнего дня.
И вкось и вкривь бегут мои мгновенья.
Я, призрачность прошедшего храпя,
Идущий день куда-то отодвинул
И в нем живу, увы, паполовину.

Густест лес, и дай нам бог в тиши
 Понять одну лишь истину простую:
 Как ты былой огонь ни вороши,
 Прошедшее уже не существует.
 В раскаянье нет творчества души,
 И снова сердце бьется вхолостую.
 Печешься ты не о чужой судьбе.
 Когда скорбят, скорбят лишь о себе.

Звени, мой снег! Не бойся нареканий,
 Не бойся, снег, навязчивых примет.
 Пускай исчезнет тень воспоминаний.
 (Исчезнет тень, но сохранится свет.)
 И толку нет от праздных ожиданий
 И от предчувствий предстоящих бед.
 Ведь день грядущий — знаем непреложно —
 Нам потерять уж вовсе невозможно.

Трудись, мой снег! Пускай сойдут на нет
 Никчемные, придуманные страхи.
 Зачем искать потерянный свой след?
 Зачем, скажи, нам спорить после драки?
 А будущий неведомый рассвет
 Еще не обозначен в полумраке.
 Он где-то там, в тумане. И для нас
 Важней всего летящее «сейчас».

«Сейчас», «сейчас» — оно неуловимо,
 Оно, наверно, призрак и пустяк,
 Когда ты в нем живешь наполовину,
 Да и живешь с прохладцей, кое-как.
 Но только в нем стремительной лавиной

Несется вечность, убивая страх.
И только в нем, молчащем иль ревущем,
Минувший день смыкается с грядущим.

11

Давно я философию отверг,
А сам опять пустился в рассужденья.
Что ж, помолчим и поглядим мы вверх
С необъяснимым тайным наслажденьем.
Край небосвода вдалеке померк,
Коснувшись снега мимолетной тенью.
И лес, туманом дышащий сейчас,
От нас отстал и медленно погас.

12

Бегут навстречу редкие деревья,
И по полю рассыпались дома.
С какой-то грустью детской и древней
Я говорю: прости меня, зима!
Прости меня, безмолвная деревня!
А в чем я каюсь — ведасшь сама.
Я каяться давно уж зарекаюсь,
Но пред тобой в последний раз покаюсь.

13

Я говорю «прости» не потому,
Что я тебя покинул и оставил,
Не потому, что в городском дыму
Я путь в другую сторону направил,
Не потому, что, судя по всему,
Нам не вернуться к прежней переправе.
Прости за то, что, дальний свой причал
Обосновав, тебя я поучал.

Ты мне всегда казалась неизменной,
 Как неизменны небо и трава.
 Обязана ты быть несовременной,
 Ты лишь несовременностью жива,—
 И этой мыслью, мыслью сокровенной,
 Я все свои пронизывал слова.
 И никакого не было мне дела,
 Чего сама ты, собственно, хотела.

С каким упорством я свой тратил пыл
 На поученье и на повторенье.
 Я был предельно искренним. Я был
 Напористым порой до одуренья.
 Но не деревню — я боюсь — любил.
 Себя любил на фоне той деревни,
 Себя я видел в зеркале стихов
 На фоне заповедных облаков.

За много лет, наверное, впервые
 Я осознал: нам просто повезло,
 Что на высоких скоростях Россию
 В обрывистый кювет не занесло.
 И слава богу: судьбы вековые
 Ей не мое наметило стило.
 Дыханье снега пусть меня остудит.
 Какой ей быть, такой она и будет.

Какую б участь ей ни предрекал,
 Как ни были б стремления прекрасны,
 Я в настоящем прошлое искал,
 И потому был поиск мой пристрастным.
 Спасая Русь, я объявлял аврал,
 Но был смешон я в рвении напрасном,
 Когда вперед, не ведая преград,
 Я шел с лицом, повернутым назад.

Мне вспомнилась поездка с журналистом
 (Я с ним давно и коротко знаком).
 В прохладном полусумраке ветвистом
 Мы выпивали вместе с лесником.
 А журналист на редкость был неистов
 И, сотрясая воздух кулаком,
 Вопил, как будто смерть ему грозила:
 — Люби, старик, люби одну Россию!

Не смей, старик, Россию не любить! —
 Во власти вдруг нахлынувшего страха
 И потерявши рассуждений пить,
 Он поперхнулся словом и заплакал.
 — Не могут пычке молодые пить, —
 Сказал лесник, чуть окаля, — однако.
 Ишь развезло. Но плачет-то не он,
 То плачет водка, плачет самогон.

Ах, как привыкли мы проникновенно
 Словами полустертыми бряцать!
 Привыкли мы с тобою дерзновенно
 С палета современность отрицать.
 Нам не впервой сурово и надменно
 Ее и обличать и порицать.
 Нам мысль все время не дает покоя:
 Как смеет современность быть такою?

Он не похож на прошлые века,
 Двадцатый век. Но что же в этом, право?
 Здесь по-другому дышат облака,
 Здесь в горькой гарн вымирают травы.
 Да, современность наша нелегка,
 Но ведь она дапа не для забавы,
 И в бесконечной суматохе дней
 Зачем-то мы необходимы ей.

Я полюбил старинное преданье,
Его простой, неторопливый слог.
Нет, в нем звучит не просто назиданье,
В нем мудрости проверенный итог,
Нам мужество дающий в испытанье.
Послушайте. Жил на земле пророк
Давным-давно. И жил он на Востоке,
Где жили и живут еще пророки.

И толпы день и ночь к нему текли,
Дабы коснуться праведного света.
Всех, кто хотел, он брал в ученики,
Не налагая никаких запретов.
Был дух его свободен от тоски,
Он не терпел обрядов и обетов.
И лишь в одном был непреклонен он.
— Не отрицай! — гласил его закон.

Таившего в глазах своих надменность
Всегда просил он только об одном:
— Не отрицай вслепую современность,
Учись понять, зачем мы в ней живем,
Пойми ее величие и ценность.
Ну, а ко мне... ко мне придешь потом,
Когда поймешь, что даже в колыбели
Ты был ей нужен для великой цели.

Я думаю сегодня: суждена
Жизнь долгая старинному сказанью
И современность не затем дана,
Чтоб быть наградой или наказаньем.
Какой бы горькой ни была она,
Нет повода для гнева и терзанья,
Когда во власти призрачных идей
Счет непомерный предъявляем ей.

И взгляд мой скорбно устремлен куда-то,
 И, возвращаясь мысленно назад,
 Былые беды, горе и утраты
 По-своему оцешивает взгляд,
 И он все время ищет виноватых:
 Друг или враг, но кто-то виноват.
 А я всего лишь только отраженье
 Навязанного кем-то окруженья.

27

И ни на миг не прозреваю я,
 Кляня извне растущие преграды
 (Они растут, растут день ото дня
 И преграждают путь, как баррикады),
 Что я их вызвал из небытия
 В часы печали, гнева и досады,
 В тревогах, суматохе и тиши
 Работой напряженною души.

28

Себя душевной истязая пыткой,
 Не ведаем мы сами, что творим.
 И рвется мысль, как стершаяся нитка.
 Пролег твой путь сквозь грохот и сквозь дым
 Извилисто, как он тобою выткан,
 Тобою выткан и никем другим.
 Да ты и сам наверняка заметил,
 Что он прерывист и не очень светел.

29

И нет сомненьям горестным числа.
 Ты молвишь в раздраженье постоянном:
 Вон та дорога весела, светла,
 А вот моя — окутана туманом.
 Но что слова? Холодная зола.
 Ты только тешишь сам себя обманом.
 А все дороги меж собой равны,
 И все они, коль хочешь знать, темны.

И зря раздумье давнее довлеет,
 Что все в твоей предрешено судьбе,
 И делает яснее иль темнее
 Дорогу свет, таящийся в тебе.
 И ты виновен нынче перед пею,
 Коль тьма сгустилась на твоей тропе.
 Ты все огни на скользких перекрестках
 Сам погасил своею волей жесткой...

31

Ну вот опять увлекся, как на грех,
 Я мысленным и нудным разговором
 И позабыл, что есть на свете снег,
 Летящий вкось над гаснущим простором.
 Я не бродил, наверно, целый век
 По мерзлым, твердым кочкам косогора.
 Здесь все другое. Воздух здесь — другой!
 Он так легко струится пад рекой.

32

Пропзительно и топко пад обрывом
 Безмолвье прорезают провода.
 Ложится снег на снег неторопливо,
 Прозрачным льдом подернута вода.
 И можно быть воистину счастливым,
 Когда вернешься и придешь сюда.
 Уходит все: и горечь и досада.
 Как мало все же человеку надо!

33

Я не сумею рассказать о том,
 Как радостно от хлынувшего света.
 Нет, эта радость не гремит, как гром.
 Но ты не сетуй, никогда не сетуй,
 Что не сверкает радость серебром,
 Что золотою не звенит монетой.
 Она, как снег, слегка приглушена.
 Она от суеты отрешена.

От суеты... Теперь пиши пропало:
 Сказал я это слово и притих.
 Мне за него уж столько раз влетало
 От постоянных критиков моих.
 Оно и вправду не переставало
 Непрошеным вторгаться в каждый стих.
 И в самом деле: будто бы другого
 Никак не можешь ты придумать слова.

Но не одно лишь только слово, пет.
 За все, за все мне доставалось, право:
 За то, что старомоден мой сюжет
 И заключен в холодную оправу,
 За то, что мой рассудочен сонет.
 Теперь, наверно, всыплют за октаву
 И скажут так: в стихах одно и то ж,
 Стих на другие образцы похож.

Я приношу смиренно извиненья
 За то, что свой не выполнил урок
 И что однообразно вдохновенье.
 Но подождите, дайте только срок,
 Я признаюсь: живет во мне стремленье
 Осовременить свой банальный слог.
 Дабы освоить нынешнюю тему,
 Возьмусь я для начала за поэму.

Зачем держать стихию в берегах
 И заключать в металл и камень пламя?
 Я строчкам дам воинственный размах,
 Такой размах, чтоб враз отшибло память,
 И только ветер засвистит в ушах
 Да будут рифмы сталкиваться лбами.
 Что делать? Любит современный век
 Во всем, во всем стремительный разбег.

И я сдержу, конечно, обещанье,
 Но не сейчас... когда-нибудь... потом...
 Сейчас одно морозное молчанье
 Беспрекословно царствует кругом.
 И надобно помедлить на прощанье
 Перед большим, решительным рывком.
 И ни к чему тут, согласитесь, спешка,
 И в тишине так сладостно помешкать.

В последний раз почувствовать снежок,
 Услышать, как хрустит он под ногами.
 В последний раз... Успеешь, мой дружок,
 Продолжить путь неровными рывками.
 Березы сбились на бугре в кружок,
 И горизонт стянуло облаками.
 И потускпел над Доном небосвод.
 — Пора! Пора! — гудит наш вездеход.

Пора! Пора! Но хорошо и славно
 Закрывать глаза и охладить свой пыл.
 А снег кружит и медленно, и плавно...
 И все-таки я что-то позабыл,
 Я не сказал о чем-то самом главном...
 А снег прорвался, хлынул, повалил
 На косогор и на речную пойму.
 Нет, подожди! Я вспомню... вспомню... вспомню...

1970

ПЕТР I

Холодный свет плывет над городом,
И налетевший ветер яростно
Скрипит качпувшимся рангоутом,
С размаху хлещет влажным парусом.

А за столом кают-компаний,
Сокрытым дымною завесою,
Тепло и душно, как в Гишпании,—
Зело накурено и весело.

Здесь чарки в миг урочный по́дняли;
Парик сомлевший сбился в сторону;
И наступившее безмолвие
Петром решительно оборвано.

Закат на стенах чертит полосы,
С тьмой нарастающею борется.
Простуженным и властным голосом
Застолье праздничное полнится.

«Пропахли руки наши порохом,
И, потеснив соседа дерзкого,
Душе российской любо-дорого
Гулять по морю по Остзейскому.

Хлебнули лиха полной чашею,
Но нынѣ славные викторин,
Труды и стойкость увенчавшие,
Отходят в собственность к истории.

Мы не склонились перед бедами,
И что начертано — сбывается.
Но не военными победами,
Поверьте, дух мой упивается.

Да навсегда вам будет ведомо,
Какою силой дух мой держится:
Горжусь я главною победою
Над предрассудком и невежеством.

Мы к цели шли вратами тесными,
Учебу счастьем считали мы,
И, раньше будучи неизвестными,
Мы стали ныне почитаемы.

Идя дорогою избранныю,
Путем, доселе неразведанным,
Не почести и не славу бранную —
Я мысль великую преследовал.

О ней, весь мир преобразующей,
Я, может быть, еще не сказывал.
Отчизна наша — мост связующий
Между Европою и Азией.

Мы вышли в дерзостное плаванье,
И я держу в душе, как заповедь:
Должны узреть мы в русской гавани
Восток, встречающийся с Западом.

Восходит ныне над Россиею
Очам невидимая радуга.
Вот почему с Александриею
Сравнить Петрополь было б надобно.

Свой гордый дух мы не унизили
И нашими трудами малыми
Хоть на иоту, но приблизили
К Европе горы Гималаевы.

Пускай хулу и нарекания
Разносит ветер над болотами.
Пусть злость клеветает. Пусть заранее
Я осужден недоброхотами.

Пускай пророчат глад и бедствия,
Пусть обличают речью страстною,
Что денно-нощно я злодействую,
Что я не царствую — тиранствую.

Взойдет из тьмы зерно созревшее,
И свет сквозь мрак и дым прорежется
Не я тиран. Тираны злейшие —
Упрямство наше и невежество.

Разить их каждое мгновение
Я почитал своей задачей
И, исчерпав до дна терпение,
Дубинкой головы обтачивал.

И все, чем жив я, было отдано
Для блага государства нашего.
Суров и жёсток был я к подданным —
С себя я вдесятеро спрашивал...

Пусть наши недруги, как фурии,
Вопль поднимают устрашающий.
Но если вправду был я бурей,
То был я бурей очищающей.

Пусть на меня клеветают истово
И тешат сердце кривотолками,
С душой бестрепетной и чистою
Предстану я перед потомками.

Я так скажу: мои деяния
Какой угодно мерьте мерою,
Но я прошел все испытания,
В одну Россию твердо верую.

И жил я мыслью сокровенною,
Душою гордо исповедуя:
Она одна на всю Вселенную
И ей соперница певедома.

Когда б велело провидение —
Для жребия ее бессмертного
Самим собой без промедления
Я б снова радостно пожертвовал.

Стояло б только перушимое,
Окутанное дымкой вечности
И в небеса уйдя вершинами,
Мое любезное отечество...»

СОН

(Сказка-притча)

Был государь с утра не в духе,
Был озабочен он зело,
И цепь алмазную на брюхе
Терзал он медленно и зло.

И все вокруг него томилось,
Скорбело все, куда ни глянь.
А царь ворчал:

— Скажи на милость,
Приснится ж такая дрянь.

А сон веселым был вначале.
Бес, как обычно, не стращал,
И никакой такой печали —
Казалось — сон не предвещал.

Царю изволило присниться,
Что он задумал торжество.
Царь вдругорядь решил жениться.
Он был женат. Но ничего.

Дабы покончить с этим разом
И не ударить в грязь лицом,
Царь государственным указом
Велел считать себя вдовцом.

И как же тут не веселиться,
Коль ныне царских ласк ждала
Девуца, ставшая царицей,
Весьма вальяжна и кругла.

Затем был пир, хмельной и долгий
Аж мглой глаза заволокло.
Одно он помнит.

В час недобрый,
Придвинув фряжское стекло,
Взглянул он в зеркало,
и что же —
Как будто ухнул в пустоту —
Вот это да, вот это дожпл:
Все зубы выпали во рту.

Объятый страхом и тревогой,
Уж не желая ничего,
Руками десны он потрогал:
Ну так и есть — ни одного.

И, не придя в себя от страха,
Царь в раздражении слепом
Ударил в зеркало с размаху
Своим державным кулаком.

Раздался нежный и хрустальный
Непостижимо-тонкий звон.
И, удрученный и печальный,
Проснулся царь.
В смятенье оп.

Он взглядом мутным и незрячим
Глядит куда-то в полутьму.
Что может сон сей страшный значить,
Что предвещает он ему?

— Где колдуны, где ворожеи? —
Царь закричал, вельми свиреп.
Им хоть бы хны.
Сидят на шее
Да даром жрут наш царский хлеб.

Позвать!
И царь жезлом ударпл.
Лицом стал черен, как чугуи.
И перед грозным государем
Явился тотчас же колдун.

Торчали пух и перья птичьи
В его браде.

 Был лик помят,
И было видно по обличью,
Что черт ему — и кум, и сват.

Оп на колени рухнул глухо.
А царь к губам поднес кольцо.
Чесночным духом и сивухой
Царю ударило в лицо.

Но царь по милости великой
Стерпел.

 Лишь нос поморщил оп.
— А ну не мешкай, объясни-ка,
Что предвещает дивный сон.

Под взглядом гневным и суровым,
Крестясь дрожащею рукой,
Колдун холодный пол дубовый
Боднул кудлатою башкой.

— Великий царь, беда и горе! —
Раздался вдруг истошный крик. —
Твой сон сулит тебе, что вскоре
Лишишься родичей своих.

Немного их уже осталось.
Но, видно, так господь судил,
Что ты, надежда-царь, под старость
Один останешься, один.

Смерть по твоим палатам бродит,
И все уйдут в могилу, все...
Царь помолчал, содвинул брови,
Что означало: быть грозе!

— Эй, стража! —

 топнул царь ногами. —
Пресечь худое волшебство!
Схватить, пытаться, бить батогами,
А опосля казнить его!

— За что, надежда-царь, помилуй!
Сам долго будешь жить зато. —

И долго неся вопль унылый:
— За что, пресветлый царь, за что?

И снова царь жезлом ударил,
И стал лицом еще темней.
И перед грозным государем
Возник из мрака чародей.

Из пустоты глухой и черной —
Казалось, сам собой возник.
И оторочкой золоченой
Сверкнул ажурный воротник.

Острокопечною бородкой
Он рассекал и свет, и мглу.
Какой-то палочкой короткой
Он трогал тени на полу.

И царь неспешно и зловеще,
Грудь оттопырив колесом,
Ему поведал сон свой вещий
И спросил, что значит сон.

И чародей, свой взгляд уставив
Куда-то вверх, за образа,
Хрустя холеными перстами,
Дерзнул на миг закрыть глаза.

Как будто тут же в одпочасье
Ушел в неведомую даль.
И вдруг вскричал:
— О, не печалься!
Ликуй, великий государь!

(Слезой счастья голос дрогнул.)
— Твой сон вещает, светлый царь,
Что будешь жить ты долго-долго,
Как жили предки наши встарь.

Удача ждет в затеях бранных
И ждет в любви удача тож.
Ты всех друзей, тобой избранных,
И всю родню переживешь.

Тебя господь, видать, отметил
Особой милостью своей.
Царь просиял.

Лицом стал светел.
Воскликнул зычно: — Казначей!

Опять сокрылся ты куда-то.
Повелеваем:

сей же час
Дать чародею меру злата,
Пушай добром вспоманет нас.

Что? Нету злата?.. Ты не очень.
Ведь я не кто-нибудь, а царь.
Так не шуткуй со мной.
А впрочем,
Обшарь опять заветный ларь.

И не брешь.
Не так я беден.
А то ли будет впереди.
Ну злата нет —
сребра пль меди,
Хоть что-нибудь, а паскреби.

Ступайте с миром.
Тих и ласков
(Ни дать ни взять — родной отец),
Простился царь.
И мы со сказкой
Простимся тоже, наконец.

Никто, надеюсь, не осудит,
В укор не скажет ничего,
Коль назидания не будет
В конце рассказа моего.

Нет никакой нужды в подсказке
(Тем паче, в наши времена).
А если есть мораль в сей сказке,
Она, ей-ей, и так ясна.

АКБАР

Он был весьма внимателен к врагам,
А поступал он с ними деловито.
И чтобы знать врагов по именам,
Он повелел вносить их в длинный свиток
Испытанному вонну.

И тот
Бессонными и жаркими почками
Скрипел пером, врагам теряя счет,
И вне себя от гнева и печали
(Он не писцом, а полководцем был),
Движениям резкими и злыми
Рубил, мечом невидимым рубил
Особенно затейливое имя.

Потом царю полночный труд вручал
С надеждой тайной.

Каждый мускул даже
В его лице отчаянно кричал:
«Когда, великий государь, когда же?»

Но государь глазами пробежал
Рассеянно реестр врагов суровый,
Как будто что-то тщетно в нем искал,
И, не найдя, не говорил ни слова.

И вновь мученья и труды зазря,
И дни ползли медлительной улиткой...
Но в этот раз бесстрастный взгляд царя
Вдруг озарился странною улыбкой.

И тронул царь бестрепетной рукой
Холодный свиток в тишине безгласной,

И чье-то имя четкою чертой
Он отчеркнул решительно и властно.

— Позвать гонца немедля во дворец! —
Слова звучали весело и гордо. —
Возьми письмо. Лети стрелой, гонец!
Вручи письмо властителю Голконды.

Уже гонец стремительный исчез,
Лишь тень его скользнула и пропала.
В окошке узком резкий блеск небес
Преображался в мягкий свет опала.

А полководец свой потупил взор,
И рухнул ниц перед лицом владыки,
И руки вверх молитвенно простер:
— Прости меня, о государь великий!

Прости меня, что я душой скорбел,
Прости меня за то, что с отвращеньем
Над списком, мне порученным, корпел
И угадать в смятенье не сумел
Твой грозный план невиданного мщенья.

В полночный час в незыблемой тиши
Трудился я, великий царь, с усердьем,
Но сам-то думал в глубине души,
Что ты к врагам чрезмерно милосерден.

А пынче ясно вижу, что они,
Исчезнувшие в джунглях и тумане,
Ничтожны, словно жалкие слепцы,
И недостойны твоего вниманья.

Но этот враг — опасен и умен,
Но этот враг — совсем другое дело.
Его знамена с четырех сторон
Теснят твои заветные пределы.

Но только зря, успехом упоен,
Он призрачным могуществом кичится.
Кляпсуь аллахом, пожалеет он,
Что на тебя посмел он ополчиться!

О, как ты прав, послав к нему гонца!
Пусть знает враг твой, главный и заклятый:
Не избежит он жалкого конца
И не уйдет от праведной расплаты.

Предчувствую, как будет месть сладка,
Какая радость в сердце возгорится.
Ты написал, что лезвие клинка
Его поганой кровью обAGRится?..

Акбар прервал усердного слугу,
Акбар сказал:
— Я написал не это.
А написал я своему врагу:
Привет тебе, мой друг переодетый!

1971

УЧИТЕЛЬ

Струнлся трав неповторимый блеск,
И умирали шорохи и крики,
И он глядел, как в глубине небес
Дрожат и гаснут золотые блики.
Огонь заката землю обрамил.
И подошел к Учителю брамин.

На теплое и тихое крыльцо
Упала тень рисунком удлинённым.
Раздумьем отягченное лицо,
Как это небо, было воспалённым.
Он был в одежды желтые одет,
Ученый муж, знаток священных Вед.

— Как воду губка, впитываю я
Твои, Учитель, сладостные речи.
Ты приоткрыл нам тайны бытия,
И все ж мой дух смущен противоречьем.
И я к тебе, Учитель, поспешил,
Чтоб ты мои сомненья разрешил.

Твои слова мне на душу легли,
Исполненные странного величья:
Меж звездами, меж солнцем и людьми —
Ты говорил — не может быть различья.
Различье это — выдумка и бред.
Как звезды, люди излучают свет.

Но если мир, по слову твоему,
Творцом и вседержителем был создан,
Тогда ответь, Учитель, почему

Мы видим лишь светящимися звезды?
Сияет свод небесной синевы.
А человек не светится, увь.

— Ты сам себя в порочный запер круг,—
Учитель рёк,— и все противоречья
Ты сам придумал. Пасмурен твой дух,
Всегда в смятенье он и недоверчив,
Себя он слышит. Больше ничего.
И все твои несчастья оттого.

В плену незатихающих страстей
Ты возле света бродишь, как в тумане.
Людей встречая, смотришь на людей
Сквозь плену сомнений и страданий.
Твой строгий ум, как пекий прокурор,
Заране им выносит приговор.

Ты о себе лишь помпишь каждый миг
И потому то гневен, то печален,
Не видишь света в спутниках своих
Потухшими и мертвыми очами.
Ты видишь то, что твой диктует страх.
Ты видишь в людях собственный же мрак.

А звезды... звезды слишком высоки,
И для твоих терзаний неотступных,
Для твоего унынья и тоски
Они, по счастью, просто недоступны.
И в их сиянье вечном ни на миг
Твое смятенье не коснется их.

Вовек недостижимые для нас,
Они глядят на землю нашу сверху
И гаснут в свой назначенный им час,
И никогда не меркли и не меркнут —
Как бы внизу ни суетились мы,—
Они от нашей близорукой тьмы.

Так говорил Учитель. И брамин,
Внутри себя смиряя раздраженье
И как бы сострадая, проронил:

— Боюсь, что ты во власти заблуждения.
Я досконально знаю весь завет.
Об этом в Ведах и намек пет.

Прощай, Учитель. Ждут меня дела.—
Безмолвно, безнадежно и уныло
Вечерняя клубящаяся мгла
Его в мгновение ока поглотила.
И вымолвил Учитель вслед ему:
— Воистину: уходит тьма во тьму.

1971

ПРОБУЖДЕНИЕ

1

Что-то в мире изменилось,
Небо круто наклонилось,
Небо вдруг соединилось
С отраженьем в родниках.
На какую-то минуту
Неподвижный дым окутал
Дальний лес, бугор, овраг.
Дымкой призрачной охвачен,
Не пойму, что это значит.
Все, как было,— и иначе,
Все, как прежде,— и не так.

2

Вижу будто бы впервые:
Травы встали, как живые,
И тропинки полевые
Воспарили над рекой,
Устремленные куда-то.
Все вокруг меня объято
Первозданной тишиной.
И в беззвучном озаренье
Мне почудилось в забвенье,
Будто стал я на мгновенье
Речкой, листьями, травой.

Под спускающимся небом
 Мир таким, наверно, не был.
 Поисволе веря в небыль,
 На лице я ощутил
 Чей-то отблеск и сверканье,
 Чье-то легкое дыханье,
 Словно взмах незримых крыл.
 И над берегом отлогим,
 Где узлом сплелись дороги,
 «Кто ты?» — в страхе и тревоге
 Я растерянно спросил.

4

В неподвижно-резком свете
 То ли облак, то ли ветер,
 Только кто-то мне ответил,
 И тотчас услышал я
 В удивлении безмерном:
 — Я, наверно, я, наверно,
 Радость светлая твоя,
 У которой нет названья,
 У которой есть призванье
 Воскресить очарованье
 Ускользнувшего ручья.

5

Если спросишь: «Ты откуда?
 Чудо ты или не чудо?»,
 Непонятная покуда,
 Я ответу не тая:
 «Я — твой отзвук...» — Подожди-ка,
 Это странно, это дико, —
 Перебил в смущенье я. —
 Есть ли смысл какой-то в этом?
 Я сужу по всем приметам,
 Что тебя на свете нету.
 Ты лишь выдумка моя.

Я скажу, отбросив толки,
 Ты — сюжет стиха, и только...
 Звонкий-звонкий, тонкий-тонкий
 Смех послышался в ответ.
 Так, наверное, смеется
 Ручеек, поймавший солнце,
 Так звенит звучащий свет.
 — Люди очи проглядели,
 Угадать они хотели:
 Есть ли я на самом деле,
 Может, да, а может, нет.

Только разве важно это,
 Если все вокруг согрето
 Надвигающимся летом
 И весенней спневой.
 Ведь всего важнее, право,
 Чтоб дарила нам дубрава
 Запах свежести лесной,
 Чтоб безмолвье нас коснулось,
 Чтоб природа вострепелась,
 Чтоб душа твоя проснулась,
 Чтоб ты стал самим собой.

— Нет, — упрямо я заметил, —
 Если вправду на рассвете,
 Не бросая слов на ветер,
 Ты с людьми накоротке
 И, застыв над крутизною,
 Говоришь сейчас со мною
 На беззвучном языке,
 Если нам ты не приснилась,
 Если с нами породнилась,
 То яви такую милость:
 Покажись хоть вдалеке.

— Слышишь шелест, слышишь шорох
 Трав, затерянных в просторах,
 Видишь, выйдя на пригорок,
 Как глаза слепит ручей?
 Каждый всплеск и дуновение
 Принимай как откровенье
 Вечной радости твоей.
 В час воистину великий
 В птичьем щебете и крике,
 В каждом шорохе и блике
 Угадать меня сумеи.

10

А когда ночные тепи
 Удлинились, загустели,
 Не считай свои потери
 С тишиной наедине.
 Если даже на мгновение
 Ты отбросил все сомненья,
 Все, идущее извне,
 И, прислушиваясь к травам,
 К перекатам величавым,
 Ты приблизился к дубравам,—
 Ты приблизился ко мне.

11

Если чутко на тропинке
 Голос тоненькой былинки,
 Смех мелькнувшей паутины
 Различил ты в гулах дня,
 Если тихими руками
 Врачевал скорбящий камень,
 Теплоту его храня,
 И, проникнувшись доверьем
 К обступающим деревьям,
 Ты внимал вестям их древним,—
 Был в гостях ты у меня.

— Почему ж скользишь ты мимо?
 Почему неуловима?
 Почему, как струйка дыма.
 Ты уходишь в глубь небес?
 Объясни, что это значит?
 Почему, скажи, обманчив
 Твой колеблющийся блеск?
 И зачем безмолвным громом
 Разгоняешь сон и дрему
 И дыханьем невесомым
 Ты тревожишь древний лес?

13

— Я сказала: прочь сомненья!
 Мне смешны твои сравненья.
 Я — мгновенье, я — мгновенье,
 Я — короткая строка.
 Властной магией минуты,
 Как в строке, во мне замкнуты
 Все ушедшие века.
 Я — мгновенье, пред которым
 Раздвигаются просторы,
 Открывая нашим взорам
 Все, что в будущем пока.

14

Сколько минуло столетий!
 Сколько раз они, как дети,
 Всё меня ловили в сети,
 Чтоб в лицо мое взглянуть.
 Но увь: истлели сети,
 Стариками стали дети,
 Не прервав мой зыбкий путь.
 И, устав стоять на страже,
 Поседело время даже,
 Одряхло время. Я же
 Не состарилась ничуть.

Неразрывная с веками,
 Я витаю с облаками,
 Я звеню пад родничками,
 Словно эхо белых стай.
 И следит, как коршун, время
 За движеньями за всеми,
 В птичий вслушиваясь грай,
 Вновь готовясь к жаркой схватке.
 Я же с ним играю в прятки,
 И в ответ на все догадки
 Я кричу: «А ну, поймай!»

В вечно праздничном движенье
 Без тоски и напряженья
 Я дарую вам решение
 Всех вопросов, всех тревог.
 Не валите всё на случай,
 Я — ответ на все, что мучит,—
 Задавай любой урок.
 Что бы вы ни попросили,
 Дастся ныне без усилий,
 Но мои ответы — символ,
 Только символ и намек.

И не надобно обетов,
 Чтоб понять мои ответы.
 Встань до света, встань с рассветом,
 Если сердцем ты готов
 Слушать, словно предисловье,
 Говорящее безмолвье,
 Равномерный ритм ветров.
 Нет правдивее ответа,
 Если соткан он из света,
 Из движений плавных веток,
 Из цветов и облаков.

Но промолвил я: — А все же —
 Признаюсь — одно и то же
 В глубине меня тревожит,
 Мысль мою и дух тесня.
 Вснышкой призрачной и странной
 Разрезая мир туманный,
 Превратясь в дыханье дня,
 Что ты все-таки пророчишь
 Над холодной мглой урочищ
 И чего, скажи, ты хочешь
 В это утро от меня?

— Я хочу, чтоб в час свершенья
 Верил ты без принужденья
 Своему воображенью,
 Отрешившись от забот.
 Пусть оно расправит крылья,
 Пусть сегодня станет былью
 Свет невидимых высот.
 День решительный пагрянет:
 Растворится все в тумане,
 Лишь оно нас не обманет,
 Лишь оно не подведет.

Только сердце что-то значит,
 Только сердце наше зряче,
 И мерцает, и маячит
 Недоступный слуху стих.
 Сердце мир волшебный прячет,
 И оно куда богаче
 Жалких выдумок твоих.
 Не смущайся мыслью дерзкой:
 Сказки сказывают, дескать.
 Ты поверь ему по-детски,
 Ты поверь хотя б на миг.

Если б ты в какой-то мере
 Сердцу радостно поверил,
 Распахнув глухие двери,
 То тогда бы... — Что тогда? —
 Но тревожно над обрывом,
 Словно сдвинутые взрывом,
 Покачнулись провода.
 И, мешая свет и тень,
 Заметались чьи-то тени,
 И в нахлынувшем смятенье
 Закричал я: — Ты куда?

22

Из лесного полумрака
 На меня дохнуло страхом
 И ударило с размаху
 Сжатым воздухом тугим.
 Ветки вдруг зашевелились,
 И, как некий демон, вылез
 Из оврага черный дым.
 Что такое ополчилось?
 Ничего не приключилось.
 Просто время подключилось.
 Просто стало все другим.

23

— Ты куда? — вскричал я снова,
 Будто рушилась основа
 Мира нашего земного,
 И прибавил: — погоди.
 Ты оставь хотя бы эхо,
 Обозначься смутной вехой,
 Малой вехой на пути.
 Я тебя, наверно, сдуру,
 Как пушинку, словом сдунул...
 Если я тебя придумал,
 Все равно не уходи!

Но никто мне не ответил.
Налетел и схлынул ветер.
Что ему и я, и эти
Запоздавшие слова!
Да в предчувствии дубравы
Потекли быстрее травы,
Неподвижные сперва.
И под птичий писк и ругань
Ивы обняли друг друга,
И, струясь над влажным лугом,
Зубы студит синева.

1971

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДОСТИ

1

Зеленый цвет — предвестье волшебства.
Ты поначалу не поймешь, откуда
Такая радость и какое чудо
Пронизывает мысли и слова.

А это опаленная листва
Струит свой свет над суетой и гудом,
И вспыхивает солнце изумрудом,
В густых ветвях запутавшись сперва.

О, как правдиво древнее преданье,
В котором цвет зеленый паречен
Эмблемой чистоты и обаянья.

Твое смятенье приглушает оп.
И мягкое и тихое сиянье
Заполнило тебя и небосклон.

2

Из глубины незримой, сокровенной
Он нарастает теплою волной,
Захватывая землю постепенно,
Цвет желтый, золотистый, золотой.

Он поражает взгляд мой неизменно
Неуловимо-плавной красотой.
Мой мир, мой дух, мой внутренний настрой,
Как никогда, созвучен всей Вселенной.

Настал урочный, долгожданный срок.
Ты подглядел, подслушал, подстерег:
Слились в одно земля и поднебесье.

Ты ощущаешь, как царят вокруг,
Твоей души коснувшиеся вдруг,
Гармония, единство, равновесье.

3

Орапжевый густой горячий цвет,
Как будто вспышкой солнца обожженный.
Он символ мысли нашей напряженной,
Самозабвенно ищущей ответ.

Он воплощает творческий завет,
В неведомое вечно обращенный.
Лик бытия, другой, преображенный,
Еще не видя, чувствует поэт.

И вот оно — великое мгновенье,
И вот оно — последнее звено,
И к горлу подступают откровенье.

А как назвать прозренье — все равно.
Ты говоришь, что это — вдохновенье.
А может, ясновиденье оно?

4

То нежный, то мятежный, то суровый
Все время изменяющий тона,
Цвет розовый, рубиновый, багровый.
Оттенки гаснут. Суть всегда одна.

Сжигает вечность ветхие покровы,
Объяла красным пламенем она
Все то, что поднимается со дна,
Все то, что превращается в оковы.

Власть над людьми отрицует властный цвет.
В нем гнева нет и ненависти нет.
Усилия злые тщетны и напрасны.

И, в человеке зверя истребя,
Звучит над миром: «Побеждай, любя!»
Лишь той победе все сердца подвластны.

5

Неповторим сегодняшний закат,
Торжественен, лилов и фиолетов.
Под треск неумолкающих цикад
Плывет в закат сверкающее лето.

И облака мерцают и скользят,
За горизонтом исчезая где-то,
И в бликах аметистового цвета
Ажурной башней вырастает сад.

Таинственная дымка ожидания
Застлала потемневшие глаза,
Окутала искрящиеся зданья.

Горят и не сгорают небеса.
Свет космоса и тени мирозданья
Легли на землю, реки и леса.

6

Смирив опять сомнение глухое,
Мы в синеву с тобой погружены.
Течет неторопливо пад рекою
Цвет мудрости, раздумий, тишины.

В ничем не нарушаемом покое
Мы от самих себя отрешены.
И сложные вопросы не сложны,
Когда вокруг безмолвие такое.

И паша мысль не цепенеет, пет.
В себя вбирая неотступный свет,
Твердеет слово и гудит тревожно.

Опо вершит свой четкий путь во мгле
И утверждает небо на земле
Решительно, немедленно, непреложно.

И, наконец, как будто взрыв потряс
 В холодной тьме замкнувшиеся горы,
 И белый луч внезапно, как алмаз,
 Разрезал неподвижные просторы.

И затихают сразу, в тот же час
 Все паши ссоры, споры, разговоры,
 Мы попевале опускаем взоры,
 Поскольку солище ослепляет нас.

Нам белый цвет пока еще неведом.
 «Да есть ли он?» — твердит нам суета.
 «Да есть ли он?» — мы повторяем следом.

Он есть, коль отступает темнота,
 Цвет силы, мощи, радостной победы,
 В себя вобравший прочие цвета.

Но он доступен духу, а не глазу...

1972

ВЕСТЬ

Встань, друг. Получена весть.
Окончен твой отдых...

Н. Рерих

1

Отдых окончен. И пынче тебе
Четко памечена новая вежа.
Но окликает на узкой тропе
В час расставанья пегромкое эхо.
Остановись и взглядишь, человек,
В этот сверкающий красками полдень.
Все, что теперь оставляешь навек,
Помни!

Как устремлен в неизвестное взгляд,
Как напряжен в ожиданье разлуки!
Линии света призывно звенят,
Краски, светясь, превращаются в звуки.
Все, что звучит и искрится сейчас,
В сердце твоём отзывается болью.
Это не стон, не мольба, а приказ:
Помни!

Помни метнувшийся в руки цветок,
К небу упрямо тянувшийся стебель,
Словно никак разглядеть он не мог
То, что так смутно очерчено в небе.
Все, что неведомо пынче для нас,

«Весть» — это монолог Н. Рериха, в котором звучат строки стихов и дневников великого русского художника, четверть века прожившего в Индии. Имя *М а й т р е й и* (к его образу постоянно обращается Рерих в своих картинах) заимствовано из восточных преданий. Майтрейя — олицетворение света, добра и любви.

Все, что лишь ты озарением понял,
Этот предел, недоступный для глаз,
Помни!

Грохот, и рокот, и шорохи трав
В воспоминаньях моих возникают.
Но, отзвучав и преданием став,
Шорох и грохот навек умолкают.
Но остается безмолвие гор,
Воздух, недвижно застывший над поймой.
Этот беззвучный и вечный простор
Помни!

Голос безмолвья сквозь грохот и дым
Вновь во Вселенную нашу прорвался.
Он овладел вдохновеньем твоим,
Он овладел опаленным пространством.
Этот бессмертный и радостный зов,
Что небосвод и всю землю наполнил,
Что человеку понятен без слов,
Помни!

2

Горы сверкают и меркнут вдали.
Мгла над тобою клубится глухая,
Словно сгущаются тени земли,
Землю в магический круг замыкая.
Тени и тени, куда ни взгляни.
Переплстаясь, ползут, приближаются.
Страхом в лицо твое дышат они.
Темные тайно и явно сражаются!

Гасит последние блики волна.
Мгла оседает туманом и пылью.
Над неподвижностью трав тишина
Вновь распростерла широкие крылья.
Реки в тумане текут не спеша.
Сонные ветки в волну погружаются.
Вымерли звуки. Но чувствует душа:
Темные тайно и явно сражаются!

Длится и длится невидимый бой.
Он страшней, чем открытая схватка.
Сумрак в себе растворив голубой,

Тьма вырастает безмолвной загадкой.
Как разомкнуть заколдованный круг,
Если в смятении мысли мешаются?
Вновь сокрушая сомненьем твой дух,
Темные тайно и явно сражаются!

И сотрясает твое бытие
До основания великая битва.
Неотвратимо сегодня в нее
Вовлечена вся земная орбита.
За горизонт уходя, облака
Громом и тучами к нам возвращаются.
Память твою озаряют века:
Темные тайно и явно сражаются!

Мрак загустел, затвердел, как гранит,
Замуровал и пути и тропинки.
Вечной тревогою ночью звенит
Тонкий пронзительный голос былинки.
Воздух и тот напряжен и упруг.
Рушатся горы и вновь возрождаются,
Эхом весь мир заполняя вокруг:
Темные тайно и явно сражаются!

3

Что это — отсвет случайный огня?
Призрачный отсвет? Иль что-то другое?
Плотным кольцом охвативши меня,
Ночь ворожит над остывшей рекою.
Но различает слабеющий взор,
Как обозначились на небосклоне
Над очертаньями смутными гор
Красные копи, красные копи.

Все ожиданьем звещающим полно,
Все, что застыло, молчит и уснуло.
Чуткое ухо давным уж давно
Слышит раскаты далекого гула.
И тишина, воплотившая страх,
Топет и гложет в пахлынувшем звоне.
И проступают сквозь холод и мрак
Красные копи, красные копи.

Все в ожидапье. Ручьи, как мечи,
Мглу рассекают холодным мерцапьем,
И зазвучали в тревожной почы
Кампы, хранившие только молчапье.
А у гнилого, трухлявого пня
Тебя свернулись в клубок, помертвели.
Мчатся предвестники нового дня —
Кони Майтрейи, кони Майтрейи!

Это не всплески зарниц огневых.
Это не светлые точки во мраке.
Это начавшийся солнечный вихрь
С неба сметает неверные знаки.
Это, взрывая туманный покров,
В неудержимо-могучем разгоне
Хлынули в узкий разрыв облаков
Красные кони, красные кони!

Мир, разрозненный предчувствием бед,
Соединяется в звонкие звенья,
И парастает ликующий свет
С каждой минутою, с каждым мгновеньем.
И, отраженные в реках стократ,
Над пробужденной землею все быстрее
Красными стрелами в небе летят
Копи Майтрейи, кони Майтрейи!

4

Отблеск снегов из тумана воскрес,
И пронизали тебя и простор
Сияя вспышка прозрачных небес
И голубое дыхание гор.
Воздух струящийся, вязкий, густой
Жарким сиянием красок согрет,
И, приглушенное пестрой листвою,
Пламя меняет свой яростный цвет.

Вольно и празднично дышится здесь,
И первозданно гудит небосклон.
Радостью соткана светлая весть,
Весть наступающих новых времен.
Мрачные блекнут и меркнут тона.

Сходит, решительно сходит на пет
Все, что, как накипь, поднялось со дна.
Пламя меняет свой яростный цвет.

И вопрошающе смотрят века
Грузными глыбами из темноты.
Правда грядущего так высока,
Что перед нею тускнеют мечты.
Если ж прекрасными были мечты,
Как же прекрасен быть должен ответ!
Счастьем считай, что почувствовал ты:
Пламя меняет свой яростный цвет.

Скучных оттенков не терпит заря,
Красок тоскливых в себе не таит.
Преображенная за ночь земля,
Как неотпитая чаша стоит.
Счастьем считай, что увидеть дано,
Как эту чашу наполнил рассвет.
Новое солнце пустите в окно!
Пламя меняет свой яростный цвет.

Слушайте, люди, что скажет гонец!
Слушайте, люди, певца как гонца!
Призрачным страхам наступит копец,
Но просветленью не будет конца.
Вечность лишь там, где творит человек,
Где ни унынья, ни праздности нет,
Где, вырываясь стремительно вверх,
Пламя меняет свой яростный цвет!

5

Путник, твой путь начинается снова!
Блики незримых небес не забудь.
Облаком света зовущее слово
Пересекло твой извилистый путь.
К вечным источникам звуков и цвета
Я припаду и устами коснусь.
Словно ручьи, охлаждающие лето,
Вместе слились Гималаи и Русь.

Тропка над бездной грозит оборваться,
И открывается нам с высоты
Неповторимая радость пространства,

Неизреченная мощь красоты.
И самоцветное небо пылает,
И ошибиться я нынче боюсь:
Может быть, это снега Гималаев?
Может быть, это снега твои, Русь?

В звездном прозреньи и визге метельном
Две беспредельности. Горы и гладь.
Но беспредельное лишь беспредельным
Хоть на мгновение можно объять.
Небо к глазам воспаленным придвинув,
Я усмиряю смятенье и грусть.
Необратимо сошлись воедино
В сердце моем Гималаи и Русь.

Может, даны и великая вера
И вдохновенно-провидческий дар,
Чтоб мы замкнули гигантские сферы —
Небо и землю — в светящийся шар.
Не потому ль к глубине сокровенной
Мыслью полночной тянусь и тянусь.
Слышу я голос единства Вселенной
В дивных словах — Гималаи и Русь.

Каждый рассвет и зимою и летом
Лишь знаменует начало труда,
И отдыхать от небесного света
Не суждено нам с тобой никогда.
Духу в бореньях его помогая,
К первоисточникам света вернусь,
К синим вершинам твоим, Гималаи,
К синей твоей бесконечности, Русь!..

ПУТИ ЛЮБВИ

Ларисе

1

Вот и настал тот долгожданный час,
Который только раз в году бывает.
Но тишина, объемлющая нас,
Меня сегодня неспроста пугает.
Мы сутолокой все оглушены.
Раздражены. И все-таки напрасно
Мы, как спасенья, жаждем тишины,
Зря на нее так уповаем страстно.
Что из того, коли придет опять,
А мы все в той же спешке чрезвычайной.
А мы не знаем, как ее принять.
Что ей сказать... Она как гость случайный.
Мы рады даже, и душа горит,
Но не о чем нам с нею говорить.

2

Что тишина! Пусть город умолкает.
Она, увы, приходит невпопад.
Мерцают мысли в тишине, мелькают.
Они как колокольчики звенят.
О, сколько их!.. Попробуй сладить с ними,
Восстановить нарушенный покой,
Не властен ты над мыслями своими.
Они скорее властны над тобой.
И мир безмолвья твоего расколот.
Гудят, как пчелы, мысли в темноте.
А эта, словно стопудовый молот,

Рождает эхо в праздной пустоте.
И не поймешь, зачем она в полпочи
Так яростно, так ревностно грохочет.

3

Никто, ничто ни на единый миг
В тебе твое смятенье не заглушит.
Пусть не умеем слушать мы других,
Самих себя хотя б учились слушать.
Мы от самих себя отделены
Невидимой, но прочною стеною.
И тишина волною вдоль стены
Меня опять обходит стороною.
Ведь это так — для слога, для души —
Мы говорим, что, дескать, мозг пылает.
А мозг — болтун, и он в ночной тиши
Без умолку болтает и болтает
И вдохновенно гасит каждый раз
Безмолвье, возникающее в пас...

4

О, как раздумья праздные мои
Готовы тотчас перейти в сомненье!
Как мы мешаем собственной любви
Воспоминаясь, мыслями, сравненьем.
И сколько правил, наставлений, догм
В глубинах нашей памяти хранится.
Мы почитаем за священный долг
Наметить четко для любви границы.
Установить незыблемый предел.
Уж что другое, это я умею.
Среди текучки неотложных дел
Я как бы опекуновствую над нею
И указую ей, перстом грозя:
Вот это можно, а вот то пельзя!

5

Нас удивляет суматоха дней
Какой-то повторяемостью странной.
Но что же ищем мы в любви своей?
А мы ведь ищем, ищем непрестанно.

Что ищем мы? Себя и свой успех?
Кто нас искать, неведомый, заставил
Ушедший день и прошлогодний снег,
Что, слава богу, уж давно растаял?
Ни прошлого, ни будущего нет,
И потому окончены сравненья.
Есть только ты и неотступный свет,
Есть только радость каждого мгновенья.
А поиск мой упрямый и слепой
В любви лишь может обрести любовь.

6

Мы в свет войдем, охваченные светом,
Но не коснемся пламени его.
И нашей мысли заземленной это,
Быть может, непонятнее всего.
Как странен мир. Знакомая окрестность
Как бы рожденной заново встает,
И бесконечность, вечность, неизвестность
Таит в себе высокий небосвод.
Тускнеет мысль и меркнет, меркнет, меркнет
И исчезает где-то наконец.
Она все ищет подходящей мерки,
Она все ищет должный образец,
Постижь пытаюсь тщетно и напрасно
Все то, что ей, по счастью, неподвластно.

7

Мне кажется порою, что любовь
(В моей душе ей все открыто, право),
Смягчая нашу внутреннюю боль,
Глядит на нас с улыбкою лукавой.
И, пожимая мелочность тревог,
Смятенье и сомнение любовое,
Она не судит нас — избави бог! —
Тогда б она и не была любовью.
Она лишь милосердие дарит,
И взгляд ее раскрепощенный светел.
И мы с тобою — что там говорить! —
В сравненье с нею все равно что дети.
И как бы мы ни выжились подчас,
Любовь и старше и мудрее нас.

Но все же как захватывает нас
 Калейдоскоп иллюзий и событий.
 И я не помню, уж в который раз
 Я с силой рву натянутые нити.
 И мне сейчас, ей-богу, псевдомек,
 Как нас пронизывают токи.
 Ведь мы вошли в невидимый поток,
 Ведь мы с тобой в светящемся потоке.
 И все смятение прежних дней моих,
 И все, что в сердце суетном творится,
 И все, что мучит даже в этот миг,
 Уляжется, осядет, растворится.
 Как сказано устами мудреца:
 Любите лишь и верьте до конца!

Коль по привычке стародавних лет
 Сравнить любовь с огнем необходимо,
 То это — пламя чистое, как свет,
 Без примеси, без копоти, без дыма.
 Но, боже мой, какая гарь опять
 Колеблет пламя и туманит зренье!..
 Кому-кому, а мне ли да не знать,
 Как душат ревность, страхи, подозренье.
 И сколько раз любой свой день, любой
 Я начинал уныньем и тоскою...
 Любовь, любовь. Нет, это не любовь,
 А что-нибудь совсем, совсем другое!
 И будет ложь помножена на ложь,
 Когда любовью это назовешь!

Любовь как пламя. И любую тьму
 Бестрепетно то пламя переплавит.
 Не доверяй холодному уму!
 Отдай себя, чтоб было выше пламя!
 Как весел свет высокого костра!
 Любовь жива, любовь права навечно
 Лишь потому, что царственно щедра,
 Лишь потому, что царственно беспечна.

А если б сомневалась каждый раз
Да все решала б для себя задачу:
Вот это я оставляю про запас,
А это я на черный день припрячу,—
Что было б с нею? Словно скопидом,
Погибла б под накопленным добром.

11

В каких-то дальних тайниках души,
Хоть в этом не посмеем мы признаться,
Мы взвешиваем, словно торгашин:
Не прогадать бы, вновь не обознаться.
О, как же мучат этот вздор и тлен!..
А в жизнь вторгаться надобно с азартом
И ничего не требовать взамен,
Не вычислять: а что же будет завтра?
А почему не через сто веков?
И что мне падо? Ничего не падо.
Мне этот мир в сверканье облаков
Сам по себе уж лучшая награда.
И слово «жить» педаром, может быть,
Ставится синонимом «любить».

12

Уходит страх, в себя вобравший мрак.
Сомкнулись ветлы бережно и плавно.
Любовь не может тайной быть никак,
Она была, и есть, и будет явной.
В сумятице стереотипных дней,
Себя не выдав ни единым словом,
Ее, положим, скрою от людей
Под маской равнодушья показного.
Я буду убедительным вполне.
Себя сдержу я размышленьем здравым.
Но как солгу я этой тишине,
Солгу вот этим облакам и травам.
Ведь я и сам безмолвие ловлю
С одной лишь целью, чтоб сказать: люблю!

Любовь не слышит мой тревожный глас,
 И я всегда теряюсь перед нею.
 Скрывать ее от посторонних глаз,
 Держать в узде совсем я не умею.
 Как удержать? Слова лишь звук пустой.
 Она не внемлет, ничему не внемлет,
 Она весь мир с толпой и суетой
 Своим дыханьем радостным объемлет.
 И в каждом встречном вспыхивает свет,
 И каждый миг торжественен и светел.
 Да как же раньше в суете сует
 Не разглядел я это, не заметил?
 И полон я желанием одним:
 Служить Вселенной именем твоим.

А мир вокруг и бодрствует и дремлет,
 Неразличим с землею небосклон.
 Над кронами качнувшихся деревьев
 Замедлилось течение времен.
 Бег облаков сквозь листья незаметен,
 И кажется далеким и смешным
 Счет на секунды, годы и столетия.
 Неужто что-то связывало с ним?
 Как будто вечность нам в лицо дохнула,
 И что слова. Зачем они, слова?
 Не тронутая гомоном и гулом,
 Не тронутая временем трава,
 Коснувшись осторожно изголовья,
 Нас погружает в теплое безмолвье.

Я счастлив вповь, что тихая листва
 Дарует нам с тобою благосклонность.
 Безмолвье, вечность — это все слова,
 Боюсь, что это — некая условность.
 Их глубину нисколько не темня,
 Я от себя и от других не скрою:

Они звучат загадкой для меня,
Их надо расшифровывать порою.
Но чтоб воскрес из темноты слепой
Смысл этих слов, таинственный и дальний,
Я вместо них поставил бы «любовь»,
И сразу б, тотчас прекратились тайны.
И сразу, без труда и волшебства,
Плоть обретут бесплотные слова.

16

Над нами небо распростерлось немо,
И слился день с дыханием его.
И все, и все пронизывает небо,
И кроме неба нету ничего.
И не понять, что б это означало.
Кто объяснит? Никто не объяснит.
Но отовсюду небо зазвучало,
В любой быллинке небосвод звенит.
И все вокруг: и шорохи, и звуки,
И облака, и неподвижный дым,
И всплеск речной невидимой излуки
Насыщены безмолвьем голубым,
И с постоянством, в наше время редким,
Слова любви раскачивают ветки.

17

Любовь есть сон. Так говорил поэт
И добавлял: должно быть пробужденье.
Не стоит, может, через столько лет
Вторгаться мне в чужие размышленья,
Но убежденье давнее растет,
И нет в словах ни спешки, ни горячки.
Какой там сон! Совсем наоборот.
Я лишь сейчас очнулся, как от спячки.
Любовь, любовь освобождает дух,
И круг порочный накопец-то прорван!
И лишь сейчас, и то еще не вдруг,
Мир обретает истинные формы.
А до нее — теперь понятно мне —
И я и всё как будто в полусне.

Незримый свет меня объемлет разом,
 А все сомненья — это до поры.
 Не выдумка досужая, не фраза:
 Любовь и вправду создает миры.
 Не подправляет, не преобразует,
 А именно творит и создает,
 Дыханием светящимся связует
 Земную твердь, межа и небосвод.
 Встречает нас великое молчанье,
 И ты сначала даже не поймешь,
 Что этот мир лишь внешне, лишь случайно
 На прежнюю Вселенную похож.
 Похож, похож и синевой и зноем,
 Но каждый атом дышит новизною.

Далекый гул прервался и затих,
 Затих, как будто никогда и не был.
 И нет меня, и мыслей нет моих,
 А есть одно сверкающее небо.
 А где же то мятущееся «я»,
 Что бегало, искало, угрожало,
 Что, не смущаясь, центром бытия
 Воинственно себя воображало.
 В прозрачно-первозданной глубине
 Дым затвердевший тает постепенно.
 И, возникая исподволь, во мне
 Звучит, звучит безмолвие Вселенной.
 Должно быть, вечность именно сейчас
 Неодолимо воскресает в нас.

Зной над землею распаренной струится,
 Колышет травы теплою волной,
 И исчезает зыбкая граница
 Меж листьями, и травами, и мной.
 Ничто во мне мой мир не потревожит.
 Я знаю точно: так и быть должно.
 Границы нет. И быть ее не может,

О ней и думать в этот миг грешно.
А «травы», «листья» — это лишь пазванья,
К которым прибегаем, может быть,
Чтоб погасить звучащее сиянье,
Чтоб выделить себя, чтоб отделить.
А нам пельзя, нельзя ни на мгновенье
Единство света предавать забвенью.

21

Быть может, назначение любви
И смысл ее извечный, сокровенный —
Вот это единение с людьми,
С землею, с небом и со всей Вселенной.
В молчании распаханых полей,
В безмолвии летящего мгновенья
Мы ощущаем во сто крат сильней
Всю красоту такого единенья.
И умирает, в травах растворясь,
Настороженность паша, отчужденность,
Со всем живущим радостная связь
В тебе проснулась как освобожденность.
Кончают мысли суматошный бег,
И нет меня, отдельного от всех.

22

И парастает радость бытия
Неукротимо и необратимо.
Она, заполонившая тебя,
Единственное, что непобедимо.
Важней заветов не было и нет.
Из всех заветов помню только этот,
Неоmrаченной радости завет,
Высокий зов нахлыпущего света.
Не в назиданье людям, не в укор,
Но сказано давно и не напрасно:
Лишь радостный, пезамутненньй взор
Тоской и скорбью может видеть ясно.
Мир целиком охватывая весь,
Он видит мир таким, каков он есть.

Опять, опять захлестывает вдруг
 Волна неповторимого доверья
 И к травам, заструившимся вокруг,
 И к раскаленным, как чугун, деревьям,
 И к трепетному тонкому листку,
 И к облаку, мерцающему в небе,
 И к этому прозрачному ростку,
 Едва-едва наметившему стебель.
 Какая сила взрывчатая в нем!
 Какой в нем дух бессмертный и упорный!
 Он сжался весь в стремлении одном:
 Прорваться вверх сквозь призрачные формы.
 Который год, а может быть, и век
 Он рвется вверх, и только вверх и вверх!

24

Прислушайся, дыхание затая,
 К неведомому, дальнему чему-то.
 Не умолкает вечность для тебя
 Ни на одну короткую минуту.
 Ты с вечностью встречаешься сейчас.
 Лицом к лицу. Наедине. И ныне
 Ничто, ничто не разделяет вас:
 Ни страхи, ни сомненье, ни унынье.
 Все — позади. И понимаешь ты:
 Все то, что было, было предисловьем.
 И ощущение близкой высоты
 Тебе даруют солнце и безмолвье.
 Пропитанный бескрайней синевой,
 Ты дышишь пынче вечностью самой.

25

В урочный час и в неурочный час,
 Глухой к сомненьям, страхам, укоризне,
 Вершится в пас, подхватывает нас
 Круговорот единой вечной жизни.
 Неудержим стремительный поток!
 Холмы, пригорки, знойная долина,

Цветы, деревья, лепесток, листок
И мы с тобой — здесь все неразделимо!
И мы с тобой отныне и навек
К потоку светоносному причастны...
О, как же будет счастлив человек,
Как должен быть он радостен и счастлив.
Входящий в мир прозрачно-голубой
Через тебя, через твою любовь!..

1972

МЫСЛЬ

...Но мысль неуловимая моя
Строптивей всех загадок бытия.

Ее непостижимы виражи
И зыбко эхо призрачного зова.
И ты ее попробуй удержи
В оправе отшлифованного слова.
Она кричит, кричит на все лады,
Она звенит, безмолвие взрывая:
— Слова мертвы! Их грапи холодны!
А я живу! А я еще живая!

О, мысли, осаждающие нас!
Они ничем, ничем не укротимы.
О, как они становятся подчас
Предельно осязаемы и зримы!
Отхлынет на мгновенье маета,
И в тишине, объемлющей внезапно,
Я четко различаю их цвета,
Прозрачность форм и даже терпкий запах.
Еще не веря зрению своему,
Еще не понимая их значение,
Я только вижу: рассекая тьму,
Дрожит голубоватое свечение.
Что говорить? О чем тут говорить?
Готов прервать рассказ свой моментально,
Готов с тобою вместе повторить:
Фантазия. Но это так реально!

А впрочем, в наш невероятный век
В державном царстве цифр, стекла и стали,
Быть может, тронув хрупкие детали,
В тиши лабораторной человек

Уж преломил незримый свет в кристалле.
И вот готов гигантский микроскоп —
Итог ошибок, вычислений, проб.

Без напряженья духа и труда,
Чрез волшебство граненого искусства
Постигнем мы воочию тогда,
Какого цвета мысли или чувства.
И, с непривычки поражая взгляд,
Закопошатся, наплывая пемо,
Бациллы страха и микробы гнева,
Неведомый доселе зоосад.
И ты увидишь: вовсе не химеры
Темнят прозрачный воздух атмосферы.
И ты увидишь, как трепещет страх
И в судорогах корчится уродство,
Когда пронижут затвердевший мрак
Вибрации Любви и Благодетства.

Когда одни, мы вовсе не одни.
Мы просто лишь на редкость беззаботны.
Витают мысли. Ну и пусть. Они
Воздушны, невесомы и бесплотны.
Бесплотны? Да. Но все-таки заряд
Сильней, чем электрический, таят.

И мысль освобождается не вдруг,
Она не сразу двигает горами.
Дрожит и напрягается твой дух,
И в первой ткани клеточка сгорает.
Она горит, и рвется пламя ввысь,
Чтоб, как ракета, стартовала мысль!..

А пустоты и не было и нет.
И мысли с неизменным постоянством
Стремительно врезаются в пространство,
Сгущая тьму или сгущая свет.
Искрятся потревоженные звезды.
О, как же нынче намагничен воздух!
Не потому ли так напряжена
Ночная мгла пад твердью голубою,
И так звенит протяжно тишина,
И голоса нам слышатся с тобою...

ГОНЕЦ

1

Когда вечерней и почной порой
Я бьюсь и бьюсь над непослушным словом,
И ум обманут призрачной игрой,
И мгла вокруг сгущается сурово,
Мне кажется — и это не впервой —
Я различаю голос Льва Толстого.
Оп эхом отзывается в тиши:
— Коль можешь не писать, так не пиши.

2

Ты, право, ратоборствуешь напрасно
С самим собой, когда внутри гроза.
И зря кого-то уверяешь страстно,
Что, дескать, вот такая полоса,
А поначалу было так прекрасно.
Уж открывались сами небеса.
И грезил ты уж наяву о чуде.
Но этот гомон! Но галдеж! Но люди!

3

Скользит в руках прерывистая нить.
А все вокруг и глухо и незряче.
Как уловить, как нить соединить
И как понять, что неудача значит?
Ремеслеппик лишь жаждет обвинить,

Свалить хоть на кого-то неудачи.
Когда б не шум, когда бы не среда,
Тогда бы он... А что бы он тогда?

4

И неужели отзвук убежденья
И в самом деле в глубину проник,
Что сокровенный труд и вдохновенье —
Игрушка сил и чуждых и чужих,
И что, конечно, лишь уединенье
Тебе подарит просветленный миг,
И в синеве, заворожившей веси,
Ты обретишь и вправду равновесье.

5

Тогда уж лучше верить в волшебство
И кем-то продиктованные строки,
Коль ты сейчас не ведасшь того,
Что сам в себе ты все несешь истоки,
Коль силу сердца, духа твоего
Растративасшь только на упреки,
Коль так зависит твой смятенный дух
Лишь от того, что обступает вдруг.

6

Опять твои колеблются устои
И мысли пропадают в пустоте.
И, раздраженный этой суетою,
Привыкший даже к этой суете,
Объединить ты хочешь красотой,
Соединить ты хочешь в красоте,
Врачуя, призывая, утешая,
Кого? Людей, которые мешают.

7

Зачем искать заветные места
С их тишиной и далью неизменной,
Когда опять твоя же суета
Вторгаться будет в мир твой сокровенный.

Ты жаждешь красоты. А красота —
Гармония твоя со всей вселенной
И единенье с миром и людьми
(Прости уж мысль банальную) в любви.

8

Ни в чем другом, а только в этом, в этом —
Ее простой и радостный секрет.
Есть в красоте торжественность завета.
Есть праздничность. Но праздности в ней нет.
Она — поклон нахлынувшему свету.
Она — воскресший внутренний твой свет,
Что растворяет без остатка, разом
Твой вечно сомневающийся разум.

9

Не правда ли, ты помнишь этот пыл?
Тебе доступно было это чувство.
Ты все забыл. Ты сам себя забыл.
Одно осталось: преданность искусству.
Ты слился с ним. Ты сам искусством был.
А мысли где ж, толпившиеся густо?
Ты разве помнил в вихре и труде
О первах и о прочей ерунде?

10

Что ж. Не спеша, обсудим и рассудим:
Мы прежние с тобою плыть не те.
В сто раз к себе еще пристрастней будем,
Коль подошли к решительной черте.
Ты красоту несешь сегодня людям?
Или себя ты ищешь в красоте?
И слово «Я» торжественно-сурово
Перед картиной воздвигаешь снова?

Неужто ты единственный? Творец,
 Сам по себе взлетевший так высоко?
 Неужто ты не чувствуешь, наконец,
 Стремительно несущихся потоков?
 Поэт, творец. Да это же гонец
 И проводник невидимого тока!
 И в этом смысл твой самый главный весь:
 Гонец, несущий радостную весть!

Отбрось, как обветшавшие предметы,
 Все представления старые свои.
 Ты лишь звено великой эстафеты.
 Так не прерви движенье, не прерви!
 Художники, ваятели, поэты,
 Мы все, мы все — проводники любви,
 Что в тишине и непрестанном гуде
 Идет сегодня от людей и к людям.

И велика энергия ее!
 Но если задержал ты откровенье,
 Помедлил чуть, припаялся за свое:
 Мол, настроенье, нету вдохновенья —
 То, может быть, ушло в небытие
 Неповторимой красоты мгновенье.
 Не выдумка все это и не вздор:
 Ты хуже, чем обыкновенный вор!

Что было б с миром, если б колдовали
 Да сталкивали токи провода?
 Не для тебя энергию давали —
 Пойми ты это раз и навсегда.
 Через тебя ее передавали.
 А ты... — как только видимость труда —
 Лишил людей (моя, мол, воля это!)
 Звучащего безмолвия и света.

Над высотой неподвижных гор
 Пересеклись незримые орбиты.
 Творцу открыт сверкающий простор,
 И все дороги для него открыты,
 Но лишь тогда, когда не застыт взор
 Ему его печали и обиды
 И он под гнетом тяжести былой
 Не бьется между небом и землей.

А если ты во власти опасенья
 И в постоянной внутренней борьбе,
 И вновь смятение, как землетрясение,
 Перевернуло все в твоей судьбе,
 Одно тебе даровано спасенье:
 Забыть, забыть, не помнить о себе,
 А помнить лишь о душах, для которых
 Ты весть несешь, минуя все заторы.

И если снова что-то отвлекло,
 И если что-то помешало снова,
 Не уходи мечтами далеко,
 А к каждой мысли отнесись сурово.
 Ведь затемнить — признаться — так легко
 Прозрачное и трепетное слово!
 И затруднить дыхание стихов,
 Как говорится, пара пустяков.

И в синеве, безмолвной, просветленной,
 Тогда лишь песня вырвется вперед,
 И, призывая отблеск отдаленный,
 Заполнит собою небосвод,
 И обретет надежду устремленный,
 И всяк ее услышавший поймет,
 Когда в тебе самом же отзывало
 Все то, что сердце мучило сначала.

А цель у нас воистину одна:
 Чтоб, ощутив дыхание свободы,
 Страхнула вдруг оцепененье сна
 Душа Вселенной и душа природы,
 Чтоб воскресали в красках полотна
 Земная твердь, и небеса, и воды,
 Чтоб через мысли и слова твои
 В мир проникало таинство любви.

20

С заглавной буквы пишешь ты: Искусство.
 Ты говоришь, что в суматохе дней
 Ты предан столь искусству, что уж чувства
 Не остается больше для людей.
 Но если так, то как же в сердце пусто!
 А ты со всей техничностью своей —
 Гробокопатель музыки и слова.
 И нет тебе названия иного!

21

А истина твоя и не нужна,
 Она ничьи не приглушит тревоги.
 Куда как важно подана она,
 С таким лицом значительным и строгим,
 Как будто вся земля теперь должна
 Бросаться, как тебя завидит, в ноги,
 А ты — всему начало и конец,
 И благодетель людям, и отец.

22

Как самому от слов своих не горько?
 Как поучать, как обличать не лень?
 И деревце кривое на пригорке,
 С унылым видом вторгшееся в день,
 Не выпрямляй. А ты подставь подпорки,
 Чтоб и оно давало тоже тень,
 Чтоб и оно хотя бы на минуту
 Могло прохладу подарить кому-то.

А ты лишь в свой уверовал успех,
 Себя готовясь утвердить навеки.
 Но в грешном мире тот грешнее всех,
 Кто позабыл сияющие вехи
 И в грешнике увидел только грех,
 А не увидел света в человеке.
 И, поучая день-деньской других,
 Он потерял, а вовсе не достиг.

О, боже мой, совсем не ради славы
 Живут на свете и аккорд и стих.
 Они как воды, и они как травы.
 Они живут и дышат для других.
 И были правы египтяне, правы,
 Когда они художников своих
 (С пристрастием легенды допросите)
 Объединяли словом: «Воскреситель».

На нас с тобой, на всех, в конце концов,
 Ложится отблеск древнего завета,
 И ты с людьми соединен кольцом
 Ликующего праздничного света.
 Ты сам назвался радостным гонцом.
 Не забывай же ни на миг об этом
 Ни в тишине, ни в гаме, ни в толпе,
 И все ответит радостно тебе.

Ты видишь вновь, как, рассекая темель,
 Чертя узоры в тайной глубине,
 Листвы и веток смутное сплетенье
 Так чудно отражается в окне.
 И «Воскресите!» восклицают тени
 И голоса, неведомые мне,
 Незыблемость безмолвия колыша,
 Ты слышишь их? Или ты не слышишь?

Молчание торжественно, как медь
А ты, вина и сокрушенно каясь,
Все продолжаешь о себе скорбеть.
Но, в собственном смятенье задыхаясь,
Кричать лишь может, но не может петь
На всё и вся обрушившийся хаос.
И ты пойми движение души:
Ты можешь не писать? Так не пиши!

1972

1

Спокойно спит далекая Равенна,
Принявшая величественный прах.
Благословенна тишина Вселенной,
Благословенно небо в облаках.
Но трижды ныне будь благословенно
Мгновение, прорезавшее мрак
И колебанья тока в атмосфере,
Чтоб выхватить лик Данте Алигьери.

2

Наполнен снова воздух голубой
Терципами торжественного склада.
И гаснет отсвет смутный и слепой,
И замирает шорох звездопада.
И мы вступаем следом за тобой
В круги тобой расчисленного Ада.
Незримый мир предельно ощутим,
Воображеньем созданный твоим.

3

Вот я твержу опять: воображенье.
Одно оно. И больше ничего.
Но если так, то отчего движенья
Мы замедляем вдруг? И отчего
(Каким огнем какого напряженья)
Обожжено суровое чело?
А этот взгляд, исполненный страданья,
Как будто в нем — вся тяжесть мирозданья.

Великой правдой лишь велик поэт.
 А правда не бывает отвлеченной.
 И потому фантастики здесь нет.
 А рой чертей, огнем разгоряченный,
 А призраки, туманящие свет,—
 Все это символ, в строки заключенный,
 Того, что мы в душе своей таим,
 Того, что мы в неведение творим.

5

О, внутреннее наше мироздашь,
 Силетенье нам певедомых дорог!
 Какое нам готовишь испытанье?
 Какой должны мы выполнить урок?
 Но разве надо, как велит преданье,
 Переступать таинственный порог,
 Спускаться в ад, в клокочущие сферы,
 Чтоб ощутить тлетворный запах серы?

6

Нет, если ты воистину готов
 Всей силой сердца и всей силой духа
 Познать всю цепь невидимых миров,
 В твоей душе замкнувшуюся глухо,
 Иди в себя, как в глубь идут веков,
 Что б ни сулили встреча и разлука,
 Что б ни сгущалось на твоём пути,
 Иди, как Дант. Бестрепетно. Иди.

7

...Замельтешили призрачные тени,
 И мрак свое справляет торжество.
 Шипенье гадов, смрадный запах тленья,
 И ты готов воскликнуть: «Колдовство!»
 Но это лишь обличия смятенья,
 Гримасы масок страха твоего.
 И над тобой витают отраженья
 Унынья твоего и раздраженья.

И сердце обрывается в груди.
 О, как реальны эти отраженья!
 Они сейчас как будто во плоти.
 Размеренны и холодны движенья.
 Но ты в глаза их только погляди —
 Какое там застыло выраженье!
 Твои созданья яростной толпой
 Грядут сейчас расправиться с тобой!

...Но вовремя меняется орбита,
 И в отдаленье зыбкий звук потух,
 И то, что было от тебя сокрыто,
 Разверзлось бездной безнадежной вдруг.
 Нависли мысли, словно сталактиты.
 И никого. Безмолвие вокруг.
 Недвижное, звенящее бесстрастно,
 Безмолвье ледящего пространства.

И цепенест напряженный взгляд
 И в высоте, замороженный, стынет.
 И эхо, отраженное стократ,
 Стихает в беспредельности пустыни.
 Воспоминанья скорбные глядят
 Глазницами безжизненно-пустыми.
 И в синеву, где даже слепнет свет,
 Вмерзает твой навечно силуэт.

Деревья грустно ветви опустили.
 Ценой каких невероятных мук,
 Ценой каких неведомых усилий
 Кто разомкнет непостижимый круг?
 Никто, пикто. Ни пебо, ни Вергилий,
 Но только ты и собственный твой дух,
 Хранящий в дни смиренья и величья
 Спасительную мысль о Беатриче...

Конечно, я и понимаю сам:
 Любое произвольно толкованье.
 Порою в книге вдохновенной нам
 Важней, чем суть, застывшее названье.
 Что ж, если так, не доверяй словам,
 Разрушившим бывшее основанье.
 Твой Дант другой, совсем другой. И все ж
 И Ад и Рай ты сам в себе песешь!

И ты себя не спрячешь за степью,
 Не разграничишь четкою чертой:
 Вот это я, а это — остальное,
 Далекое, как некий звук пустой.
 Но разве то, что именуют мною,
 Один лишь зримый облик? Нет, постой!
 А мысль моя! А завихренность чувства!
 Куда их денет логика Прокруста?

О, как трудна гармония миров!
 Она никак, никак нам не дается.
 И безответным остается зов
 (Лишь болью в сердце слово отдается).
 И, ощутив дыхание веков,
 Душа твоя в смущении мятется.
 Но сам себя я утешаю вслух:
 В здоровом теле, мол, здоровый дух!

Условием железным, непременно
 Ограждены мы как бы от забот.
 Но не в укор будь сказано спортсменам:
 Меня порой сомнение берет.
 А если быть совсем уж откровенным —
 Мне кажется, что все наоборот.
 И, приближая дальнее безмолвье,
 Здоровый дух дарует нам здоровье.

И если быть правдивым до конца,
 То по себе сужу я непреложно,
 Как часто звенья скорбного кольца
 Заведомо придуманы и ложны.
 И сокрушает души и сердца
 Механикой таинственной и сложной
 Твой главный враг, твой самый главный враг —
 Твое же себялюбие и страх.

17

И для тебя обманчивая пристань —
 Всю землю вдруг объемлющая тишь.
 С величием и терпением артиста
 Ты скорбь в себе заботливо растись.
 (О, приступ язвы! О, сердечный приступ!)
 И ты меня, конечно, не простишь,
 Коль назову точнее все это пыне:
 Припадком страха, приступом унынья!

18

На все сомненья лишь один ответ:
 Искать вину на стороне напрасно.
 Ты сам темнишь свой затаенный свет,
 Когда без колебаний, громогласно
 Ты снова жизни заявляешь: «Нет!»
 И неспроста решительно и властно,
 Как будто ждал он этот миг и час,
 Дух отрицанья наполняет нас.

19

В часы неотвратимого смятенья
 Любое отрицание темно.
 Но есть одно. В нем все сгустились тени.
 В нем все в мертвящий мрак погружено.
 Мне кажется, что я нашел сравненье:
 Столб соляпой — из Библии оно,
 Которому (простите откровенность),
 Как ладан черту, жизнь и современность.

О, сколько их рассеяно кругом,
 Твердящих: «Нет!» Их легион. И все же
 Не сразу, правда, а потом, потом
 Я убеждался, как они похожи.
 В домах их — пыль, и плесень, и разгром.
 И в мыслях — тоже. И в желаях — тоже.
 Всегда, всегда — и грязь и суета,
 Как будто их пугает красота.

21

Как будто доставляет наслаждение
 Им этот чад, клокочущий их быт.
 И воздух здесь дрожит от раздраженья,
 Кипит от накопившихся обид.
 Незримое почуя напряженье,
 Все светлое давно уж норовит
 Их миновать и слиться с синевою,
 И радость их обходит стороною.

22

Я каюсь перед жизнью — виноват,
 Что слушал их с таким душевным жаром,
 И раем оборачивался ад,
 И в нем ничто меня не устрашало,
 Что их акробатический уклад
 Мне даже чем-то правился, пожалуй,
 Что я и мой неискушенный стих
 Молчаньем, но поддерживали их.

23

И не хотел я видеть почему-то,
 Витая мыслью в дальних облаках,
 Что ими движет каждую минуту
 Все тот же страх, невероятный страх.
 Страх перед жизнью, захлестнувшей круто
 Доставшийся в наследство полумрак.
 Страх перед ней, что почитает долгом
 Ломать, крушить незыблемые догмы.

Но, слава богу, трепетная связь
 Все ощутимей в сердце, все сильнее!
 О, тени проходящие! Без вас
 И солнце ярче, и простор синее!
 И жизнь вершится, светом становясь.
 Что нас сегодня разделяет с нею?
 Вся скорбь твоя и страхи — ерунда,
 Когда кричишь ликующее «да!».

Не безобидно это, а опасно:
 Лишь собираться с духом, выжидать,
 В педвижном ожидании напрасно
 Все возлагать на тишь и благодать.
 Ты должен жить насыщенно и страстно,
 А это означает: утверждать!
 И утверждать немедля и пристрастно,
 Чтоб слово «да!» заполнило пространство.

Не доверяй скорбящим голосам:
 Не по плечу тебе все это, дескать.
 Неужто ты не замечаешь сам,
 Что «не могу!» звучит сейчас по-детски
 И что восходит прямо к небесам
 Твой дерзкий возглас, радостный и дерзкий?
 Назло сомпеньям и назло врагу
 Пусть эхо вторит нам: «Превозмогу!»

Что может быть нелепей и капризней
 Нетерпеливой суеты моей?
 Да не помыслим мы об укоризне,
 И в круговерти замелькавших дней
 Не бойтесь жизни. Доверяйте жизни.
 Что б ни случилось, верьте только ей.
 Глаголет небо, п твердят деревья:
 Отбросьте предрассудок недоверья!

Всей силой сердца доверяйте ей.
 Пусть радость жизни только вам движет.
 Она умнее всех учителей,
 Она мудрее самых мудрых книжек.
 Пусть скоростью космической своей
 Она тебя стремительно прошижет.
 Она к тебе божественно щедра,
 И «завтра» не похожа на «вчера»!

29

Доверьтесь ей. Не на день и не на год.
 Навек доверьтесь. Но избави бог
 Искать спасенья от трудов и тягот,
 Искать спасенья от своих тревог.
 Все будет. Все. И мрачно тени лягут.
 Нагрянут беды в наступивший срок.
 Но творчество, а с ним и вдохновенье
 Вас не покинут даже на мгновенье.

30

Ты возражаешь: дескать, пустяки.
 Не всем-де участь суждена поэта.
 Но разве догматичны и строги
 Сверкающие звездами заветы?
 А жизнь сама — и проза, и стихи.
 И музыка. И больше, чем все это.
 Ты ей отдай и дух и бытие,
 Чтоб стать дыханьем радостным се!

31

Не властно неподвижное забвенье
 С его оцепелелостью немой
 Над творчеством. Здесь каждое мгновенье
 Уже мгновенье вечности самой.
 А если так, то больше нет сомненья:
 Ты сам хозяин над своей судьбой.
 И парастает в сердце постепенно
 Творящее звучание Вселенной.

А десь любой лишь красоту таит.
 А в дне любом лишь видеть радость стоит.
 На фоне неба тень твоих обид —
 Нелепое, далекое, пустое!
 А сила дня лишь в том и состоит,
 Чтоб ты сливался с этой красотой,
 Чтоб захлестнуло это волшебство,
 Не угнетая сердца твоего!

Пусть небосвод прозрачный и высокий
 Меня опять, как в детстве, растворит.
 Доверьтесь жизни. Наступили сроки.
 Проникни сердцем в пульс ее и ритм,
 И ты уже не будешь одиноким,
 И жизнь сама в тебе заговорит.
 Заговорит с тобой. А это значит:
 Путь восхожденья наконец-то пачат.

1972

ВИВЕКАНАНДА

Недаром было сказано о нем,
Что он подобен обнаженной шпаге,
И мысль его звенела, как клинок.
Искрилась. Изгибалась. Трепетала.
Удар! Еще удар!

*И говорил
Своим ученикам Вивекананда¹:*

«Превыше зная всех священных книг,
Дарующих неповторимый символ,
Превыше добродетелей других
Я ставлю выше мужество и силу.

Мы не рабы невидимой судьбы,
Запутавшей кармические² нити.
Никто не слаб. А если вы слабы,
То потому, что этого хотите.

Готов твердить я каждый день и час:
Вы на земле не призрачные гости.
Все, что с землей разъединяет вас,
Виденья, вас вводящие в экстаз,
И все, что расслабляет вас,— отбросьте!

Отбросьте все: мистический обряд,
Авторитет незыблемый завета,
Обряды — яд! Авторитеты — яд!
А жизнь не в этом. Истина не в этом.

¹ Вивекананда (1863—1902) — великий философ и общественный деятель Индии, зачинатель национально-освободительного движения в Индии, первым в стране объявивший себя социалистом.

² Карма — совокупность причин и следствий, хороших и дурных поступков, определяющих как жизнь отдельного человека, так и жизнь человечества в целом (*индийское понятие*).

Нет, истиной не может быть никак
Все то, что в сердце оставляет страх,
Все то, что давит скорбно и уныло.
И истина не где-то в облаках,
А там, где свет, энергия и сила.

И толку нет во внутренней борьбе.
Ну, а судьба тому лишь помогает,
Кто помогает сам своей судьбе,
В ком ни на миг сомненье не мелькает.

Ты сам себе Учитель, человек!
Чужое эхо замирает глухо.
Да утвердится ныне и навек
Свобода пробудившегося духа!

Свобода духа, радость бытия —
Волшебный ключ в неведомые сферы.
И в этом — вся религия моя
И символ мой несокрушимой веры!
И в этом — жизнь сама!»

И говорил

Своим ученикам Вивекананда:

«Пусть обличают, как им долг велит,
Грехи и слабость праведные судьи.
А человек воистину велик
По самой сути, сокровенной сути.

Он — океан, он — тишина и гром,
До времени сокрытые под спудом.
И в бесконечном океане том
Всего лишь волны — Кришна или Будда.

Возникшие в положенный им срок,
Восставшие из темноты железной,
Они лишь смутный отблеск, лишь намек
На вечность и сверкающую бездну.

Так что же ты такое, человек?
Отричь навек свой замутненный омут.
Лишь от тебя зависит путь твой вверх
К источнику истоков снеговому.

Но подожди. Не так-то прост урок.
Напрасно ты пад посохом согнулся.
В тебе самом тот снеговой исток.
Пожертвуй лужей, чтобы он проснулся.

Гордыню ныне в сердце истребя,
Звучит бессмертный голос бескорыстия:
Отдай себя, чтоб обрести себя,
Чтоб ощутить дыханье вечных истин!

Отдай себя, и мысль свою, и дух,
И лишь тогда предчувствием ответа
Прорежут воздух напряженный вдруг
Вершины, омываемые светом,
Неведомые нам».

И говорил

Своим ученикам Вивекананда:

«Мы ищем Свет на ощупь, наугад.
А наши споры и слова — впустую.
Не все равно ли: существуют ад,
Душа и бог или не существуют?

Пусть неколеблем внутренний настрой,
Пушай он разрывается на части.
Что из того. Вот мир перед тобой,
Он полон скорби, горя и несчастий.

Не требуя от жизни ничего,
Иди в него решительно и смело,
Дабы уменьшить скорбь и гнет его,
Или умри, пытаясь это сделать.

Да осенит дыханье высоты
Любую мысль, да отведет угрозу!
«Не я, но Ты!» Всегда: «Не я, но Ты!» —
Вот мой завет, напутствие и лозунг.

«Не я, но Ты!» — вот ваш священный гимн
И существо священного ученья.
Отдайте жизнь, чтоб жизнь спасти другим!
Все остальное лишено значенья.

Среди сует и будничных тревог
Не поддавайтесь никакой химере.
А для меня единственный лишь бог,
Который есть, в которого я верю!..

Он грозовой зарницей осян,
И он громами наполняет небо.
И этот бог — несчастные всех стран.
И бедняки без крова и без хлеба!
Единственный мой бог!..»

И говорил

Своим ученикам Вивекананда:

«Над синевою дремлющей воды
Плывут деревья в сладостном томленье.
Здесь Карма ткёт душистые цветы
Из наших мыслей, полных умиления.

Но лепестки тех призрачных цветов
Мгновенно гаснут на крутом откосе,
И слабое дыхание ветров
Их в пустоту относит и уносит.

Страна моя! Ты ткешь узоры грез,
Как будто в них твое освобожденье.
Страхни с себя свой вековой гипноз!
Пусть прекратятся грезы и виденья!

Пусть оборвутся тишь и благодать
И ритмы усыпляющего пенья.
Не время умиляться и рыдать
И подпадать под власть оцепененья!

На стыке завихрившихся времен
Мы так покой души оберегали,
Так погружались в благостный свой сон,
Что стали кипой хлопка под погами.

Поймите все, поймите до конца:
Не время спорить о догматах веры.
И нам пужны не дряблые сердца,
А мускулы железные и нервы.

Людей, людей! Обычных, не святых,
Окаменевших духом от усердья,
Но энергичных, сильных, молодых,
Готовых стать лицом к лицу со смертью.

Вот что важней всего сейчас для нас:
Стальная воля, мужество стальное.
Да не замолкнет зов мой и наказ:
Людей, людей! Потом все остальное!
Да не заглохнет он!»

*И говорил
Своим ученикам Вивекананда:*

«Единой мыслью жив мой дух теперь.
Я продирался сквозь хулу и крики.
Стучал — случалось — в запертую дверь,
Взывал к богатым и взывал к великим.

Но без ответа мой остался глас,
Как будто небо их лишило слуха.
Моя надежда, юноши, па вас,
На крепких телом и на сильных духом!

Я равнодушие к миру не приму.
Я жил в мире. Я не святой, не кпижник.
Я сам бедняк и, видно, потому
Ношу в душе всю скорбь и горе ближних.

Я завещаю вам мою любовь,
Мою борьбу за бедных и голодных,
Живущих скорбно в темноте слепой,
Страдающих в молениях бесплодных.

Отбросив предрассудки и молву
И возвещая истину простую,
Я не того Махатмой¹ назову,
В ком только «я» над духом торжествует,

Махатма тот, кто свет в себе постиг,
Кто вынес свет из своего безмолвья,
Чье сердце бьется только для других,

¹ Махатма — великая душа, Учитель (индийское понятие).

За всю планету истекая кровью,
За бедняков всех стран!»

*И говорил
Своим ученикам Вивекананда:*

«Дробится в брызги мелкие поток,
И неподвижны валуны глухие.
Друг против друга — Запад и Восток.
Два полюса. Два мира. Две стихии.

Но грани, разделяющие нас,
Как все, что разделяет, иллюзорны.
И ведь кому-то надлежит сейчас
Собрать для нас разбросанные зерна.

Кто на себя возьмет великий труд?
Америка? Я утверждаю ныне:
Коль скажут вам «Америка», сокрут —
Мещанский дух бесплоднее пустыни.

Нет, не она прорвет заклтый круг.
Нет, не она — водитель и мессия.
О сокровенном размышляя вслух,
Без колебанья говорю: Россия!

То не догадка, а простой подсчет
Энергии великого народа.
Она одна бестрепетно пачнет
Переворот невиданного рода.

В ней воплотятся устремленность вверх
И бескорыстье огненного века,
И станет человеком человек,
А не подобьем жалким человека.

Грядущее предвидя торжество,
Мы дарим миру чашей полновесной
Всю радость сердца, духа своего,
Свое тысячелетнее наследство».

ГОЛОС В НОЧИ

В шуме ветра и веток,
Сквозь туманы и снег,
Грозовые разряды
Непонятных помех,

Накатившейся мглой,
Оглушенный почти,
Слышу голос в ночи,
Слышу голос в ночи.

Прерывается он,
Замирает на миг,
Задыхается он
От усилий своих.

Из безмолвья и тьмы
Возникает опять:
— Я хочу рассказать!
Я хочу рассказать!

Прорезая безмолвье,
Нарастает в ночи:
— Подключись к моей мысли!
Не бойся.

Молчи.

*(И вдруг мягкий и плавный толчок
покачнул мою комнату.
Это было похоже, пожалуй,
на пляшущие кинокадры,
где то и дело теряется фокус
и размывается изображение.*

*Но вот обозначилась в дрогнувшем мраке
точка света,
мерцавшая зыбко в пространстве.
Свет ее становился устойчивым, ровным.
Вот она приняла очертанья ракеты.
Вот она, накреньясь, поплыла над землею.
Над Европой.
Над морем.
Над степью.
Вот плывет над сибирской тайгой.
Ближе.
Ближе.
Совсем уже близко.
И вдруг —
ослепительно белое пламя!
И погасло виденье...*

*Но в чуткой ночи,
ставшей белой
от белого пламени,
повторяло эхо и множило взрыв
Тунгусского метеорита.)*

— Значит, это не миф,
Возпесенный молвой:
Межпланетный корабль
Над горящей тайгой?

Из каких же галактик
Вы в космической мгле
Пролагали свой путь,
Устремленный к Земле?

Кем — скажите — расчислен
Звездный курс корабля?
— Начиная наш старт
На планете Земля.

Подожди. Помолчи,
Чтоб внезапный испуг
Не прервал навсегда
Ток невидимый вдруг.

Утвердись в этой мысли,
Не страшась высоты:
Мы вернулись на Землю.
Мы земляне. Как ты.

А страпа, где мы свой
Начинали маршрут,
Атлантидою
В ваших преданьях зовут.

— Атлантида? Ах, да!..
Посейдонис... Платон...
— Это было потом.
Это было потом.

Это лишь эпилог.
Это только строка.
Ваша память смутна.
Ваша мерка узка.

Затихает и глохнет
Свет далеких миров.
Пролегло между нами
Десять тысяч веков.

На одно лишь мгновенье
Ты представь материк,
Что, как будто планета,
Населен и велик.

Он от полюса к полюсу
Цепь заснеженных гор
И простор опаленный
Полновластно простер.

Ты представь на мгновенье
Карту мира пной.
То, что было Европой,
Было чащей сплошной.

И в то время как сумрак
Полз по черным хвощам
Да летающий ящер
В темноте верещал,

На другом континенте,
Нарастая, как вал,
Электрический свет
Города омывал,

На другом континенте,
В недоступной дали
Невесомо парили
Над землей корабли.

Что же, скажешь, случилось
И какая волна
Поглотила все это?
Катастрофа? Война?

Да, война. Но такая,
Что ушла в глубину
И была не похожа
На любую войну.

Вы еще не открыли,
Вам открыть предстонт,
Мощь какого заряда
Мысль любая таит.

Дерзновенно объемля
Океан, небосвод
И притихшую землю,
Ум прорвался вперед.

Но разорвано Время
Пеленой облаков
И пропитано сердце
Мглой пещерных веков.

И себя убежденно
Возвышая в толпе,
Каждый мнил себя богом,
Поклоняясь себе.

Сам себя утверждая,
Воздвигал себе храм,
Принося себе жертвы,
Как когда-то богам...

Вы еще не открыли,
Вам открыть предстоит
Силу мысли, с которой
Несравним динамит.

Вам еще неизвестно,
Как насыщена мгла,
Как сгущаются тучи
Эгонзма и зла,

Как безмолвны бывают
Разрушение и смерть.
От невидимых взрывов
Истощается твердь.

Нет, старинные притчи
И легенды не лгут,
Что от злых устремлений
Злые реки текут.

Но неведомо слуху,
Но закрыто от глаз,
Чем грозят эти реки
Всей планете подчас.

Тишина нависает
Напряженной струной.
Всё зависит, быть может,
От песчинки одной.

Отчего равновесье
Нарушается вдруг?
Мысли гнева и злобы
Завершают свой круг.

Низвергаются лавой
В неминуемый миг,
Как горящие угли,
На владельцев своих.

Видишь черные волпы,
Жалкий остов дворца.
Предисловье потопа
И начало конца.

Но довольно, довольно!
Властной силой своей
Нас торопит мгновенье —
Дальше, дальше!
Быстрее!

*(И вот предо мной развернулось
гремящее поле ракетодрома.
Здесь все уже было готово для старта.
И люди в сверкавших на солнце скафандрах
спешили к распахнутым люкам ракеты.*

*А потом наступило безмолвье.
И из безмолвья выткалось лицо.
Мне лишь глаза запомнились, поскольку
одни глаза заполнили лицо.
Они с трудом уже в лицо вмещались.
Их властный взгляд, казалось, рассекал
без всякого усилия пространство.
Звучащий свет нахлынул на меня.
Исчезли расстояние и время.
И мне казалось: это не слова,
а это голос самого безмолвья.)*

— Мысль вопзается в небо,
Как космический луч.
И воистину это
Открывающий ключ.

Да замолкнет сомненье,
Что, незримо скользя,
Мысль в звенящем просторе
Растворяется вся.

Но закон сохранив
Для Вселенной един.
Глухо блещут зарницы
Недоступных глубин.

Вечной памятью ведай,
Что, прозрачно светясь,
И зыбка, и подвижна
Сокровенная связь.

Вечной памятью ведай:
Твердь земную и высь
В равновесии держит
Устремленная мысль.

Вечной памятью ведай:
Среди молний и мглы,
Подчинив себе хаос,
Мысль скрепляет миры.

И чтоб воздух бессмертья
Пронизал бытие,
Насыщайте же солнцем
И безмолвьем ее.

Ей одпой без остатка
Отдавайте себя!..
Атлантидой грядущей
Да не станет Земля!

Через бездну и космос
И века напрямик
Направляет сегодня
Жизнь посланцев своих.

С твердой верой, что вестник
От забвенья спасен
Парадоксом пространства
И смещенных времен,

Что вернуться на Землю,
В мир туманный для нас,
За ракетой ракета
В свой изначальный час.

Дабы сбросила тайна
Многозвездный покров.
Дабы истиной стало
Единенье миров.

*(И вновь мягкий и плавный толчок
покачнул неподвижное небо.
Это было, пожалуй, похоже
на пляшущие кинокадры,*

*где то и дело теряется фокус
и размывается изображение.
Но вот обозначилась в дрогнувшем мраке
точка света,
мерцавшая зыбко в пространстве.
Свет ее становился устойчивым, ровным.
Вот она приняла очертанья ракеты.
Вот она, накреньясь, поплыла над землею.
Над Европой.
Над морем.
Над степью.
Вот плывет над сибирской тайгой.
Ближе.
Ближе.
Совсем уже близко.
И вдруг —
ослепительно белое пламя!)*

Черный дым над тайгою,
Словно атомный гриб,
Вырастает до неба.
Ты погиб! Ты погиб!

Сотрясает просторы
Нарастающий взрыв.
— Только голос мой жив!
Только голос мой жив!

Потому что он должен
Хоть намеком донести
Из глубин первоздадных
К вам идущую весть.

В шуме ветра и восток,
Сквозь туманы и снег,
Грозовые разряды
Непонятных помех

Воскресает мой голос,
Над планетой звеня:
— Расшифруйте меня!
Расшифруйте меня!

1973

СТРАННИК

Одной лишь мыслью был он одержим,
Одно стремление только им владело,
И эта мысль, столь властная над ним,
Сжигала душу, иссушала тело.
Он, испытавший столько зол и бед,
Хотел узнать, есть истина или нет.

Понять загадку жизни до конца
И распахнуть неведомые двери.
В те дни гремело имя мудреца,
Живущего отшельником в пещере.
И странник взор свой обратил к тому,
Кто мог прознить, кто мог развеять тьму.

Нелегко был и был опасен путь.
Таились в дымке дальней Гималаи.
Но странник шел, светящуюся суть
Хоть на мгновение ухватить желая.
И, поседевший в поисках своих,
Не отступал от цели ни на миг.

И вот Биас. Крутые гребни гор
И синевой наполненная сфера.
И вот ущелье, словно коридор.
И вот пред ним та самая пещера.
И вот в ее проеме наконец
Возник (как будто ждал его!) мудрец.

Его глаза лампадами зажглись.
Приветливым, неторопливым взглядом
Он приказал паломнику: «Сядись»,—
И сам уселся чуть повыше, рядом,
На камень грузный и поросший мхом.
И тишина объяла все кругом.

Преображая лики облаков,
Вздымались властно языки заката,
И небо, выходя из берегов,
Стекало вниз безмолвно и покато.
И плавилось. И шел за часом час.
И равномерно рокотал Бнас.

Уже в провале неподвижных круч
Туманом влажным облако осело.
Упала тепь. Угас последний луч.
Настало время звездного посева.
Река во мгле сверкнула, как металл.
И встал мудрец. И странник тоже встал.

Чуть пригибалась чуткая трава,
Когда над нею взмахивали крылья.
И прозвучали первые слова:
— Как хорошо с тобой мы говорили.
Не правда ли, искавший столько лет,
Ты получил на свой вопрос ответ?

Нет, далеко не сразу и не вдруг
Вновь обрела прежний вид планета.
Как бы замкнув в магический свой круг,
Горели странным, непонятым светом
Верхушки кедров, горная гряда
И небеса. И молвил странник: — Да.

ГИМАЛАЙСКИЙ САД

Святославу Николаевичу Рериху

«ИЗ ЗОЛОТЫХ ПРАВИЛ МУДРОСТИ»

1

Стучащийся в невидимые двери,
Чье имя ты в безмолвии пронес?
Ты, ждущий откровенья,
Будь уверен:
Ответ готов.
Готов ли твой вопрос?

Ответ готов.
Но знай, томимый жаждой,
К истокам припадающий опять:
Его услышит
Далеко не каждый,
Но только тот,
Кто может вопрошать.

2

Вот самый главный признак мудреца:
При встрече с ним сомненья затухают.
Вопросы,
Столь терзавшие сердца,
Не нарастают вовсе,
А стихают.

Приблизившись к незримой высоте,
Они уходят,
Как туман и тени,
Поскольку убеждаются в тщете
Желаний личных,
Личных достижений.

3

Когда твой день заботою заполнен —
Средь тысяч троп
Свою тропу найти, —
Стоящий перед выбором,
Запомни:
Ты даже не приблизился к пути.

Но лишь тогда,
Когда исчезнет выбор
В предчувствии светящихся вершин,
Тогда замолкнут все сомненья,
Ибо —
Тропинок много,
Путь всегда один.

4

Твоя стезя раскрылась пред тобою.
Но подожди.
Помедли.
Не спеши.
Дабы потом отчаянье слепое
Не укрывалось
В тайниках души.

Ты завершил
Без спешки и смятенья
Свои дела?
Былой окончен труд?
Тогда иди.
Но если нет —
Их тени
Тебя настигнут
И твой путь прервут.

Да встанет пыле мужество дозором.
 Что устрашит дозорных?
 Ничего.
 Пусть горизонт окинет
 Властным взором
 Великий воин сердца твоего.

Оп первым
 Никого не поражает.
 Одет в броню,
 Копьем пронзивши мглу,
 Он лишь ударом точным отражает
 И каждый меч,
 И каждую стрелу.

6

А камни не старайся обойти.
 Не сбрасывай их вниз в остервененье.
 Пускай препоны на твоём пути
 Все время превращаются
 В ступени.

А камни под ногами
 Не кляни.
 Вот высота,
 Открывшаяся взору.
 Подумай сам:
 Когда бы не они,
 Ты разве мог бы подниматься в гору?

7

Узка стезя,
 Что избрана тобою.
 И глухнет эхо дальше в ушах.
 Идя крутой, стремительной тропой,
 Ты должен взвесить
 Каждый новый шаг.

Встает гора
Отвесною стеною.
Встречает пропасть
Грохотом камней.
Но не смущайся этой крутизною.
Другие шли —
И ты пройдешь над ней.

8

Вот вечный зов,
Который каждый слышит,
Вот ключ ко всем загадкам бытия:
Ищи лишь то,
Что бесконечно выше
И бесконечно далее тебя.

Не может быть
И нет иной задачи.
Все подчини
Стремлению вперед:
И сон,
И явь,
И каждый миг.
Иначе
Заглохнет путь
Иль в сторону свернет.

9

Дорога поднимается отлого.
Ты слился с ней.
И с небом слился ты.
Но если даже приведет дорога
Тебя однажды
В сад твоей мечты,—

В его тени
Не замыкайся глухо.
Не думай:
Вот он, вековой причал.
Он дан тебе

Для укрепления духа.
Он даи тебе как отдых,
Как привал.

СОЗВЕЗДЬЕ ОРИОНА

Туман и мгла проходят стороной,
И облака исчезли с небосклона.
Встает над Гималайскою грядой
В урочный час созвездье Ориона.
А тишина прозрачна и легка,
И невесом рисунок силуэта,
И голубое испаренье света
Подъемлется над чашечкой цветка.

Сливаясь в полумраке с высотой,
Неразличима вековая крона.
Встает над Гималайскою грядой
В урочный час созвездье Ориона.
Как тихо и торжественно в лесу!
Безмолвие весь мир преображает,
И небосвод и звезды приближает
К деревьям, к листьям, к самому лицу.

Стократно отраженное водой,
В таинственном мерцанье ореола
Встает над Гималайскою грядой
В урочный час созвездье Ориона.
И странный отблеск пропизал меня,
И, на мгновение высветив просторы
И в полукруг сомкнувшиеся горы,
Раскрылся лотос звездного огня.

Раскрылся лотос. Тропнь его рукой
И ощути дыхание небосклона.
Встает над Гималайскою грядой
В урочный час созвездье Ориона.
И в этот час насыщена земля
Волной, идущей из глубин вселенной:
— О, человек! Вот смысл твой сокровенный,
Ты — огонь и свет, сжигающий себя.

Сей Камень,
Сей таинственный магнит,
Как повествует нам отец Сульпиций,
Огонь всепожирающий хранит.
Ток неземной
Над Камнем сим струится.

— Я видел лишь однажды,—
Говорит
Отец Сульпиций,—
Камень сей волшебный.
Я видел:
Белый столб над ним парит,
Я чуял даже
Аромат целебный.

И голубыми искрами огня
Тот столб,
Как будто
Некое растение,
Осыпался,
Повергнувши меня
В дрожанье и великое смятенье.

Я и дышать на время перестал,
Творя молитву мысленно и устно.
А спрятав
Сей сияющий кристалл
В ковчеге,
Ограненном преискусно.

А по бокам
Рисунки и слова.
Но непонятен
Смысл их глубочайший.
И был, наверно,
Знаком божества
Язык огня,
Поднявшийся над чашей.

И говорят писания,
Что встарь
Касались Камня
Руки Соломона.
Был глас ему:
— Прими, премудрый царь,
Великий дар созвездья Ориона.

— Да будет,—
Прозвучал могучий глас,—
Вокруг него поставлена охрана.
— Добро,—
Ответил царь
И в тот же час
Священный огонь
Отнес в пределы храма.

Но вскоре
К сердцу подступил туман,
Но вскоре
В сердце за клубились тучи:
Как сделать так,
Чтоб тайный талисман
И днем и ночью
Был с ним неразлучен?

Как сделать так,
Чтоб дивный свет луча,
Сокрытый в Камне,
Вызволить из плена?
И вот, призвавши златоковача
Ефрема из Иудина колена,

Царь повелел,—
Прости ему, господь,
И обрати тот грех к грядущей славе,—
Немедленно от Камня
Отколоти
Частицу малую,
Дабы в свой перстень вправить.

Ефрем послушно Камень раздробил,
И ветер пронесся
Над водой и сушей:
— Негоже, царь, ты ныне поступил.
Ты естество великое нарушил.

До времени ты тронул
Тайный клад,
Завещанный далекими веками.
Труднее будет людям
Во сто крат
Теперь хранишь
Дарованный им Камень.

Сказания потянутся за ним,
И пресечет он не одну границу,
Пока, незримой силою храним,
В державе Света он не утвердится.

2

А русские былины говорят
Торжественно-певучими строками:
В стране далекой,
Там, где Арарат,
Лежал горячий заповедный Камень.

По всем приметам
Был он не простой,
Раздвоен как бы
Острою стрелою.
Нальется Камень темнотой густой —
Заходят тучи тут же над землею.

Когда тяжел,
То значит — льется кровь.
Когда трещит,
То враг идет походом.
Когда же он становится багров,
Земля трясется вместе с небосводом.

Но если Камень
Тих и недвижим,
Тогда иди,
Грудь под броней не пряча.
А коль звезда зажгла свой свет над ним,
То суждены
Победа и удача.

Но в костяной коробке береги
Кристалл огня
В безмолвии глубоком,

Кури смолу над ним
И не могли
Облить вином коробку пенароком.

И повествует нам старинный стих:
Святая Русь в то радостное лето
Раденьями подвижников своих
Сподобилась
Таинственного света.

Сподобилась.
И ныне жизнь сама
Открыла дверь
К сияющему чуду.
И новгородский богатырь Фома
Ушел в поход,
Напутствуемый всюду.

Не знаю,
Долго шел он или нет.
Но он поднялся вровень с облаками.
И вот забрезжил
Чудотворный свет
И обозначил
Чудотворный Камень.

Фома присел,
Суму разворошил
И от великой радости торопко
Единым дыхом чару осушил,
Да и потряс той чарой пад коробкой.

И все советы
Разлетелись в прах.
Фома сказал:
— Ну, камень он и камень.
Зачем коробка?
Донесу и так.—

И прикоснулся дерзкими руками
К источнику непостижимых сил,
Вода вокруг безумными очами.
И огонь незримый
В сей же миг пронзил
Богатыря
Могучими лучами.

И рухнул он,
Безмолвен и тяжел,
И слился дух с дыханием пустыни.
А Камень заповеданный
Ушел.
Куда ушел —
Неведомо доныне.

3

Огонь носящий,
Родственник грозы, —
Так говорит индийское сказанье —
Хранился в храме чистой бирюзы.
Сливалось с небом чудное сиянье.

Но осадил однажды Тамерлан
Столицу уstraшенного Китая.
И город был на разграбленье дан.
И мгла его заволочла густая.

Храм сотрясло бряцание мечей.
Вошел Тимур,
И, думой озабочен,
Он кинул взгляд
На яркий блеск лучей:
— Пусть Камень ждет,
Пока поход закончим.

Воитель грозный,
Он опять спешил.
Одна лишь мысль
Вперед его стремил.
Но он, увы,
Глаза свои смежил,
Не покорив
И половины мира.

Но говорят,
Что сокровенный дар
Видали люди
В башне Улугбека.
Известно также,

Что хранил Акбар
Ковчег небесный
Ровно четверть века.

Потом стряслась великая беда.
В глухую ночь подкупленные слуги
Украли Камень.
И сказал тогда
Акбар
Толпе, теснившейся в испуге:

«Да будет свет духовный
Негасим,
И не впадем в унынье от напасти.
Напрасны ухищренья темных сил.
Им огонь, сокрытый в Камне,
Не подвластен.

Напрасно зло
И в холод и в жару
Колени перед Камнем
Преклоняет.
Лишь устремленье
К свету и добру
Священный огонь
Безмолвно покоряет.

Служитель тьмы
Всегда ему чужой.
Вернется свет опять
В обитель света.
Но ждите Камень
С чистою душой
И с чистым сердцем
Ждите Камень этот».

4

В степи мерцает
Мертвый солончак.
Летит напев монгольского поэта.
Великий всадник!
На твоих плечах
Играют блики дивного рассвета.

Взрывая тьму,
Несется красный копь
Неудержимо-плавными рывками.
Из-под копыт —
Пылающий огонь.
То мчится вестник:
«Люди, ждите Камень!»

И эхо повторяется в степях.
И всадник поднялся над облаками,
Как бы привстав
На огненных столбах.
То мчится вестник:
«Люди, ждите Камень!»

Корабль готов.
Начертан путь прямой
Ему по звездным радостным приметам.
Сегодня тьма встречается со тьмой.
Сегодня свет встречается со светом.

Корабль готов.
Он лишь сигнала ждет.
Густую мглу
Уверенно рассеяв,
Он поплывет,
Раздвинув небосвод,
В страну Большой Медведицы,
На Север.

5

«Сей камень,
Сей таинственный магнит...»
Листаю вновь
Старинные страницы.
Великий смысл здесь все-таки сокрыт.
Великий свет здесь все-таки строится.

Звучат слова из неподвижной тьмы,
Соединясь
В сверкающие звенья.
Я думаю:
Как ни противься мы,
А не случайны все же совпадения.

Тут жизнь сама,
Под символом таясь,
Чарует нас
Изменчивой игрою.
И с космосом
Земная наша связь
Куда древней,
Чем думаем порою.

И в этом убедиться так легко.
Приподними
Без страха и опаски
Ты золотое покрывало сказки —
И станет близким то,
Что далеко.

1974

СВИТОК

Некогда вы составляли единство,
но вас стало двое...

Евангелие от Фомы

1

«Когда из двух
Вы станете одним»
И устремитесь
К свету и простору,
Сокрытый мир,
Что был для вас незрим,
Подвластен будет
Внутреннему взору.
И, раскрывая
Вековой секрет
Пропзительно-таинственного зова,
Исполнится
Пророческий завет,
Исполнится
Пророческое слово.

«Когда из двух
Вы станете одним»,
Объяты
Тишиною сокровенной,
Вы
Духом пробудившимся своим
Почуете
Гармонию вселенной.
В сиянии небесной синевы,
Прозрев свою
Неведомую славу,
Сынами человеческими
Вы
Именоваться будете
По праву.

«Когда из двух
Вы станете одним»,
Мерцаньем дивным
Озарятся доли,
Отступит тьма
И растворится дым,
Воскреснут
Непреложные глаголы.
Затихнет боль
Щемящая в груди,
И страх
В забвенье сумрачное канет,
И коль горé
Вы скажете
«Иди!»,
Она пойдет,
Обрушивая кампи...

2

Твоя стезя неуловима.
Но как сомненья ни глуши,
Я не душа,
А половина
Единой некогда души.

И если верить в пробужденье,
Что жизнь дарована не раз,
В круговорот
Земных рождений
Все тот же вихрь
Бросает нас.

Слепое небо
Рвется в клочья,
Ловя
Светящуюся нить.
О, сколько тленных оболочек
Я должен был перемепить!

Меня встречало пепелище.
Менялись люди,
Местность,
Речь.

И был я принцем,
Был я пищим,
И посох я сжимал,
И меч.

Я отступал и оступался,
Тебя, как бога, призывал.
А сколько раз я ошибался!
А сколько раз не узнавал!

И непонятной тишиною
Вдруг обрывался цикл земпой.
И звезды гасли надо мною
И вновь горели падо мной.

И вповь, и вповь,
Без тени страха,
Я должен был,
Продолжив путь,
Прорезать мглу,
Восстать из праха,
Из бездны в бездну заглянуть.

3

Мне сон приснился на рассвете.
Таким отчетливым был он,
Что затрудняюсь я ответить:
Реальность это
Или сон.

Я видел пас
В холодном склепе.
Я видел,
Будто мы с тобой
Сидим
Закованные в цепи.
А день
На редкость голубой.

Скользили трепетные тени
В лучах веселых и в пыли,
И непонятные ступени
К помосту страшному вели.

В сверканье радужного спектра,
Блюдя
Таинственный порог,
Сидел на возвышеньях
Некто —
Волшебник, маг или пророк.

Ошеломлен
И озадачен,
Сраженный скорбью наповал,
Я закричал:
«Что это значит?
Кто нас
В железо заковал?»

Земля качнулась под погами.
И вот раздался глас из мглы.
«Вы сами,—
Он сказал,—
Вы сами
Себе сковали кандалы.

Самих себя
В глухом подвале,
Где вест запахом сырым,
К своим ошибкам приковали,
К заботам призрачным своим.

Разъединенность и разруху
Творили вы по мере сил».
«А как же быть?» —
Смутившись духом,
Я у безмолвия спросил.

«Как сбросить этот ржавый остов?
Как сделать окрыленной мысль?»
И я услышал:
«Очень просто.
Ты подними глаза лишь ввысь».

И недоверчиво я поднял
Отяжелевшие глаза —
И свет нездешний их наполнил,
И расступились небеса...

Когда же кончилось забвенье,
Я вновь увидел пьедестал,
И маг в венце,
Слепящем зренье,
Свой палец
Приложил в устах.

А голубая даль искрилась,
Рождая звонкие лучи.
«Все то,
Что для тебя открылось,—
О том до времени
Молчи».

4

Я листаю
Знакомые с детства страницы.
Я вживаюсь
В тревожный трепещущий слог.
К величайшей сей тайпе
Как хотела пробиться
Вся поэзия мира —
И Пушкин, и Тютчев, и Блок.

Этой тайпою тайп
Вдохновение питалось.
И спасительный зов,
И желанную весть
Аллегория сказок и преданий
Пыталась
Хоть пameком,
Хоть притчей,
Но все же донести.

Раздвигались, скрипя,
Заржавевшие рамки.
Свет и ветер врывались
В неподвижный мирок,
И красавицу спящую
В заколдованном замке
Воскрешали для жизни
В предназначенный срок.

Ускользящий смысл
Незатейливых строчек
Неспроста наше сердце
Волновал по ночам,
И до времени скрытое
Аленький скромный цветочек
Как спасительный символ
Озаренно венчал.

Воедино собрав
Разрознённые звенья,
По-другому глядим
На легенду и миф.
И встает
Из холодного мрака забвенья
Опаленное имя твое,
Суламифь.

Льется праздничный стих
И легко
И свободно.
Мысль светла и прозрачна,
Словно горный кристалл:
«Не будите возлюбленной,
Если ей не угодно;
Не тревожьте возлюбленной,
Ибо срок не настал».

5

Все то,
Что привлекало и мешало,
Все то,
Что наполняло бытие,
Еще не жизнью было,
А пожалуй —
Преддверьем
И предвестием ее.

О, пробужденье радостное это!
О, как призывно тишина дрожит
И ловит отзвук древнего завета:
«Возлюбленный мой
Мне принадлежит!»

Причастные завидному уделу,
Мы почитаем чудом,
Если вдруг
Непреходящий
Собственный твой дух
Животворит
Слабеющее тело.

Приблизившись к невидимым пределам,
Дыханье пьешь невидимых небес.
Но если дух
Животворится телом,
Тогда уж это
Чудо из чудес!

6

Любым словам,
Любой молве —
Не верьте!
Любовь не знает измерений,
Нет.
Сильна, как смерть?
Она сильнее смерти.
Ясна, как свет?
Она дарует свет.

Любое тут сравнение неуместно.
Встречает нас неведомое здесь.
И лишь одно
Доподлинно известно,
Что есть она.
О, это точно:
Есть!

Да, есть она,
И этого довольно.
И сразу радость
Наполняет дух,
И речи обрываются невольно,
И глупость глупых
Умолкает вдруг.

Перед ее пророческим простором,
Перед ее зовущей тишиной
Все наши споры остаются вздором,
А мудрость мудрых
Кажется смешной.

7

Как пекий драгоценный слиток,
Ударит солнце нам в глаза.
Совьются перед нами в свиток
Земная твердь и небеса.

Сливаясь с буквами живыми,
В тебе звучащими всегда,
Свое немеркнувшее Имя
Ты прочитаешь без труда.

И слово,
Скрытое под спудом,
Придет,
Сомпенье истребя:
«Мы все оттуда,
Все оттуда,
Где свет рождает сам себя».

Загадка дальнего предела
Теперь уж явственна навек:
Свет,
Облекающийся в тело,—
Вот что такое человек.

И нам с тобой
Благовестует
Воскресший голос бытия,
Что порознь
Нас
Не существует,
Что я есть ты,
Что ты есть я.

МАХАТМА ГАНДИ

«Ты посмотри:
Набухла кровью карта.
Ты взвесь
Свои деянья,
Человек.
Растет, растет
Ужаснейшая карма,
Как снежный ком,
И леденит наш век.

И коль без предрассудков
Разобраться
И в том,
Что есть,
И в том,
Что может быть,—
Лишь теплотою
Всеземного братства
Мертвящий ком
Возможно растопить.

Страшна
Сама уж мысль о катаклизме
И все же
Понимаем мы
С трудом,
Что если братства
Не достигнем в жизни,
То в общей смерти
Братство обречем.

Как никогда,
Игра с огнем опасна,
А ход вещей, увы,

Необратим.
Законы джунглей
Утверждая властно,
Мы всю планету
В джунгли превратим».

Играли блики света
У порога,
И тени трепетали
На полу.
Очки на перепосице потрогав,
Махатма Ганди
Подошел к столу.

Он пижет
Нить неторопливых строчек,
И он еще
Не ведает того,
Что этой тихой
Бездыханной ночи
Стать суждено последней
Для него.

Луна в окошке
Отливает медью.
Безмолвие
Сгущается над пим.

«Как никогда,
Нам не союз со смертью,
А с жизнью нам
Союз необходим.

И делать вновь,
Как некогда,
Не надо
Нам ненависть
Союзницей слепой.
С открытым сердцем
И с открытым взглядом
Нам должно брать
В союзницы
Любовь.

И, обращаясь
К каждому,
Прошу я:
Ты жаждешь
Путь великих разделить —
Так будь готов пролить
Не кровь чужую,
А будь готов ты
Кровь свою пролить.

Вот это будет правильно
И кстати,
И свет сильнее прорежется
Во мгле.
И уверяю вас,
Что в результате
Прольется меньше крови на земле».

1975

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

«Над лесом, притихшим и строгим,
Катился таинственный гул.
Уставши от дальней дороги,
Я спешился.

Меч отстегнул.

У стен монастырской ограды
Струилась вечерняя хмарь.
— Владыка и мы тебе рады.
Мы ждали тебя, государь.

Скрипят подо мною ступени,
И вот, на колени упав,
Я слышу как будто в забвенье:
— Раб божий Димитрий, будь здоров!

Под Спасом дымилась лампада,
Мигающий свет паклоня.
И Сергей пронзительным взглядом
Глядел, прожигая меня.

Пришедший в святую обитель,
Я начал нескладную речь:
— Ты знаешь, Отец и Учитель,
Как мир я старался сберечь.

Но были усилия напрасны
Отсрочить жестокую брань,
Хотя мы и были согласны
Платить неизбежную дань,

Как прежде.

Но, нам не внимая,
Наглела татарская сыть,
И ныне — знай, Отче, — с Мамаем
Нас может лишь меч рассудить.

Не ведая сна и покоя,
Собрал я великую рать.
Но дух мой исполнен тоскою,
Но дух мой в смущенье опять.

Мой взор замутили печали.
Не ведаю, что впереди.
А ты говорил нам:
— Вначале
Себя самого победи.

Потом уж дерзай на большое,
Потом уж вверяйся судьбе.
Свободной от страхов душою
Свободу добудешь себе.

А я вот блуждаю во мраке:
Все сделал ли я для Руси?
Сомненье, отчаянье, страхи
Тебе приношу я.
Спаси.

— Пусть, сын мой, незримые стражи
Прольют свой врачующий свет.
Ответствуй:

исчерпаны, княже,
Все средства для мира иль нет?

Исчерпаны полностью? —
Голос

Прорезал келейную тишь,
Как будто земля раскололась.
— Тогда, — он сказал, — победишь.

Ветр глухо стонал за стеною.
В мерцающих бликах огня
Наставник, склонясь надо мною,
Персты возложил на меня.

И, как воскрешает мне память,
Почувствовать мне удалось:
Нежгучее тихое пламя
Из рук его чудных лилось.

2

Вода колыхнулась в загопе
И тут же пропала во мгле.
И было нас пятеро.

Кони
Ступали по мягкой земле

Безмолвно.

Темнела дубрава.
Овраги заполнил туман.
И были татары направо,
Налево — наш воинский стап.

Во мраке нахлынувшей почи
Я слушал, подавшись вперед,
Что ветер татарский пророчит,
Какие нам вести песет.

И вот мне почудились крики
И трубный почудился звук.
Услышал я гомон великий,
Колес убегающих стук.

Сокрытый тяжелою мглою
И кропой могучих дубов,
Услышал я карканье злое,
Услышал я клекот орлов.

И сыч хохотал над холмами,
И лаяли волки в лесу,
А лебеди били крылами,
Как бы предвещая грозу.

Во мраке нахлынувшей почи,
Я слушал, подавшись вперед,
Что ветер пам русский пророчит,
Какие нам вести песет.

Пытаясь постичь откровенье,
Глядел я в бескрайний прогал.
Но тщетно терял я мгновенья,
Но тщетно я слух напрягал.

Ни звука. Таинственно. Немо.
Но вот показались огни.
Они охватили полнеба,
Все небо объяли они.

Зарею червоного цвета
И запад горел, и восток.
— Хорошая, брате, примета,—
Сказал воевода Боброк.

Миная чужую дубраву,
Копьям горячили бока.
— Пора начинать переправу,
Пока еще ночь глубока.

Туманом всю землю застлало.
Равняли ряды в полутьме,
И раннее солнце застало
Мой стяг на высоком холме.

А Дон отливал синевою
И очи сверканьем слепил.
— Любезные други и вои,
Великий наш день наступил.

Мечи выпимайте из пожен.
Разите мечом и копьем.
И если мы головы сложим,
В жизнь вечную мы оживем.

3

...А патиск ордынцев был бешеп,
Аж поле стопало кругом.
Пал конь подо мною.
Но пеший
Врага доставал я клинком.

У сломавшей ветром ракиты
Удар меня страшный настиг.
В беспамятстве, словно убитый,
Я рухнул на землю.

Под солнцем, палящим пещадно,
Лежал недвижим у ручья.
Не видел, как вороны жадно
Кружат надо мною, крича.

И тьма отступает глухая.
В руках моих — щит и клинок.
И Змей, чешуею сверкая,
Лежит, бездыханный, у ног.

— Смотри,—

говорит мне Учитель,

И я оглянулся назад.
И горнюю вижу обитель,
И вижу я сказочный град.

Сияли красою нетленной
И башни и купола,
И звездная слава вселенной,
Тот град осеяя, плыла.

— Сие есть грядущее, сыне.
Сие наша Русь.

И она

Не просит, а требует пыне:
Восстань и очнись ото сна.

И слышу я трубные звуки.
Они отовсюду спешат.
И чую, как сильные руки
Меня, приподняв, тормошат.

— Встань, княже.

Победа за нами!

— Коня государю! —

И вот

Я по полю еду, и пламя
Закатное под поги бьет.

Давно уже битва замолкла,
И пала холодная мгла.
Но доли дымились, и Смолка
Кровавые воды несла.

Безмолвью сипеющих пашеп
Я слухом и духом внимал
И плакал и ратников наших
Я мысленно всех обнимал...»

1977

ПЕСНЬ О ШАМБАЛЕ

У подпожъя вершины двуглавой,
У отрогов безмолвных хребтов,
Осененных сверкающей славой
Вековых гималайских снегов,

На сухом и песчаном откосе,
На изломе земли и небес,
В окружении кедров и сосен,
Образующих сказочный лес,

Где отшельники, гуру, саньяси¹
Обретали причал и привал,
Где, коль верить преданию, Вьяси
Свое имя реке даровал,

На ступенях старинного храма,
Уводящих в забытый предел,
В одеянье оранжевом лама
Песнь о Шамбале² огненной пел.

Пел о дивной стране, для которой,
По свидетельству древних страниц,
Не хватило земного простора
И земных не хватило границ.

В неприступных высотах Тибета,
В очистительном зареве звезд
Основало отечество света
Свой бессменный и вечный форпост.

¹ Саньяси — монахи. Вьяси — мудрец древней Индии, автор Махабхараты, от имени которого получила свое название река Биас.

² Шамбала — буддийское название таинственной и легендарной страны. Некоторые исследователи усматривают аналогию с Беловодьем наших староверческих сказаний.

Луч прорезал глухое пространство
И взорвал неподвижную ночь,
Ибо бодрствует белое братство,
Дабы страждущим людям помочь.

И отсюда, старанья устроив
Проторить в нашу юдоль тропу,
Шли подвижники, гуру, герои
В гущу горя, в густую толпу...

Так, слова со словами сплетая,
Песнь звенела, и в песне чужой
Повторялась легенда Алтая,
И душа сочеталась с душой.

Эти саги во всем совпадали
(Не один ли слагал их поэт?).
Одинаковы были детали,
Устремленность, пастрой и сюжет.

Может, в некоем неписаном своде
Утверждалась их тайная связь,
Если Шамбала, как Беловодье,
Белым островом тоже звалась.

Удлинялись причудливо тепи,
И казалось: внимая словам,
Неотступно гудели ступени
И пустой резонировал храм.

Властный голос померкнувшей сини
Зазвучал у тяжелых стропил.
— Век блистающей Шамбалы пыне,
Заповеданный нам, наступил.

— В чем же признаки нового века? —
Я спросил, приподнявши ладонь.
И, рождая далекое эхо,
Мне ответили кратко:

— Огонь.

Пронизавший надземные выси
Да и сферы земные уже,
Агни, огонь, сожигающий мысли,
Не созвучные нашей душе.

Опаленным космической тайпой,
Отзвук давних преданий храня,
Познавать нам дано не случайно
Утонченные формы огня.

Не случайно в мерцающем мраке,
Непростую преследуя цель,
Участились небесные знаки,
Неизвестные людям досель.

В излученьях летающих дисков
Грозным светом горят облака.
Что-то дальнее-дальнее близко,
Ну а что, неизвестно пока.

Привыкая к волшебным приметам,
Почему-то никто не спросил:
А не знаменья ль Шамбалы это
И спасительных Шамбалы сил?

И скажу я о признаке главном,
Отличающем огненный век:
Ныне тайное сделалось явным,
Путь сокрытый доступен для всех.

Ныне будничным выглядит вестник
И глаголет, кто раньше был нем.
Потому-то о Шамбале песню
Я пою громогласно и всем.

— Далека ли твердыня ашрама¹,
Над которой клубятся века? —
И ответил участливо лама,
Что она далека и близка.

— Но подобное высшему чуду
Обостренное зренье твое
Может всюду, решительно всюду
Вдруг почуять сверканье ее.

¹ А ш р а м — школа для посвященных, уединенное место для углубленной внутренней работы.

Свет великий вы в душах взрастили,
И узнай, что узнать падлежит:
Вековечная тайна России
На путях в Гималаи лежит.

Слышишь в призрачной дымке рассвета
Грозовые раскаты высот?
Это Шамбала в действии.

Это
Ток незримый в Россию течет.

Если в сути вещей разобраться,
Наслоения отбросив молвы,
Авангард светопосного братства —
Это русский народ, это вы.

В жизнь и плоть претворяя заветы
Непостижной, как небо, любви,
Всю тяжелую карму планеты
Вы взвалили на плечи свои.

Вот зачем, усмиряя стихию,
Утвержден непреложный закон:
Кто с Россией и кто за Россию,
Тот от гибели будет спасен.

В дни, когда громяхают зарницы
И сдвигается так бытие,
Очень многое людям простится,
Не простится хула на нее.

Сроки ныне приблизились.
Ведай

Сокровенную светлую весть,
Что залог непременной победы
Величайший у Шамбалы есть.

Пусть сомненья навек замолкают.
В ореоле бессмертных легенд
Русь и Индия, грани смыкая,
Образуют один континент.

На скрещенье неведомых токов
Устрашаются наши враги
Единенья двух этих истоков
И слиянья двух русел реки.

Ибо свет укрепляется светом,
Общей аурой ¹ держится твердь,
И единство грядущее это —
Поражение для темных и смерть.

Где б ты ни был, в любом отдаленье,
Прозревая намеченный путь,
Будь глашатаем их единенья
И посланником Шамбалы будь.

Не смущайся ни сердцем, ни духом,
Что загадочна эта страна.
Не беда, коль доверишься слухам:
Мол, легенда и сказка она.

Не имеет значения это.
Каждый, кто осознал наконец,
Что причастен он воинству света, —
И посланник ее и гонец.

И усилие твое не напрасно.
Даже мысль, обращенная к ней,
Опаляет людей и пространство,
Просветляет сумятицу дней.

Лишь бы зов твое сердце наполнил,
Лишь бы зов ты воспринял всерьез...

Вот и все, что тогда я запомнил
И в дневник торопливо занес.

Но одно я постиг в полной мере,
Об одном до сих пор не забыл:
Если сведеньям древности верить,
Я в преддверии Шамбалы был.

Так ли это?
Вернувшись из странствий,
Ничего подтвердить не могу.
Ну а выдумка, как ни старайся,
Не желает ложиться в строку.

¹ А у р а — термин, обозначающий свечение. В данном случае имеется в виду светоносное поле глобальной силы.

Но на память об этой прогулке,
О беседе в далеком краю
Я в сандаловой желтой шкатулке
Гималайскую землю храню.

Горсть сухая индийской природы.
В ожиданье обещанных встреч
Берегу ее долгие годы
И надеюсь до смерти сберечь.

И когда я безмолвию внемлю
И, закончив ночные труды,
Я держу на весу эту землю —
Грани камешков, блески слюды,—

Ощушаю, признаться, всей кожей
Снеговое дыхание высот,
И Гепанг, на Белуху похожий,
Наяву предо мною встает...

1978

САТСАНГ

Сатсанг.

Так называется беседа,
Неспешная беседа о предметах.
Высоких и священных.

В Гималаях

Я вел ее на берегу реки.
Биаз гремел и, отражая солнце,
Глаза нам резал блеском пестерпимым.
Мы на земле сидели.

А пад нами

Березы и магнолии смыкались,
Даруя нам спасительную сень.
И тот, кого Махатмой именуют,
Скрестив босые ноги, говорил:

«Поскольку все, что видим мы, священно,
Пусть будет темой наших размышлений
Обычный лед.

Вот этот лед.—

Рукою

Он указал на горную вершину,
Увенчанную гладким ледником.—
Рассмотрим лед медитативным взором.
Я думаю, вы согласитесь:

в нем

Материя свою являет косность.
Инертен он, и неподвижен он.
Но солнце накаляет атмосферу.
И что же лед?

А он теперь не лед.

Он стал текуч, он стал теперь подвижен.
Он сделал шаг вперед и, изменившись,

Возвышенные свойства приобрел.
Теперь он для растений и животных
И для людей — живительная влага.
Скрытое теперь раскрылось в нем.
Но подогреем воду.

Что же дальше?

Шаг новый ввысь:

лед превратился в пар.

Невидим он, и он теперь подвижней,
Чем горных рек стремительный поток.
И он такую обладает силой,
Что может двигать грузные суда
И заставлять работать механизмы.
Но это не предел

Есть жар огня,

Который скрыт в глубинах и который
Пар превращает в перегретый пар
(За неимением термина другого
Употребляю слово «перегретый»).
Когда прорвутся воды океана
К огню подземному, бушующему в сферах,
Подобно магме солнечной,—

тогда

Планету сотрясают катаклизмы,
И горы поднимаются над сушей,
И суша опускается на дно.
Вот что такое перегретый пар,
Еще не покоренный человеком.
Но не забудем об исходной точке
Беседы нашей.

Перед нами лед.

Все тот же лед, но лед преображенный.
И это не конец метаморфозам.
Условия новые — и новый шаг вперед,
И говорить должны мы об эфире,
Заполнившем межзвездные просторы.
Наш бывший лед теперь уж повсеместен,
И он обрел космическую мощь.
Еще ступенью выше — и свершилось.
И перед нами чудо из чудес:
Лед наконец становится частицей
Той величайшей сущности единой,
Что пазывают словом — Абсолют.
Напоминаю, вынужден напомнить,
Что этот термин, как и все, условен.

Для нас он символ, олицетворенье
Единства всех космических начал.
Итак, какой мы получаем вывод:
Любая вещь, которую мы видим,
Есть Абсолют.

Она, пройдя этапы
Непостижимо сложного развития,
Преобразует внутренние свойства,
И может быть возвращена к истоку,
И может быть возвращена к себе.
Но если так, то мы должны признать:
Разъединенье с Абсолютом —

Мая¹.

Лишь связью с ним вселенная жива.
Но если так, то это означает:
У человека нет важней задачи,
Чем ощутить слиянность с Абсолютом.
В сиянье Абсолюта раствориться,
Но не затем, чтоб в нем навек исчезнуть,
А чтоб себя и мир преобразить».

Махатма замолчал.

Звенели птицы.

Шуршали ящери и шлепались на землю
С камней, залитых солнцем.

Но ничто

Не парусило нашего безмолвия,
Не прерывало нашей тишины.
Над ледником, подернутым туманом,
Вздыхало облако и медленно парило,
И уходило плавно в синеву...

1978

¹ М а й я — иллюзия, выдающая себя за истину.

Медитации

СТУПЕНИ

Взобраться на высокую вершину
Не так-то просто. Далеко не каждый
Готов поверить, что вершина есть.

А сердце — центр и точка поворота.
Отсюда путь ведет и вверх и вниз.

А сердце — ключ в сверкающие сферы
И первый такт музыки этих сфер.

А сердце — неустанный переводчик.
На наш земной язык перелагает
Глагол небес.

Свет белый-белый сердце излучает.
Мне солнцем белым кажется оно.

Сознание вновь переместилось в сердце,
И нет границ меж сердцем и умом.

О, сердце!
Из туманностей твоих —
Я вижу — созидаются созвездья.

Вселенную в себя вмещает сердце,
Но это лишь ничтожнейшая часть
Его необозримого пространства.

А время тщится подключиться к сердцу,
Смутить его, нарушить ритм его.

Рекут пророки:

«Времени не стапет».
Его и нет, когда уходишь в сердце.

Напоминает время о себе
То шорохом, то мыслью суматошной.
Но это волны, бьющиеся в берег.

Любовь, любовь уничтожает время.
Любовь и время — это несовместно.
Любовь есть вечность.
Вечность есть любовь.

А время порождаете вы сами,
Когда, забыв о вечности в себе,
Пытаетесь дробить на части мир,
Единый, нераздельный, нерушимый.

Часть больше целого.
Вот первый парадокс,
Который должно вам постигнуть ныне.

Твой Микрокосмос весь вмещает космос,
И все эпохи в нем совмещены.

Замкни в себе историю Земли,
Нет, мало этого — и всей Вселенной также,
И осознай, что это лишь мгновенье
Духовной жизни внутренней твоей.

А время — результат непониманья
Великой истины, что космос — часть тебя.

Загадка времени тогда лишь разрешится,
Когда в единство с вечностью войдешь.

Реальность времени почувствуешь, когда
Дыханьем вечности все существо наполнишь.
А так оно — абстрактное понятие.
Оно и есть, и нет его порой.

Ищите вечность всюду и везде.
Во всем.

Она вокруг разлита.

Вдыхая воздух — ты вдыхаешь вечность,
А выдыхая — в ней ты растворяешься.
Запомни сей незыблемый закон.

А мысль рождается на стыке двух вселенных,
Двум космосам она принадлежит.
И Макрокосмос, как и Микрокосмос,
Участвует в рождении ее.

Вот почему твоя подвижна мысль,
И так крылата, и легко объемлет
И мир вовне, и внутренний твой мир.

Безмолвье — гармоничное слияние
Двух космосов.
Тогда-то в равновесье
Приходит мысль, раздвоенная прежде.

Должна быть мысль проверена безмолвьем.
Пройти через безмолвие должна.
Иначе мысль закрутит и завертит,
Не даст понять, в чем существо ее.

Все образы, мелькающие в вас,
Великому молчанию подчиняйте!

Безмолвие не значит пустота,
Лишенная и света, и движенья.

Не строй насчет безмолвия догадок.
Оно — и Слово, и оно — без слов.

Безмолвье не отдельно от тебя.
Оно — в тебе.
Оно — твоя основа.

И коль слова пронизаны безмолвьем,
Коль отзвук в них безмолвия живет,
Они — трамплин для взлета в высоту.

Безмолвие.
Оно же очищенье
Души и тела, тела и души.

Не замешайте мыслью о безмолвье
Безмолвия.
Оно растет из сердца,
Из всеохватной радости твоей.

Раскрыться должен человек, как лотос,
Дабы впитать таинственный глагол.

Прислушайся к космическому ритму.
Пусть он творит.
А ты воспринимай.

О ритме помни.
Равновесье духа
Ты только так сумеешь сохранить.

Великий ритм приливов и отливов
Во всей вселенной царствует всегда.

И жизнь и смерть — чередование ритма,
Звук, возникающий и глоснущий вдали.

И жизнь и смерть (в обычном нашем смысле)
Все время чередуются в тебе.
Лишь синтез их, их дивное единство
И образуют истинную жизнь.

А внешний мир — лишь двери в бесконечность,
В бесчисленное множество миров.

Ты растворяешь в вечности себя,
А вечность растворяется в тебе.
В слияние, в сочетание двух процессов
Вершится путь познания твоего.

У истины нет имени.
Она,
По существу, конечно, безымянна.
Поэтому калейдоскоп имен
Она имеет.

В обличьях разных истина одна.
Умей свой дух поднять над оболочкой.

А ты к познанию радость подключи,
И все вокруг тебя преобразится.

Стремление видеть космос в каждой капле,
В травинке, звере или человеке
Второе зрение раскрывает в нас.

Познание и нравственность — две грани,
В единстве выступающие четком.
И звезды зажигаются на небе
Усиьем волн и волной любви.

Познање Жизни — это лишь познање
Ее любви к тебе и всем мирам.

Общение с Жизнью только так возможно:
Через Ее Любовь, через твою.

Прими любовь, идущую от Жизни,—
Тогда и сам сумеешь полюбить.

Любовь есть мудрость сердца твоего.
А мудрость есть любовь ума и духа.

Жить — это значит радоваться Свету.

Миры открыты радостному сердцу,
Распахнуты для радостной души.

Будь радостен — и отпадут усилья,
Необходимость волевых толчков.

Оружье радости всех поразит врагов.
Дух радости приводит их в смущенье
И заставляет дрогнуть, отступить.

А в этот мир для радости ты призыва.
В известном смысле миссия твоя:
Быть радостным.

Ты — только пота радости вселенской.

Ты смертен, человек, поскольку ты
Решил не думать вовсе о бессмертье.

Мысль о себе отсутствовать должна.
Границы «я» да будут в ней размыты.

Нет времени, когда исчезнет мысль
(Прямая мысль или тайная твоя),
Что о самом себе.

Теряй себя, не думай о себе!

Со смертью мысли о самом себе
Твое и начинается бессмертье.

Единство — смерть для личных завихрений.
Единство — жизнь для высшего в тебе.

Единство ничего не разрушает.
Оно лишь светом наполняет все.

Единство лишь присутствует во всем,
Не упраздняя множественность граней.

Но единенье это ведь не смесь,
Как в хаосе, частичек разнородных.
Но единенье — это измененье,
Преображение слившихся начал.

А творчество — второе имя жизни.

Жизнь огненным творится очищеньем.
Иначе жизнь лишь по названию жизнь.

А творчество идет по двум путям:
Ты сам творишь, но и тебя творят.
Гармония двух огненных потоков
Дает лишь настоящие плоды.

Но творческий поток — поток особый.
Для душ холодных будет он холодным.
А для людей горящих он — огонь!

Поэзия невидимого мира
Пусть насыщает творчество твое!

Огонь пизвóдите.
Так огненными будьте!

А медитация есть творчество, в котором
Огонь вечности преобразует вас.

Пойми реальность внутреннего плана,
Физически ты ощути его.

Ушел в себя — какой неточный термин.
Сказать бы падо: вышел на простор.

А твой маршрут в безбрежность пачался.
Ты каждый день нащупываешь космос.

Как плохо мы владеем аппаратом,
Что телом человеческим зовется.
Не падо линз.

Не падо телескопов.
Здесь все имеется.

Недвижность относительна.
Она
Лишь кажется такой людскому взору.

Но утверждай недвижимое в подвижном.
Тогда единство планов утвердишь.

Уходит мысль в пространство, чтоб вернуться,
Чтобы заряд пространственный принести.

Вот так окно мы прорубаем в вечность,
И вечность к нам врывается в окно.

Учитесь время как бы замедлять
(Молчанье, медитация, безмолвье).
Энергия космическая в вас
Тогда сгущается.

И что такое время?
Ожиданье.
Уйдет одно — исчезнет и другое.
Не ожидай — и времени не станет.

Течение времени в себе остановив,
Ты получаешь силу, для которой
Сравнения нет и измерения нет.

Вне времени, желаний и надежд.
Над временем, желаньем и надеждой.

От мира отключившись, ты, конечно,
Не отключаешь мир.
Наоборот.
Весь мир в себя вбираешь, растворяешь.
Он лишь волна.
А ты есть океан.

Ты дышишь дивным воздухом вершин
Во время медитаций и безмолвия.
Поэтому ты должен обладать
Вторым дыханием.

Награда в медитации самой,
В самом безмолвье.

Потому все просьбы,
Которыми тревожишь мир духовный,
Нелепы, унижительно, смешны.

Когда вы с жизнью и во имя жизни,
Что может вас терзать и раздражать?

Да разве дело в цели (пусть великой) -
В преображение самого себя.
В сравнение с этим все звучит иначе:
Цель в средство превращается тогда.

Ты — храм, который возвела любовь.
Но этот храм ты удержишь в запустенье.

Преграды, что встают перед тобой,
Порождены твоим непониманием,
Что значит ты, в чем миссия твоя.

Ты сам с собой не встретился еще.

Рожденный бессознательно, ты должен
Родиться вновь в сознание всех задач.

Пришедший к поворотной точке жизни,
С благословения обстоятельств жизни
Ты каждый день свой должен начинать.

Себя не бойся — и исчезнет страх.
Себя не бойся — и придет безмолвье.

Я повторяю, что такое страх.
Название другое недоверья
К великой жизни.
Больше ничего.

Нет личного — а значит, нет и страха.
Есть личное — тотчас возникнет страх.

Не думай о себе.
А то, что мучит,
Ты погрузи в безмолвие свое.

Страх высоты преодолей в себе.
Тогда умрут и остальные страхи.

А высота духовных медитаций
Уже есть смерть для низшего в тебе,
Но разве это смерть на самом деле.

Спокойствие и выдержка твоя —
Проверка вечности, в твоём живущем сердце.

Быть в равновесье — значит увидеть.
Нарушить равновесие — ослепнуть.

Твой каждый выплеск гнева и сомненья
Немедля гасит внутренний огонь.

Готовность полная.
Ее и не бывает,
В процессе действия ты обретишь ее.

Есть испытание напряженья сил.
Есть испытание взлета над землею.
Всего трудней экзамен мелочей
И повседневных будничных занятий.

Страшней всего не крупные дела
(Величье цели здесь уж вдохновляет),
А мелкие текущие дела.

Прикованный к обыденным делам,
Ты забываешь о своей свободе,
Ты забываешь, что свободен дух
И ты свободен, коль сольешься с духом.

Лишь на вершине духа находясь,
Теченьем дел ты можешь управлять,
Не отдавая им своей свободы.

Не думай о падениях своих,
Свершившихся или еще возможных.
О взлетах думай каждый час и миг,
О взлетах в беспредельные просторы.

Само стремление к взлету очищает.

Сосредоточиться не значит напрягаться.
Наоборот.
Совсем наоборот.

А ожидание это напряжение.
А напряжение замедляет взлет.

Раскованность простора твоего
Не терпит и намека на насилие.

Не всплески волн и не водовороты,
Мы чтим течение ровное реки.

Да будет постоянным Устремление
И непрерывным, будто бы река.

Когда исчезнет тяжесть недоверья,
Как будет духу твоему легко!

А Устремленье — главный фёпомен.
Он открывает все замки и двери,
Все стены раздвигаются пред ним.

Ты на пороге Дома своего.
Еще усилие — и порог преступишь...

1978

КЛЮЧ

Ты должен повторять и повторяться.

Ритм слова и вибрации его
Меняются.

Одно и то же слово
По-разному воздействует на нас.

Есть точка поворота, и она
Трудней всего дается человеку.

А где же мир мой внутренний? Скажи.
Внутри? Вовне? Он — всюду и нигде.

А форму я представить не могу.
Как беспредельность заключить в границы?

За шагом шаг ты входишь постепенно
В мир, не подвластный взгляду твоему.

Мир ощутимый — это лишь ступенька.
А сколько их, тебя ведущих ввысь!

Мелькающие мысли мне мешают —
Как облака, они мне застыт свет.

Как в осажденной крепости.
Вокруг —
Взъерошенные мысли и желанья.

Как хрупко все.
Неосторожный шаг —
И сразу прекращается безмолвье.

Перед скачком, перед этапом новым —
Волнение особенное в сердце.
Пойми его и усьми волненье
Ты устремленьем духа своего.

Природа мысли есть твоя природа.
Постигнешь мысль — себя постигнешь ты
И будешь властен над самим собою.

Несовершенства тела твоего
Не столь страшны.
Куда страшней другое —
Коль мыслями себя к ним прикуешь.

...И думай интенсивно не о дальней,
А о ближайшей цели.
Вот лекарство
От всяких дум, мешающих тебе.

Твоя боязнь житейских мелочей
Порой смешна, пелепа, несерьезна
И недостойна самого тебя.

Ничто так не мешает человеку,
Как мелочи.
Поэтому учись
Воспринимать уколы их спокойно.

А также ожидание и расчеты
Туманят дух, терзают вашу душу.
(Энергия уходит бесполезно.)
Учись копить энергию свою.
Все отдавай текущему моменту.

Давление мира и давление света
Равно трудны, коль не готов твой дух.

И суета, которая вокруг,
И тишина, когда мятется дух,
Равновелики. Разницы здесь нет.
И потому не сетуйте на жизнь.
В любых условиях озаренье может
Коснуться вас.

Усиьем, очищающим пространство,
Ты должен в равновесии привести
Свой организм.

Воспринимать враждебную волну
В спокойствии и как бы отрешенно —
Ведь это значит победить волну,
Ослабить силу страшного удара.

Нападки темных, если устремлен,
В известном смысле даже помогают
Решать задачи, укреплять себя.

Враг может ошибаться, ожидая
Своей победы.
Ты не ошибешься,
Коль будешь верить в торжество свое.

Учитесь мужеству у собственного духа.

А в медитации твоей такая сила.
Она — поток и горная река.
Твой мусор низменный течение уносит.

Ты должен сконцентрировать себя
На мысли па единой.

Это есть
Ворота в настоящее безмолвье.

Огонь безмолвья сожигает мысли,
Которые идут не от тебя.

Свет говорит, а если он молчит,
Молчи и ты и заряжайся Светом.

Должно быть огненным твое вооруженье:
Мысль, чувство, устремление твое.

Бесстрашие не даруется.
Оно
Рождается в труде упорном духа.

Сосредоточь усилия на страхе.
Огонь безмолвья, пламя медитаций
Пусть уничтожат главного врага.

К призывам Жизни будь предельно чутким,
Чтоб наверстать упущенные дни.

Копятся изменения незаметно,
Но тем заметней будет твой скачок.

Твой путь — не упражнения над телом
(Хотя о теле должен помнить ты).
Твой путь — не подавление желаний,
Не аскетизм (хотя свои желания
Ты должен твердой воле подчинять).

Твой путь — другой.

Духовным озареньем
Ты должен все в себе преобразить.

Вставай, и поднимайся, и иди.
Единственно реален только Путь.
Паденья, отступленья — временные.
Простор зовет, и Жизнь тебя зовет.

Нет неудач.

А есть ступени духа,
По коим ты, карабкаясь, идешь.

А то, что называешь неудачей,
Оно, быть может, помощь и укрытье.
И в должный миг удачей обернется
Все то, что неудачей называешь.

Ведь ты богат.

Так не завидуй нищим,
Их показной и жалкой мишуре.

Не под волной ты должен находиться,
А над волной.

Тогда лишь будешь плыть.

Ты можешь выплыть.

А другой не может.
Так помоги спокойствием своим,
Доброжелательством и выдержкой своею.

Прозренье духа — не презрение к миру,
А состраданье и любовь к нему.

Путь человечества всего, без исключения,
Примите вы как собственный свой путь.

...Ступень Грядущего приблизилась к тебе.

Организуй сознание свое,
Дабы оно могло вместить в себя
Неведомые новые понятия.

Прикованность к привычным внешним формам,
К вещам, словам — вот главный враг свободы.

Привязанность идет от эгоизма
И от ума, от выкладок ума.
Не так, как вычислил, текут сейчас события.
Что из того?

Парить ты должен духом
Над суетой, событиями, вещами.

Учись привязанность любовью побеждать.

Противоречья — это от ума,
А сердце все объемлет и приемлет.

Оно не рассуждает, а живет.

Твори и действуй в излученьях сердца!

Преображение только через сердце
Свершается.

Пути другого нет.
Ты должен сердце подключить свое
Ко всем сердцам и ко всему живому.

Тональность сердца, ритм его и голос
Ты в гуле повседневном различай.
Ведомый сердцем не собьется в мире.

А поступать по указанию сердца —
Ведь это означает быть свободным
От вихрей личных, внутренних тревог.

Любовь была и есть преображение
Души и тела.

Это не любовь,
Коль дух недвижим.

Преображение — следствие любви.
Любовь тебя заполнит, как сосуд.
И он прозрачным станет и лучистым,
И ты тогда не можешь не светить
И не любить весь мир уже не можешь.

Волнение сердца радостным должно быть,
И больше никаким.

Страдания физического тела,
Метания окровавленной души —
Все преходяще.
Радость неизменна.

...А будет радость совершенна наша —
Тогда и будем совершенны мы.

Слова Любовь и Жизнь неразделимы.
В отдельности их познавать нельзя.

Мир ощущай, себя не ощущая!

Я не познаю это пазову,
А соучастьем или раствореньем
Себя во всем.

Творится Жизнь, и творчество живет.

Ритм творчества.
Он тоже разрушает
И крепости и бастионы зла.

Огонь сжигающий рождает жизнь в тебе.

Как жарко дышат замыслы твои,
Еще не воплотившиеся в слово.

Воображение — это приближение
К тому, что недоступно для тебя.

Путь творчества и есть волшебный путь,
Ведь он несет с собой преображение.

В себя вместивший свой незримый мир,
Иди спокойно по любым дорогам.

Ключ к сокровенным тайнам бытия
Давным-давно в руках у человека,
А он не знает, что в руках его.

Познание себя выводит в Космос.
Таков закон слияния всех начал.

Земля и Космос.
Ты живешь в двух сферах.
Не забывай о той и о другой.

Различие сфер в сознание нашем только.
По существу часть Космоса — Земля.
Но ведь различие для тебя реально,
И потому считаться с ним должны,
Стремясь к непостижимому единству.

Ты — это ключ к загадкам бытия.
Ты сам — загадка и ее разгадка.

Путь Космоса в тебе запечатлен.
Прошедший путь, но и грядущий — тоже!

Сгорает время, вечность возникает,
Как флешек, из великого огня.

Ты пробиваешь скорлупу веков.
Для вечности рождаешься ты ныне.

Ритм сердца твоего есть отраженье
Космического ритма бытия.

Мгновение и вечность адекватны.
То и другое может воплотить
В себе времен бесчисленные циклы.

Все то, что грандиозно для Земли,
Лишь эпизод для духа человека.

Сгустилось время.
Это и понятно.
Ведь тьма сгущается, когда рассвет грядет.

А время уплотненное чревато
Гигантским взрывом.
Поворот духовный
От взрыва должен Землю уберечь.

А темнота пусть выявит себя,
Вся темнота — перед победой Света.
Победа будет полной, на века.

Путь огненный во тьме мы совершили,
Дабы вернуться в солнечный свой круг.

Происхожденье солнечное наше
Считалось тайной, и сегодня — тайна.
Но подними завесу этой тайны.
Скажи тому, кто может распознать.

Не в переносном смысле дети Солнца,
В буквальном смысле дети Солнца мы.
И потому неразделимы мы
С дыханьем Солнца и его сияньем.

Любовью Жизни мы окружены.
Любовью Жизни подняты над бездной.

Любовь и мудрость — вот закон Вселенной.
Через любовь — спасенье человека.
Через мудрость — возвышение его.

Завет главнейший постиженья тайны —
Доверье к Жизни, к вышнему в себе.

Должна быть тайна, но должна исчезнуть
Таинственность.

Она людей коробит,
Стремящегося может оттолкнуть.
Поэтому и говорится:

простота,
Открытость и доступность — твой девиз.
Ты не над всеми.

Ты, мой друг, со всеми.

Учась у всех,
Учитель вырастает.

1979

БЕСЕДЫ С УЧИТЕЛЕМ

СВЕТ УЧИТЕЛЯ

*Да будет свет Учителя над нами,
Да станет он дыханием твоим.
Не передать недвижными словами.
Перед какой чертою мы стоим.*

Я знаю только:

*если вдруг остынет
Иль на мгновенье нас покинет свет,
Я задохнусь.*

*Мне без него отныне
Спасенья нет.*

И жизни тоже нет.

ОБРАЩЕНИЕ

*Слава богу, смолкают желанья.
Ни о чем не прошу невпопад.
Но твержу, как твердят заклинанья:
— Дай мне силу твой выдержать взгляд.*

*Обращаюсь к твоей же защите.
Ибо страшен неведомый путь,
Ибо взгляд твой, Отец и Учитель,
Точно меч, рассекает мне грудь.*

Учитель приближается к тебе.
События сплетаются в один
Нерасторжимый осязаемый узел:
Учитель приближается к тебе.

И сразу загудела тишина,
И сразу обозначилось пространство:
— Я на границе между миром внешним
И внутренним.
Твой самый главный мост.

УЧЕНИКУ

Как погрязаешь ты в житейских дрязгах,
Как мало ты общаешься со мной.

Ты — созидатель всяческих преград,
Я — разрушитель всяческих препятствий.

Я жажду вам помочь.
Всего нужнее,
Чтоб вы желали помощи моей.

Твой каждый шаг, направленный ко мне,
Рождаст волны встречного потока.

Все расстоянья внешние — пустяк.
Внутри себя преодолей бескрайность
Пустынных пронастей, встающих между нами.

Пусть к мраку приучаются глаза.
Потом увидят: мрак наполнен светом.

Но не смущайся духом, ибо трудно
Вести во мгле светящуюся нить.

Ко мне пробиться трудно и легко.
Я рядом, если дух твой бескорыстен.
Я далеко, когда корыстен он.

Я помогу, коль сам себе поможешь.

Насилие, желанье, ожиданье —
Три камня преткновенья твоего.

Ты раб еще.

Ты раб своих сомнений,
И страхов, и неверья своего.

Нельзя быть в рабстве.

Рабство — это смерть.
Быть в рабстве у себя — самоубийство.

Внутри себя раскрепости себя —
Тогда придет великая свобода.

Власть без насилия — истинная власть.

...Усилия всех друзей твоих незримых
Сосредоточены на главном направлении:
Помочь тебе, чтоб победил себя.

ВРАГ

— Учитель мой!

Сомнения и страхи —
Мой главный враг.

Я это понимаю.
Как победить мне моего врага?

— Спокойствием и выдержкой своею,
Сопоставленьем жизненных событий,
Ведущих вверх и только вверх и вверх.

Сомнение идет от эгоизма,
От нежеланий тягот и лишений,
Оно обозначает нежеланье
Исполнить волю духа своего.

Не отдавай сомнению вниманья.
Пришло оно — займись необходимым,
Но не питай его самим собой.

Сомнение и страх в тебе возникли —
Гони ко мне ту чуждую волну.

Я рассеку нахлынувшие волны.

БЕЗМОЛВИЕ

Молчанье, исторгающее мысли,—
Вот лучший способ нашего общения.

Не прогони испугом иль восторгом
Тебя уже объявшую волну.

А утешенье — это тишина.
Недаром так понятия похожи.

Безмолвие, а если по-другому —
Спокойствие и духа, и души.
Оно не явь, но и не сон.

А то,
Что явь и сон в себе соединяет...

УСТРЕМЛЕНИЕ

А устремленье рано или поздно,
Но выявит в самом тебе тебя.

Какая очистительная мощь
Заключена в одном лишь устремленье
Познать себя, через себя — весь Космос!

...Но в каждом дне, в его начале должен
Ты обозначить вечность.

День начался,
Коль вечность завибрирует в тебе.

Одно мгновенье — по равно векам!

В себе две бесконечности сливая,
Ты новую вселенную творишь.

Цель жизни — жизнь, но жизнь в преображение.

Преображение, творчество и жизнь —
Вот три неразделимые понятия.
Они тождественны.

Они, попятя эти,
Одну и ту же выражают суть.

Живешь, когда творишь, преобразуя!

Ничто отбросить в мире невозможно.
Но каждый атом может быть и должен
Преображен.

УСИЛЬЯ ТЕМНОТЫ

Вначале испытанье мелочами.
Они как лес, цепляющий одежду.
Но после чащи зазвучит Простор.

Все то, что вас заботит и тревожит,
Уколы мелкие.
Не более того.
Но это тактика проверенная темных.

Спокоен будь.
Нет ничего вокруг,
Что задержать могло твоё движение.
Расчет врагов — что сам себя удержишь.

По существу усилья темноты
Направлены в одну и ту же точку:
Лишить тебя духовных медитаций,
Лишить тебя безмолвья твоего.

Но знающий не должен отступать,
Но знающий быть бдительным обязан.

Нет ничего важнее для тебя,
Чем непрерывность нашего общения.

Иди по жизни не один — со мной.
Нет одиночества, коль сам не обрекаешь
Ты на него себя.

Твои страдания —
Лишь оттого, что отпускаешь руку,
Которую тебе я протянул.

Совместный труд — вот лучшее лекарство
От всех болезней и от всех тревог.
Не ты, а Мы — ты памятуй об этом,
И победишь, и путь осилишь свой.

Не о себе, не для себя, для Нас —
И все дела приобретут другое
Звучание.

ОКЕАН

Руби канат, привязанный к причалу,
И выходи смелее на простор!

А трудно только первое усилие,
Потом плывешь свободно и легко.

Оцепененье радостное тела,
Дабы твой дух тобою завладел.

Душа расслаблена и как бы безучастна,
Дабы твой дух тобою завладел.

Душа и тело это только реки.
А дух — безбрежность, море, океан.

И разве дух возможно ограничить
Пространством или временем?
Нельзя!

А время — только вечности фрагмент.
Не забывайте говорить об этом.

А время, коль хотите, это древо
Познания добра и зла.

Плоды

Оборваны.

И древо оголилось.

Подточенное, падает оно.

И днем, и ночью бодрствуйте, чтоб древо,
Обрушившись, не раздавило вас.

ОСТРОВА

Мы остров времени определенных ритмов.
Но есть другие острова, где властен
Другой ритм времени и времени нет вовсе.

Но жизнь идет, и мы должны освоить
Неведомые ныне острова.

И к нам приходит озаренье:

вечность

Не протяженностью от времени отлична.
Иное качество.

Случиться может так,
Что вечность с временем пересечется.

Может

Случиться так, что будут параллельны
Цикл времени и вечности река.

ДНИ И НОЧИ БРАМЫ

Космические циклы бытия
В тебе идут.

Ведь ты же микрокосмос.

А микрокосмос космосу созвучен.

В их соразмерности и в четком их единстве —
Раскрытие всех тайн заключено.

Чередование Дня и Ночи Брамь
Должно вершиться каждое мгновенье.
Закон чередования открывает
Возможности, неведомые нам.

Ритмичность повторенья Дня и Ночи
В самом себе ты должен воспитать.
Чтоб это сделать, помни о дыханье.
Сознательно вдыхай и выдыхай.

Вдох — это отдых и души, и тела.
Сон духа — так зовут его порою.
А выдох — пробуждение и выброс
Энергии скопившейся твоей.

Учись дышать.

Синоним этой фразы:

Учитесь жить.

А вечность — только миг
Меж выдохом и новым вдохом Брамь.

СЫН ВЕЧНОСТИ

«Ты есть не ты».

Вот с этого начини

Путь самых сокровенных медитаций.
Тогда, быть может, истинное «я»
И зазвучит из первозданной глубин.

Не должен дух твой к телу прирастать,
Дабы не стал он косным и недвижимым.
Его удел — свобода и любовь
И космоса сверкающие бездны.

Сын вечности, подумай о себе
Как о частице вечного начала.

ЧАША

...Но если тело человека — храм,
То здесь должны быть и алтарь, и Чаша.

Алхимия таинственной любви
Огонь великий возжигает в Чаше.

Все накопления духа твоего
Хранятся в Чаше — Чаше посвящения.

Любое воплощение твое
Огнем стекает в огненную Чашу.

Огонь не может жить внутри тебя.
Он вновь и вновь вторгается в пространство.

Ты должен Чашу высоко держать,
А рвущийся огонь преобразуй
В спокойный свет, в спокойный ровный свет.

Будь осторожен и скромнее будь,
Дабы не ждали большего, чем ты
Дать можешь людям, верящим в тебя.

А горести, беды, страхи и болезни —
Все без остатка в Чаше растворится.

Есть радость устремившегося духа.
Она перерабатывает все.

Войди в ту радость духа твоего,
И облачись в сверкающие ткани,
И Чашу в руки чистые возьми.

А Чашу эту наполняет радость.
А кожа отброшена и смята,
Превращена в искристое вино.

Луч вечности пронизывает Чашу,
Луч вечности пронизывает нас.

Благословен приблизившийся к Чаше.
Благословен почуявший Ее.

ПРЕСТОЛ

Восходит солнце.
Ты иди за ним,
Не мудрствуя, а также не лукавя.

Ты ищешь Путь в сомнениях и страхе,
Но и тебя разыскивает Путь,
Тебе сужденный и тебя зовущий.

На том Пути ты встретишься с собой,
Гонец и Царь, чью волю выполняешь.

Поставь, склоняясь, к подножию Престола
Сверкающую Чашу бытия.

В великолепье царственных одежд
В сиянии великого Престола
Узнай себя.

Не утрапишь себя.

Твой путь к себе непостижимо труден,
Но это — ты, и это — твой Престол.

Все силы света, что живут в тебе,
Престол над бездной хладной воздвигают.

Лишь с высоты сияющего мира
Способен ты благословить свой путь
Страданий, горестей и вечных устремлений.

Стоит Престол над бездною времен,
Как облака, столетия клубятся.

Обозревай прошедшие года
И прозревай грядущие столетия.

Переменивший тысячи обличий,
Ты — это толпы, сонмища людей.
А кто пад ними?

Тот, кто на Престоле.

...Но рушатся условные границы.
Лицом к лицу встречаешься с собой.

Уместна аналогия с царем.
Ты — царь, свои меняющий одежды,
Скрывающий под маскою лицо,
Дабы постичь тебе подвластный мир.

Царь должен нищим ощутить себя,
А нищий должен царственность почуять
В своей судьбе.

Тогда лишь озаренье
Коснется вас и вас преобразит.

Так не пятнай сверкающих одежд
Ни ропотом, ни страхом, ни упреком.

Достоин будь коснуться тех ступеней,
Что к трону осиянному ведут.

Сидящий на Престоле направляет
Во внешний мир твой внутренний огонь.

Он не бесстрастный наблюдатель, нет,
Спокойно восседающий на троне.
Он — полководец, воин и стратег,
И он — утешитель, когда настанет время.

Престол или, точнее, высота,
С которой дух обозревает все:
И внешние, и внутренние дали.

Сиянье солнца окаймляет гору —
Престолом дивным кажется гора.

Туманы раздвигаются, и вот —
Цвет голубой над миром торжествует.

Гора и солнце.
В резком свете солнца
Сползающие книзу ледники.

Вот почему мы так стремимся в горы.
Мы ощущаем истинное «я».

Твой голос, устремленный в высоту,
Здесь образует эхо.

Твой призыв
В ущельях превращается в раскаты.

И тот, кто восседает на горе,
Не может не услышать те раскаты.

Но он-то знает более тебя.
Но он-то видит далее тебя.
Во имя блага, твоего же блага
Он посылает импульсы тебе.

В тебя он верит.
Так поверь в него,
Верпей, в себя как средоточье духа.

1979

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

1

То, что порой называем мы
Вечностью,
Вовсе не вечность.
Это лишь в звездных просторах
Времени замкнутый круг.

2

То, что кончается,
Может быть названо сном.
Лишь бесконечное,
Вневременное
Реально.

3

Творческий ритм —
Утверждение вселенского ритма
И возвращенье
К первичному звуку времени.

4

Радость —
Второе название бессмертья,
Радость, растущая в преображеньи
Всех своих сил,

Своих мыслей и чувств.
Радость в себе растворяет
Весь Космос.
Смерть растворяется в ней,
Как и всё.

5

Сколько уж раз говорили тебе,
И сегодня
Я повторяю тебе:
Ожидание —
Вот что мешает общению с безмолвьем,
Вот что преградой меж ним и тобою встает.
Память должна отключиться,
Во-первых.
Мысли должны умереть,
Во-вторых.
Поток, увлекающий ввысь,—
Бесконечность.
Не вычисляй.
Предсказать ничего здесь нельзя.

1979

ПУТЬ

Сердце мои разрывает одежды.

Соединяюсь с миром и Вселенной
Через его толчки.

Реальность связи неба и земли
Здесь, как пигде, понятна и доступна.

Не просто мир, Вселенная, пространство
А здесь идет сотворчество миров.

Теперь молчи.
Расслабься до конца,
Чтоб различить струящиеся волны.

А мир незримый жаждет проявленья
В твоих поступках, действиях, словах.

Свет хлынувший уничтожает мысли.
Как щепки, их вынесит в никуда.

Когда сольются сердце, дух и разум —
В тебе проснется истинное «я».

Но дух и ум должны встречаться в сердце.
Гордыня, страх, отчаянье, смятение
Тогда не смогут нас поработить.

Старайся через сердце все услышать
И все узреть.
Тогда прозреешь все.

Рост человека меряется сердцем.
Духовный рост немыслим без него.

А мысль легка.
Почувствовать дано
Ей беспредельность подлинной свободы.

Усилие. Устремление. Доверье.
Вот три основы духа твоего.

Коль ты стучишься, то тебе откроют.

Дерзай увидеть и дерзай услышать.
Забыв о завихрениях своих.

Не осуждай, дабы правдивым стать.

А медитация и есть твоя проверка —
Насколько ты готов иль не готов.

Пробиться трудно мысли сокровенной,
Чтоб быть реальной и звучащей быть.

Уйди от слов свободно и легко —
Тогда придет единственное Слово.

А тело зримое — опорный пункт, трамплин
Для устремленья ввысь.

Ты рамки жизни раздвигаешь смело,
Выходишь из физических границ.

А «Всё» лишь часть ничтожная меня.
Пространство есть, но есть и сверхпространство.
И это сверхпространство — тоже я.

К великой тайне подойди в молчанье,
В безмолвии одежд ее коснись.

Безмолвный голос вроде ультразвука.
Какой же слух в себе развить ты должен,
В молчание какое погрузиться,
Чтобы услышать этот тонкий звук.

Безмолвьем внутренним весь внешний мир
заполни,
Чтоб сокровенный смысл его постичь.

Мысль остановишь — время остановишь.

Остановить мгновение — в этом суть
Всех медитаций и всего безмолвья.

В остановившемся мгновение — все и вся,
Все то, что было, то, что есть и будет.

Возьми меня, неведомый поток,
Неси меня, куда тебе угодно!

Как хорошо свое расслабить тело.
И сделать мысль пассивной. И молчать.

Со стороны старайся ощутить
Мир зримых форм и четких очертаний.

Со стороны взирай и на себя,
Будь отчужденным от своих желаний.

Никто не волен пад твоим стремленьем.
Здесь волен ты: принять или не принять
Любовь, тебе даруемую Жизнью.

Нужны усилья, чтобы вспомнить, кто ты,
Чтоб лик свой истинный в тумане различить.

Созпательно — и в этом проявление
Твоей же воли и ничьей другой! —
Ты ритмы космосов приводишь в равновесье.

А грудь горит, как будто Солнце жжет.

Материя светящаяся — здесь.
Не обожгись, когда к ней прикоснешься.

Здесь в форму превращается безмолвье,
Но форма неочетлива пока.

А творчество, коль разобраться строго,
Всегда прыжок в незримое Ничто.

Дух творчества насилия не терпит.
Он — воплощенье радости самой.
А радость там, где царствует свобода.

Лишь в радости доступен людям Свет.

А время и пространство суть одежды,
В которой тесно духу твоему.

Пред истиной ты должен быть нагим.
Иллюзия и прах — твои одежды.
Отбрось одежды. Истина — твой свет.
Она оденет волнами своими.

Согласование всех твоих начал
И равновесие всех твоих стремлений —
Вот цель работы духа твоего.

Кто может приказать тебе? Никто.
Удел твой — абсолютная свобода.
Но ты раскрой ее в самом себе.
Задача медитаций и безмолвья,
Быть может, в этом только состоит.

Во имя той сверкающей свободы
Ты и живешь.
Без проблесков ее
Давно бы смерть, давно б оцепененье
Тебя сковало.

Сын вечности в круг времени войдет,
Но по желанию собственному только.

Один и тот же путь проходишь дважды.
Вначале — вниз. Потом уходишь ввысь.
Так замыкаешь ты кольцо познания.

Познай себя.
Не спизу вверх познай,
А с высшей точки, для тебя доступной.

Земная апалогия — Гора.
Туда восходишь и оттуда сходишь.

Путь восхожденья труден. Нисхожденье
Еще опасней и еще трудней.

Зависит все, буквально все в тебе
От Устремленья.
Если устремлен —
Завесу тайны ты поднять сумеешь.

Над бездной вознесенный, посмотри
В последний раз на бездну под тобою.

Внимая вечности, ты получаешь силу.
Внимая вечности, становишься собой.

Обетованье вечности твоей
Должно звучать в твоих делах и мыслях.

Житейское, духовное — две грани,
Разъединить которые нельзя.

А силы, управляющие ими,
Одни и те же.
И преображенье
Возможно лишь в слиянье двух начал.

Разъединенье двух миров, двух пластов
В сознание искривленном существует,
В несовершенном.

Жизнь духа быть оторванной не может
От жизни, протекающей вокруг.
Отсюда — все ошибки и соблазны.

Ищи прибежища у собственного духа
И укрепляйся сплюю его.

А плап физический не требует — учти —
Всего тебя.

Он требует вниманья
Разумного, и больше ничего.

А медитация должна вторгаться в жизнь
Все время. Постоянно.

Промежуток
Любой всегда используй для нее.
Тогда лишь точным будет различенье
И тьмы, и света и в самом тебе,
И в мире, окружающем тебя.

Сомненье, страх, неверье, недоверье —
Все это то, о чем сказать вам должно:
«Ты есть не ты». А что такое ты?
Бессмертье, радость, вечность, беспредельность,
Все космосы объявляя любовь.

Для цвета, приходящего с высот,
Слов не имеется.

И он такой бездонный,
Что он порою может показаться
Зияющею черной пустотой.

А Космос — беспредельность.
Чтоб познать
Ее, тебе необходима вечность.

Из Микрокосмоса ты вырвался.
Теперь
Над Макрокосмосом смелее поднимайся!

Одним рывком преодолеешь Космос.
Пространства, временные промежутки
Для вечности не значат ничего.

Соприкоснувшись с вечностью, исследуй
Законы Космоса, пульсации его.

Надвечное, предвечное и вечность.
Затем уж — время, мысли, чувства, мы.

Пусть истинное «я» твое звучит.
Пусть формы иллюзорные замолкнут.

Всплеск вечности ты должен услышать,
Верней, почуять устремленным духом.

Ты только эхо. Только резонатор.
Пусть вечность резонирует в тебе.

Сегодня круг спасательный дается
Любому человеку на земле.
Но — торопись!
Его узреть ты должен,
Его ты должен вовремя надеть.

Не страшен вихрь, когда стоишь ты в центре,
Житейское с духовным сочетая.
Но если порознь эти два начала —
То человека бездна поглотит.

Преобладает то или другое.
А быть должна гармония, слиянность
И равноправье двух твоих начал.

Тогда ты гору можешь передвинуть.
Она пойдет, коль ей прикажешь ты.

А быть свободным это означает
Понять себя и миссию свою
И выполнять ее, не отступая.

Что значит расширение сознания?
Лишь понимание собственной задачи
И понимание миссии своей.
И с каждым новым шагом в осознание
Даются силы новые тебе.

Преграды — это прошлое твое.
Ты одолел их в глубине своей
Давным-давно.
А ныне план незримый
Тобою утверждается вовне.

Твой путь начался в страхе и сомненье.
Но он начался.
И теперь ничто
Остановить тебя уже не может.

Но только больше радости, мой сын,
Как можно больше радости душевной.

Все планы бытия уже другие.
Сознание наше — прежнее, увь!

В трудах обычных — необычность ваша.
В простых словах — космический глагол.

Везде и всюду, там, где свет и жизнь,
Путь посвященный проходит человека.

Он — в осознание самого себя
И извлечение выводов для духа.

Вот почему все прошлое твое
Подступит, хлынет волнами и мраком —
Ты должен будешь укротить стихию.

Ведь жизнь твоя — еще преддверье Жизни,
Лишь подготовка ко вступлению в Жизнь,
Жизнь истинную.

Пространство, обстоятельства отступят,
Когда свою почувствуешь свободу
И цепи иллюзорные порвешь.

Быть посвященным значит полюбить.
И все откроется. Любовь — познание сердцем.

Соприкасаясь с вечностью, молчи,
Но слушай, слушай, каждой клеткой — слушай!

Преображение и познание — рядом.
Они неотделимы.
Познавая,
Преобразует человек себя.

Не в блеске молний, грохотанье неба
Идет преобразование людей,
А в повседневной будничной работе,
Работе и в общении с людьми.

Единство, возвращение к Единству —
Вот лозунг наш, вот наш победный клич!

Жизнь есть любовь.
Пока ты в это веришь,
Пока ты знаешь это — смерти нет.

Не мысли сконцентрировав на смерти,
Не отрицая яростно ее,
Ты победишь ее могильный призрак,
Но только если ощутить сумеешь
Ты в данной жизни пульс Единой жизни
Реально, полнокровно и легко.

Ты не о смерти думай, а о Жизни,
Дабы твой дух воистину воскрес.

Вкусившие из временных истоков,
Вы знаете горчайший вкус их.
Радость —
Дочь вечности, дитя бессмертных сил.

Решимость духа твоего — залог,
Что мир преобразится, утопчится.

Твоя духовность, одухотворенность
Должна основой мирозданья стать.

Рожденный Светом, в Свет вернуться должен.

УСТРЕМЛЕНИЕ

Когда мы устремляемся к истоку,
Никто прервать не в силах этот ток.

Твоя победа — в этом устремленье.

Не бойся слов. Не бойся недостатков.
Есть устремленье — значит, будет все.

Коль устремлен, ошибки отпадут.
Они сгорят в движенье непрестанном.

Колючки мелкие, оставшиеся в теле,
Все выдерни.

Забудь о них.
На взлет!

Учись летать, а не парить.
Паренье — отдых, а полет — работа.

Что значит вечность?

Прошрое, сейчас,
Грядущее? Оно ни то, ни это.
А время верепицею зеркал
Мне представляется.

И отражая вечность,
Оно порой ее и искажает.

Чтоб разглядеть глубинный смысл вещей,
На миг мы останавливаем время.
Миг равен вечности, когда ты устремлен.

Победа — устремление.

Потому
Единственный мой лозунг — Устремление!

Идти назад — обречь себя на смерть.
Остановиться — значит, смерть настигнет.
Иди вперед, дабы отстала смерть.
Она отстанет, ибо даже мысль
О ней исчезнет.

Не только явь преобразуйте.

Сон
Преобразуйте устремленным духом.

Сон кончился с момента устремления.
Вступивший в царство истинной свободы
Не возвратится больше в царство сна.

Вперед, вперед! Нет перерыва.

Есть
Трамплин пред тем, как прыгнуть в неизвестность.

Жизнь — устремление. Если осознаешь
Всем существом простую эту мысль,
Жизнь не прервется даже на мгновение.

Не через ум, а через сердце — вверх!
Усилье радостным становится.

Тогда
И происходит чудо превращения.
Тогда едины небо и земля.
Нет дисгармонии. Есть устремление духа.

Унынье и усталость преходящи.
Непреходящи радость и любовь.

А устремление высекает радость
Из всех препятствий и из всех преград.

Мой отдых — устремление вперед.
Мой праздник и награда — устремление!

Процесс преображенья очень прост:
Быть устремленным каждое мгновенье.

Победа там, где побеждает дух.
Все остальное — не победа.

Не возвышаюсь я, а устремляюсь.
Вот так возможно четко различить
Корысть и бескорыстие отныне.

Коль обозначены дороги восхожденья,
Наполовину путь преодолен.

Из устремленья вырастаешь ты —
Твой звездный образ и надзвездный тоже.

Вперед, вперед, — дабы прийти к себе!

Вершина всех вершин в самом тебе.
К ней устремись. Отсюда все увидишь.

Миллионы солнц сейчас в тебе горят.
Где Макрокосмос и где Микрокосмос?
Границ меж ними ты не проведешь.

Неизмеримое лишь может измерять,
А беспредельное обозначать пределы.

А через небо постигайте Землю,
А через Космос самого себя.

Идущий сверху и идущий снизу
Встречаются, чтоб истину познать.

Помни, что устремление — это не прямая линия, а повороты, повороты, ведущие вверх по спирали.

Помни, что все можно отнять у человека, кроме его устремления, ибо оно не зависит ни от чего: если оно есть, то оно есть; что б ни случилось, оно есть.

И, наконец, помни:

Слова есть Слово, если устремлен.

ЗВЕЗДНЫЙ КРУГ

ТОТ, КТО ИДЕТ

Тот, кто идет, восходит на вершину.
Тот, кто идет, несет ее в себе.
Тот, кто идет, пришел и вдалеке уходит.
Мгновение был, а вечность пронеслась.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

...Но каждый поворот и перевал
Нам кажется необычайно трудным.
А каждый поворот есть воскресенье,
Ты смертью как бы попираешь смерть.

ОГОНЬ

Огонь, о коем говорил пророк,
Идет, и небо как костер незримый.

Огонь, огонь — развязка всех сюжетов,
Легенд, пророчеств, жизни на Земле.

В огне сгорает ветхий человек,
И тело света обретает новый,
Не познавший тобою человек.

ОГОНЬ И ВЗЛЕТ

Огнем благословляется Земля,
Соприкасаясь с дальними мирами.

Огонь роднит нас с Космосом.
И мы

Переплавляем в сердце и сознание
Материю светящуюся звезд.

Огонь и взлет. Вот эти два понятия
Неразделимы. Космос ждет тебя.

ВВЫСЬ

Землей рожденный — ты рожден и Солнцем.
Землей рожденный — ты уходишь в землю.
Рожденный Солнцем — ты уходишь ввысь.

НИЧТО

Всегда творится все из ничего.
Поскольку изначальный акт творенья
Как бы сгущает то, что есть ничто.

Из ничего и вырастает все.
Трудней всего добиться, чтобы было
Вот это пресловутое ничто.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ НАШ КРУГ

Кольцо времен — спасательный наш круг.
Оно нас держит на плаву,
пока
Не подберет корабль, идущий в Вечность.

СЧЕТЧИК ВРЕМЕНИ

А мысль аналитическая наша
Не может Вечность изучать, разъявши
На части то, что разделить нельзя.

Нет, Вечность лишь присутствовать должна
И в мыслях наших, и в поступках наших.
Мысль — счетчик времени.

И этот счетчик нужно
На некий промежуток отключать.

КОГДА ПРИДЕТ БЕЗМОЛВИЕ

Когда придет безмолвие, то видишь,
Как мысль твоя любая тяжела.
Ведь вес ее — вес Космоса.

И даже
Порою больше.

ПРИЧАЛ

Планета молчания, Космос безмолвия —
Сюда мы причалим, отсюда уйдем.

НИЩИЙ

Я роздал все, что приобрел вчера.
Я нищий вновь. Я ничего не знаю.

ТАЙНА РАВНОВЕСИЯ

Пирамида — и призыв, и символ.
В ней сокрыта тайна равновесья.
На земле стоящий основанием
Острием уходит в небеса.

ПРОСНУВШИЙСЯ

Проснувшийся мешает людям спать.
Но он сильнее их — незрячих духом.

ТРИЕДИНСТВО

Есть Абсолют. Есть Космос. Есть Земля.
Ты в этом триединстве растворен,
Ты это триединство растворяешь
В самом себе. Конец есть бесконечность.
Любая точка в беспредельном мире
Становится началом всех начал.

ИСТОК И УСТЬЕ

Исток и устье — это Абсолют.
И, вытекая из него, река
В него впадает.

АБСОЛЮТ

Коль разобраться, то слова нас держат
(И мысли держат) в неразрывной связи
И с телом, и с землей, и с мирозданием.
Нет слов и мыслей. Значит — Абсолют.

ТВОРЕЦ

Творец в своем творении живет
Не отстраненно и не фигурально,
Буквально каждой клеточкой живет.
И человек, сознавший — «я творец,
Во всем живущий», главное постиг:
Зачем живет? Зачем он воплотился?

ИСТИНА

Чтоб видеть истину, взглядишь в лицо другого,
И ты увидишь самого себя,
Идущего дорогой параллельной.

ЖИЛИЩЕ ДУХА

Жилище духа всюду и нигде.

Здесь и не здесь.

Вот ощущение духа,

Которое главенствует всегда.

ЗВЕЗДНЫЙ КРУГ

Все то, что окружает, это ты,

И, значит, ты есть все, что окружает.

Нет перерыва меж тобой и миром.

Одно кольцо. Единый звездный круг.

1987

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Нет повести печальнее на свете	12
«Я не верю в любовь без ревности...»	15
«Ты — быстрая смена дождя и солнца...»	16
«Город подслеповато щурится...»	17
Воспоминание	18
Ожидание	19
«Чудес не бывает...»	21
Город после дожди	22
«Горькой пылью пылили войска...»	23
Лебеда	24
Память войны	26
На реке Потудань	28
Здесь для меня начиналась Россия	30
Полынь	31
Полдень	32
«В цветке я заблудился, как в лесу...»	33
Сентябрь	34
«Поэзия — на грани волшебства...»	35
«Поля совсем по-зимнему одеты...»	36
«Весне еще зябко...»	37
«Косматый облак надо мной кочует...»	38
Дождь	39
Не спит земля	40
«В дрянном пальто, простуженном насквозь...»	41
«Я сегодня праздную тебя...»	42
«О, наши стычки, наши ссоры...»	43
«Мы расстаемся, расстаемся...»	44

«Еще не слабость и не старость...»	45
Церковь	46
«Мы открываем с каждым днем Россию...»	48
Антоновка	49
А Дон мелеет	51
Радуга	52
«Дорога и небо, дорога и небо...»	53
«Как медленно к тебе я возвращаюсь...»	54
Почтовый ящик	55
Приметы	56
«Чем ближе мы...»	57
«Затухает любовь, затихает...»	58
«О, наша внутренняя слепота!..»	59
«Расстреляйте мой страх!..»	60
«Мне не к чему себя оправдывать...»	62
«Но связь времен не восстановит Ной...»	63
«К родному возвращаюсь очагу...»	64
«Единственный короткий поцелуй...»	65
«Любовь оправдывает все...»	66
«Во мне живут сомнение и смятение...»	67
«Нисходит снег...»	68
«А у меня — отцовский склад и прав...»	69
Бетховен работает	71
«В страну бессмертья ищем мы пути...»	72
«..Но человек — смешение двух начал...»	73
Случай на выставке	74
«Я не пишу о доме, не пишу...»	76
Старинные названия	77
Стихи о Петре	78
Стихи о Петербурге	79
«Опять вороны дождь пророчат...»	80
«Я вновь, как в детстве, независим...»	81
«Я откупился гонимым...»	82
«А черный ворон выпил воду...»	83
Дом	84
«Обледенная ракета...»	85
«Мы разучились удивляться...»	86
«Нам столько выпало событий...»	87
«Завечерело. Все виднее...»	88
«Ложится на речные скаты...»	89
«И вот она — твоя деревня...»	90
«Немыслима Россия без снегов...»	91
«Струится вечер тусклым светом...»	92
Земля	93
«Безмолвие. Запустение...»	94

«Я встану нынче спозаранку...»	95
Чернозем	97
«Мы забывали о России...»	98
«Шел князь на князя...»	99
«Будило эхо мрак и топн...»	101
«И вновь отступление цели...»	102
«Туманом легким город тает...»	104
Антикварный магазин	105
«Пусть этажи растут бесстрашно...»	106
«Томись и надейся на случай...»	107
«Откуда, откуда такое?..»	108
«А я не знал, а я не ведал...»	109
Свадьба	110
России	113
Русь	114
«Пока Россия сквозит в тумане...»	115
«Рассвет незряче надвигается...»	116
«Во мгле и суесть ревущей...»	117
«Маячит смутная ветла...»	118
В Михайловском	119
«Ах, как пахнет некошным летом!..»	120
«В угаре дымном дробно пляшут...»	121
«Перед лицом космических тревог...»	122
«Уже весною пахнет ветер...»	123
«Хоть раз в году, но надо, надо...»	124
«В твоей руке упругий прутик...»	125
Татарник	126
«А мы пехоженной тропой...»	127
«Мы снова возвращаем имена...»	128
«Не кокетничай с Музой, мой друг...»	129
«Жизнь вечерет поемному...»	130
«В глаза мне смотрит, не мигая...»	131
«Уже становится историей...»	132
«Лукавить я себя не заставляю...»	133
«Я устаю от наших расставаний...»	134
«Колокола отколоколили...»	135
«Свет заката вечернего узок...»	136
Деревья говорят со мною...	137
«То ли мать эту песню певала...»	138
«Себя подгоняем: «Скорее!..»	139
XVIII век	140
Паталье Николаевне Пушкиной	142
«Когда возводит юность зданья...»	143
«Уже в лицо дохнула старость...»	144
«В холодном небе умирают звуки...»	145

«За много-много лет, быть может...»	146
«Снег полыхает в лунном свете...»	147
«Вспорхнули листья, словно воробьи...»	148
«Я соразмерность осени люблю...»	149
«Текучесть форм — вот сущность бытия...»	150
«Приемли мир и ничего не требуй...»	151
«Из века в век нас поучали...»	152
Голубые холмы Индостана	153
Отчий дом	157
«Как не похож тот мальчик на меня!..»	158
Ветераны войны	159
«Нам суждена судьба крутая...»	160
«Конечно, не единым хлебом...»	161
«Не смерть страшна, страх перед смертью страшен...»	162
«Исчезла грань меж небом и землей...»	163
«Нам дарит убежденность все чаще...»	164
«Полночь жизни моей миновала...»	165
«Я стою на слиянии рек...»	166
Ученик Пифагора	167
«Случайных встреч и не было и нет...»	168
«А я нелеп в своем стремленье...»	169
«Ну что ж, я своего добился...»	170
«С какою дерзостью великой...»	171
«Мир обеззвучел, замер, вымер...»	172
«Не выпадай из светлого кольца...»	174
«Пусть осаждают будничныи уклад...»	175
«Я не хочу, чтоб было по-другому...»	176
«Весну мы превращаем в осень...»	178
«С каждым закатом сильнее и сильнее...»	179
«А травы хлынули лавиной...»	181
Мир без тебя	182
Твое имя	183
«Да оградит тебя моя любовь...»	184
Шпага 1711 года	185
«Седьмая излука, седьмой поворот...»	186
«Береза роняет сережки...»	187
«Качает ветку воробей...»	188
«Превращается все в нарастающий рокот...»	189
«Как мало музыки в словах!..»	191
«Над головой — пезыблемый покой...»	192
Маме	193
«Леса оглашаются трелью...»	194
«В душе твоей проснулась высота...»	195
«Во всем, решительно во всем...»	196
«А я давным-давно усвоил...»	197

«Поэт не прав. Не вышел он в пророк...»	199
«Когда упынъм новый день твой пачат...»	200
«Опять во власти горя своего...»	201
«Туман густеет с четырех сторон...»	202
«Она придет. Она прийти должна...»	203
«Открыта духу высота...»	204
«И опять нахлынуло, вернулось...»	205
«Пусть бой сейчас беззвучен и незрим...»	206
«Я чашу радости несу...»	207
«Пылайте сердцами!..»	208
«Я жил от встречи и до встречи...»	209
«Прощай, прощай, зубробизон...»	210
«Как поживают наши липы?..»	211
«Спасибо, снег, что ты идешь...»	212
«Не напрасно, мой друг, не напрасно...»	213
«Есть высший смысл в таинственной игре...»	214
«О, потеренье сердца моего!..»	215
«В этом доме смятение стихает...»	216
«Я столько дней не видел неба...»	217
«Вот мой рабочий кабинет...»	218
«Звучащие волны пространства...»	219
«Что может быть прекраснее доверья?..»	220
«Чьи-то легкие тени колышут...»	221
«Долой, долой все мысли о былом...»	222
«Обращаюсь к сверкающим травам...»	223
«Пусть грядет испытанье любое...»	224
«Даже травы объаты любовью...»	225
«Солнце опять накалило стволы...»	226
«Но есть основа всех основ...»	227
«Начнем нашу встречу в молчанье...»	228
«Здесь, у таинственного входа...»	229
«Волна вздымает новую волну...»	230
«С неведомой донны силой...»	231
«Свой диктует время сроки...»	232
«И все же мир далек от образца...»	233
Твердыня	234
Была не просто война...	238
Духовые оркестры	240
Соборная площадь	241
«Холодный блеск речной излучины...»	242
«Причал домашний вновь оставлен...»	243
«В горячке, гомене и гвалте...»	245
«Сня великая есть тайна...»	247
«В часы ночного откровенья...»	248
«Отринув суету и суесловье...»	249

«Удвой в воображение тишину...»	250
«Уста глаголят от избытка сердца...»	251
«Ты — человек. Ты — отблеск откровенья...»	252
Надежде Михайловне Костомаровой	253
Чем дальше мы уходим от войны...	254
«Печаль твою и скорбь твою почуя...»	256
Цветы	257
«Куда умирают люди?..»	258
Сердце	259
«Соприкоснулись дальние светила...»	260
«Работник ты, а не избранник...»	261
«Затихает далекий транзистор...»	262
«Разве небо безгласно и немое?..»	263
Каков, Учитель, будет наш конец?	264
«Спиритоп-поворот»	266
«Внимай себе...»	268
«Нас призывают древние заветы...»	269

Беловодье

Над Катунью	270
Я мчался по Чуйскому тракту...	270
Сибирский говорок	271
Алтайская пословица	272
Так было	273
Аксакал	274
Уймон	275
Беловодье	276
Магниты	278
Снеговые вершины Белухи	279
«Я ныряю в прохладную рощу...»	280
«Уходят былые пейзажи...»	281
«Пускай повторяются доли...»	282
«Синевой колышутся воды...»	283
«...И слове самом «Семилуки»...»	284
Страницы Вселенной	286
Возвращение	287
«Сверканье трав и очертанья дня...»	290
«Дыханье незримого края...»	291
«Мне раньше часто говорили...»	292
«Интель неба попал в подземелье...»	294
«То ли город сомнением расколот...»	295
«Ощущение вины перед всеми...»	296
«Но тех, кто с синей высотой...»	297
«Голубые бабочки летают...»	298
«Уезжаю в Москву...»	299

«Неужто духом я устал...»	300
«Предсмертные вспыхнут зарницы...»	301

Болгарский триптих

Кириллица	302
Рерих в Болгарию	302
Монумент колоколов	303
«Дерево, птица и человек...»	304
«Прозрение даждь нам дпесь...»	305
«На прохладной вековой опушке...»	306
«Островок, мне оставленный, узок...»	307
«В пескончаемом гае и гуле...»	308
Семилукская роща	309
«Я не жажду вчерашнего пыла...»	310
«Пусть поэт говорит о поэтах...»	311
«Неотвратима в сердце ностальгия...»	312
«Я возвращаюсь, словно возрождаюсь...»	313
«Без атомных бомб и без химии жили...»	314
«Я не смею просить ни о чем...»	315
«Насилья не терпит пространство...»	316

Славянский Воронеж

На раскопках	317
Хороший знак	318
Противоборство	319
Пророк	321
«Среди полей и бездорожья...»	322
«Куда б ни шел, куда б ни ехал...»	323
«Я углубляюсь в глушь лесную...»	324

БАЛЛАДЫ И ПОЭМЫ

Иван Первый	326
Мазепа в Бендерах	331
Наполеон	335
Светлая осень (<i>Венок сонетов</i>)	340
Урочный час	348
Петр I	359
Сон (<i>Сказка-притча</i>)	362
Акбар	367
Учитель	370
Пробуждение	373
Семь цветов радости	382
Весть	386

Пути любви	392
Мысль	403
Гонец	405
Зов	413
Вивекананда	422
Голос в ночи	428
Страпник	436
Гималайский сад	438
Свиток	451
Махатма Ганди	459
Воспоминание о поле Куликово	462
Песнь о Шамбале	468
Сатсанг	474

МЕДИТАЦИИ

Ступени	478
Ключ	491
Беседы с Учителем	501
Бесконечность	514
Путь	516
Устремление	527
Звездный круг	531

Сидоров В. М.

С 34 Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Баллады и поэмы; Медитации: Поэзия.— М.: Худож. лит., 1990.— 543 с.

ISBN 5-280-01082-0 (Т. 1)

В первый том вошли избранные стихотворения, баллады и поэмы, а также медитации — краткие поэтические размышления на философские темы. Произведения написаны в 50—80-е годы.

С $\frac{4702010202-148}{028 (01)-90}$ 73-90

ББК 84Р7

*Валентин Митрофанович
Сидоров*

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ
Том первый

Редактор *Н. Крюков*

Художественный редактор *И. Сальникова*

Технический редактор *Г. Такташова*

Корректоры *Н. Пехтерева, О. Левина*

ИБ № 5774

Сдано в набор 25.07.89. Подписано к печати 19.02.90. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новал». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56+вкл.=28,61. Усл. кр.-отт. 28,61. Уч.-изд. л. 18,90+вкл.=18,94. Тираж 25 000 экз. Изд. № 111-3596. Заказ № 570.
Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валовая, 28

Отпечатано во Владимирской типографии Госкомпечати СССР,
600 000, г. Владимир, Октябрьский проспект, 7

